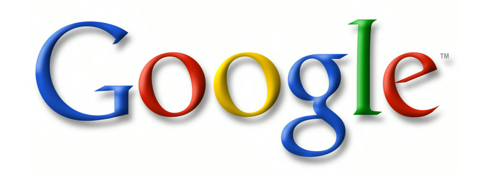

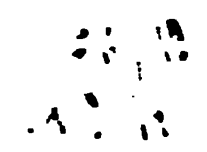
ОЧЕРКИ

ВОЛЖСКАГО НИЗОВЬЯ.

ПАВЛА НЕБОЛЬСИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.
1852.

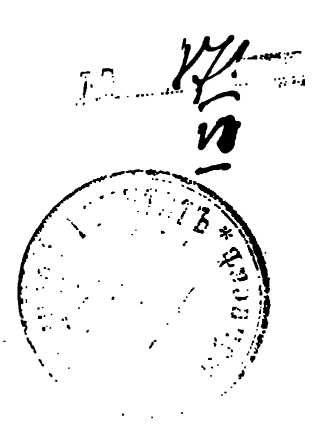

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 20 Сентября 1852 года.

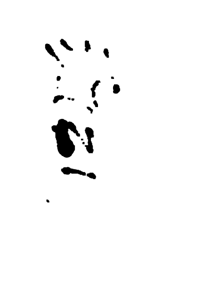
Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Приложена карта Волжскаго Низовья.

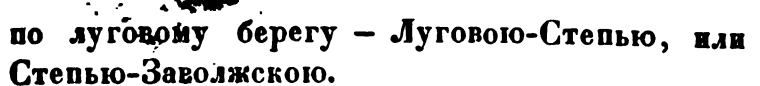

I.

НИЗОВАЯ - СТОРОНА.

Рѣка Волга раздѣляетъ нашу Низовую-Сторону на двѣ части: нагорную и луговую. Первая изъ нихъ, въ старинныя времена, именовалась Крымскою-Стороной, потому-что населявшіе ее кочевники находились подъ вліяніемъ Крымскихъ-Хановъ; послѣдняя называлась Стороною-Ногайскою, потому-что обитаема была Ногаями и служила мѣстомъ кочевья разрозненныхъ улусовъ такъ-называвшейся въ прежніе годы Золотой-Орды. Въ настоящее время, земли по нагорному берегу именуются просто Волжскою-Степью, а земли

по луговому берегу — Луговою-Степью, или Степью-Заволжскою.

Эти народныя названія сами собой даютъ уже понятіе о томъ, что̀ такое представляетъ собой Низовая-Сторона. И въ самомъ дѣлѣ, куда ни обрати взоры, всюду встрѣчаешь здѣсь только безбрежную, ровную, грустную и однообразную голую степь. Пустыри, солончаки, сыпучіе пески, и отсутствіе проточной воды — вотъ отличительные признаки страны по-Волжской, обхватывающей всю сѣверную часть Каспійскаго-Прибережья и, по-видимому, исконн, и на-вѣки, предназначенной только для обиталища кочевыхъ племенъ.

Слова эти, конечно, покажутся парадоксомъ для того, кто самъ лично не знакомъ съ краемъ и вообще не охотникъ справляться съ географическими картами. Какимъ образомъ рѣшились мы страну, орошаемую роскошною Волгою и ея протоками — называть стороной безводной? Какимъ образомъ обширный край, съ многочисленнымъ осѣдлымъ населеніемъ — рѣшились назвать пустынею, предназначенною только для кочевниковъ? — Дѣйствительно, Волга, не доходя еще до Царицына, начинаетъ развѣтвляться: между Дубовкою и Царицынымъ, она отдѣляетъ отъ себя главный свой протокъ Ахтубу; потомъ впадаетъ въ море — шестьюдесятью семью устьями; число всѣхъ рѣчекъ и маленькихъ протоковъ, продольныхъ и поперечныхъ, искрещающихъ низовье Волги между правымъ ея

берегомъ и лѣвымъ берегомъ ея протоковъ — доходитъ до двухъ сотъ; разливъ Волги бываетъ такъ великъ, что сліяніе всѣхъ побочныхъ ея рукавовъ, въ одно общее съ коренною Волгою русло, представляетъ огромный водный потокъ — отъ тридцати до сорока верстъ ширины. Но — что же есть тамъ еще, кромѣ этой гигантской массы воды? Что представляютъ пространства, на нагорной сторонѣ — до рѣкъ Сарпы и Кумы, а на луговой — до Уаена и дальше, вплоть до самаго взморья? — Голую, сухую степь, на которой, въ знойные лѣтніе мѣсяцы, всѣ тощіе злаки почти совсѣмъ пожигаются. Зима здѣсь обыкновенно короткая, морозы слабые, снѣгъ не крѣпокъ, санной путь весьма непродолжителенъ; въ началѣ марта, Волга, подъ Астраханью, уже свободна отъ льда. Затѣмъ, съ іюня наступаетъ жара нестерпимая; термометръ нерѣдко показываетъ выше +40°; ночи бываютъ удушливыя, и часто при совершенномъ безвѣтріи ртуть достигаетъ +25°. Лучшее время года конецъ сентября, октябрь и даже ноябрь.

Волга разсыпается на множество малыхъ протоковъ почти только въ самыхъ устьяхъ; прежде-же того она образуетъ множество островоѣъ, отдѣляя отъ себя рукава, которые, въ отличіе отъ коренной Волги, называются Воложками. Часто эти рукава представляютъ изъ себя маленькія рѣчки, или родъ естественныхъ каналовъ, которые, разсѣкая твердую землю въ разныхъ направленіяхъ,

опять соединяются съ главнымъ русломъ: такія естественныя канавки, или проточины, называются «ериками» или «узсками» (*узекъ* или *узюкъ*—татарское слово); если ерикъ врѣжется въ матерую землю и продеретъ себѣ путь степью — то его называютъ «подстёпкомъ». Случается, что маленькій ерикъ, наполняясь водой, болѣе и болѣе расширяетъ свое ложе и превращается въ настоящую рѣку; случается и противное тому: ерикъ съ одного конца высыхаетъ, образуетъ собой такъ-называемый «ильмень», а съ теченіемъ времени и совершенно заростаетъ камышомъ.

Берега Волги, въ ея низовьяхъ, вообще низменны; дно неровное. Сорванный съ береговъ лѣсъ, цѣлыми пнями и колодами, гніетъ подъ водой и мало по малу заносится пескомъ; кромѣ этихъ такъ-называемыхъ «каршей», рѣчное ложе усѣяно подводными камнями, крѣпкими отмелинами и песками, которые волнами переносятся съ мѣста на мѣсто. Выше Астрахани, Волга, на главномъ своемъ фарватерѣ, имѣетъ до 15 саженъ глубины; противъ Замьяновской-Станицы (названной такъ по имени одного изъ прежнихъ Калмыцкихъ владѣльцовъ, тайши Замьяна), глубина ея доходитъ до 30 саженъ. Недалеко отъ этого послѣдняго мѣста, именно противъ Лебяжновской казачей станицы, Волга отдѣляетъ отъ себя съ лѣвой стороны новый рукавъ *Бузанъ*. Между-тѣмъ, прежній протокъ ея *Ахтуба*, раздѣляясь на два рукава, *Боль-*

шую и *Малую Ахтубу*, и отдѣливъ отъ себя рѣчку *Ашулукъ* и множество ериковъ и подстёпковъ, соединяетъ потомъ всѣ ихъ вмѣстѣ съ собою и наконецъ сливается съ *Бузаномъ*, вмѣстѣ съ которымъ впадаетъ въ прежде-бывшій морской заливъ, именуемый *Синимъ-Морцомъ*.

Въ народномъ употребленіи обитателей низовьевъ Волги и Урала, словомъ «морцо» выражается понятіе или—морскаго залива (какъ на-примѣръ Ензелинское-Морцо, Курхайское-Морцо), или—степнаго озера, замѣчательнаго по своей обширности и несравненно большаго противъ того, что называется ильменёмъ, или собственно озеромъ (на-примѣръ Черхальское-Морцо, на картахъ — Озеро Чалкаръ). *Синее-Морцо*, по мѣстнымъ преданіямъ, было заливомъ Каспія и богато соленою водою. Съ теченіемъ времени, оно стало мелѣть, заростать, со-стороны моря, все больше и больше камышомъ, обогащаться прѣсною водою изъ «волжскихъ розсыпей»; наконецъ оно такъ теперь обмелѣло, что, въ иное время, на немъ мѣстами не проѣхать и въ простой «косной» (то-есть — лодкѣ особой конструкціи, на которой разставляется косой парусъ, и которая есть нѣчто среднее между нашимъ ялботомъ и катеромъ, но ближе къ послѣднему). Глубины бываетъ въ немъ иногда не больше какъ на три фута. Оно имѣетъ теченіе и совершенно прѣсно, если «моряна», или морской вѣтеръ, не нагонитъ въ него морской воды:

послѣднее случается не съ однимъ Синимъ-Морцомъ, а съ устьями всѣхъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспій. Вообще Каспійское-Прибережье очень богато прѣсною водою: отъ самаго западнаго Волжскаго устья (рѣчки *Басаргѝ*, что̀ близъ острова, называемаго *Оля̀*, и розсыпи, именуемой поэтому *Олѝшною*), до крайняго восточнаго (*Джамба̀я* — выговаривается также *Жамба̀я* и *Шамба̀я*), на протяженіи 150, а по другому счету — 160 верстъ, вода вездѣ прѣсная, обиліе которой постоянно поддерживается ильменями и устьями разныхъ потоковъ.

Послѣ Бузана, Волга отдѣляетъ отъ себя два замѣчательные рукава: *Рычу* и *Балду̀*: послѣдній, годъ отъ году, по замѣчаніямъ мѣстныхъ жителей, становится шире и шире, потому-что быстрымъ стремленіемъ рѣки замѣтно срываетъ лѣвый ея берегъ. Этоже самое замѣчаютъ и вездѣ. Но, въ тоже время, Волга, въ одномъ мѣстѣ, отрывая цѣлые «яры» или мысы, несетъ ихъ дальше и приставляетъ опять къ берегу, или намываетъ новые берега̀; въ другихъ мѣстахъ, наметываетъ вновь ко̀сы и цѣлые большіе острова̀, и, такимъ образомъ, прорывая для себя новое ложе, прокладывая новые пути, постоянно все болѣе и болѣе мелѣетъ. Теченіе Волги, особенно въ половодье, бываетъ очень сильно, узла по четыре въ часъ; а въ узкихъ протокахъ (которыя, всѣ на одинъ манеръ, называются въ простонародьи «рѣчками» «быстренькими») — узловъ по семи въ часъ.

За Астраханью, Волга начинаетъ сильнѣе дробиться. Развѣтвляясь на нѣсколько протоковъ, она уступаетъ первенство свое одному изъ нихъ, *Бахтемиру*, который превосходитъ ее бо́льшимъ удобствомъ для судоходства, а сама перемѣняетъ имя свое на званіе *Старой-Волги*, какъ будто, за старостью лѣтъ, сознаваясь въ безсиліи носить на себѣ суда съ полнымъ грузомъ. Потомъ, соединяется съ рукавомъ Бахтемира, чрезъ широкій протокъ, именуемый *Урусовымъ* или *Урустобскимъ-Плёсомъ*, и вмѣстѣ съ нимъ впадаетъ въ рѣчку *Мара́кушу*, образуя множество мелкихъ, но возвышенныхъ острововъ, именуемыхъ по формѣ своей «буграми». За Мара́кушей идутъ такъ-называемыя «ро́зсыпи» — широкіе, но мелкіе разливы Волжскихъ протоковъ, образующіе собою родъ взморья: первая изъ нихъ именуется — *Княжою*, вторая — *Шилинскою*, а третья и послѣдняя — *Раку́шинскою*, которая соединяется съ *Ямнымъ-Рейдомъ*, у *Бирючей-Косы*. Окончаніе (если можно такъ выразиться) Старой-Волги есть такъ-называемый *Бакланій-Протокъ*, за *Сайгачьимъ-Прора́номъ*.

За чертою, дальше которой по́лая вода всѣхъ этихъ протоковъ не распространяется, ничто не увлажаетъ далеко раскинутыхъ пространствъ, усѣянныхъ пескомъ и солончаками; ничто не манитъ путника укрыться отъ палящихъ лучей солнца подъ тѣнію и прохладою рощи или бора. Въ Низовой-Сторонѣ, вообще, нѣтъ лѣсовъ въ томъ смыслѣ,

въ какомъ мы у себя понимаемъ слово «лѣсъ»: одинъ тальникъ, да чахлый кустарникъ — вотъ все, чѣмъ, въ этомъ отношеніи, край можетъ похвастаться. Много тутъ винограду и нѣжныхъ плодовыхъ деревъ, лелѣемыхъ на рѣдкихъ клочкахъ земли, удобной для садоводства: но эти маленькіе оазисы служатъ исключеніемъ изъ общей характеристики мѣстности. Правда, являлись и здѣсь люди, хотѣвшіе на дѣлѣ доказать, что «трудъ все превозмогаетъ»: забывая, что всякая истина всетаки должна быть подчинена извѣстнымъ условіямъ, они распахивали песокъ и садили жолуди, въ чаяніи, что вслѣдъ затѣмъ мигомъ разростутся дубовыя рощи; но труды этихъ мечтателей, ухватившихся за неприложимую къ дѣлу мысль, на томъ и остановились: въ пескахъ и солонцахъ, жолуди не пустили ростковъ. Жаль одного, что эти естествоиспытатели, погубивъ напрасно трудъ и время, выпустили изъ виду такія вещи, на которыя слѣдовало-бы обратить побольше вниманія: въ степяхъ приволжскихъ есть нѣсколько видовъ дикорастущихъ хлѣбныхъ растеній, а большинство у насъ о нихъ вовсе не знаетъ, тогда-какъ молва всюду трубитъ славу и полезность какого-нибудь американскаго корня. Мы хлопочемъ о распространеніи поросдей, выписанныхъ изъ-за морей, и не хотимъ знать тѣхъ даровъ природы, которые, у насъ на Руси, нашимъ же согражданамъ, замѣняютъ и рожь, и пшеницу, и картофель.

Земледѣлія, какъ самостоятельной и главной отрасли промышленности, въ Низовой-Сторонѣ тоже не существуетъ. На самой Волгѣ, оно пріютилось только по берегамъ потоковъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ воды; а, вдали съ одной стороны — около Сарпы, съ другой — близь Узеней. Впрочемъ земледѣліе это, вообще, такъ незначительно, что не въ состояніи удовлетворить даже потребностямъ мѣстнаго населенія: безъ привознаго хлѣба край существовать не можетъ.

Въ степяхъ низовьевъ Волжскихъ, какъ видите — нѣтъ воды, нѣтъ лѣсу, нѣтъ хлѣбопашества; а, между тѣмъ, эти самыя степи издревле покрыты кочевьями инородцевъ. Естественнымъ образомъ раждается вопросъ: какъ же тутъ живутъ люди? чѣмъ они питаются? какого рода занятія сродны съ ихъ обычнымъ бытомъ?

Степи Низовой-Стороны, не смотря на песчаную мѣстность и безпрестанные солонцы, обилуютъ растеніями, удобными въ пищу для скота, привыкшаго къ этому корму. Исключительное, посему, занятіе кочевниковъ есть скотоводство. И пески, и солонцы, имѣютъ даже приэтомъ свои относительныя достоинства: солонцы услаждаютъ жесткость степнаго корма и усиливаютъ для скота питательность тощихъ злаковъ; пески, своими «болхунáми», «бархáнами», «шихáнами», или сыпучими буграми, доставляютъ скоту надежную защиту отъ зимнихъ непогодъ и бурановъ, и кромѣ

того, служатъ вѣрными указателями подземныхъ запасовъ воды.

За отсутствіемъ проточной воды, кочевыя племена добываютъ себѣ воду изъ искусственныхъ колодцевъ, которые частію существуютъ здѣсь изстари, какъ свидѣтельство давнишняго пребыванія обитателей, частію же и понынѣ вновь вырываются. Колодцы эти, или какъ ихъ гораздо правильнѣе называетъ простой народъ — «копани», суть не что иное, какъ простыя ямы, раскопанныя до тѣхъ поръ, пока трудившійся искатель не достигъ до родника, наполняющаго эту ямину достаточнымъ запасомъ воды: если стѣнки копаней выложены камнемъ или обставлены срубомъ, то она получаетъ названіе колодца. Тамъ, гдѣ поятъ скотъ, разомъ встрѣчается нѣсколько десятковъ копаней, потому-что воды одного колодца и для небольшаго стада недостаточно. Вода, въ колодцахъ, иногда бываетъ горька, иногда солоновата, и вообще очень невкусна; но кочевой народъ самъ сырой воды не пьетъ никогда: колодезная вода потребляется одними животными, которыя до такой степени привыкаютъ къ этому пойлу съ первыхъ дней рожденія, что оно не производитъ на нихъ никакого неблагопріятнаго вліянія. Скотъ пьетъ воду не прямо изъ колодца: должно предварительно подчистить осыпавшіяся стѣнки копани, отлить вонъ старую, застоявшуюся и уже попортившуюся воду, выждать накопленія

свѣжей воды, вычерпать ее кожаными ведрами и потомъ наполнить ею водопойныя корыта.

Кочевники живутъ въ домахъ или помѣщеніяхъ особеннаго устройства. Это жилье ихъ, въ народѣ Русскомъ, называется «кошма» или «кибитка»; нѣкоторые зовутъ кибитку также и «юртой», но неправильно: слово «юрта» имѣетъ совершенно иное значеніе, и притомъ не всегда одинаковое. Здѣшнія кибитки строятся изъ таловыхъ жердей, сплачиваемыхъ между собою въ видѣ складной рѣшетки, которая, по произволу, можетъ сдвигаться и раздвигаться. Соединеніе нѣсколькихъ раздвинутыхъ рѣшетокъ образуетъ сквозную круглую стѣну, на которую ставится полукруглый, изъ жердей же составленный куполъ или сводъ, а къ сдѣланному въ стѣнѣ проходу навѣшиваются двери. Такой шатеръ покрывается, сверху до низа, большими полотнищами войлока, или собственно такъ-называемыми «кошмами»; и это степное жилье, дешевое (все-таки, однакожъ, стоющее руб. 50 сер.) и приспособленное къ потребностямъ кочевника, какъ нельзя лучше защищаетъ его отъ зноя, жары, холода, вьюгъ и непогоды. Кибитку можно въ десять минутъ разобрать, сложить такъ, чтобъ она немного занимала мѣста, и навалить на спину вьючнаго животнаго; точно также быстро можно ее разставить и снова сдѣлать годною для человѣческаго обиталища. Общее устройство кибитокъ однообразно отъ Кавказа до

отроговъ Кхунъ-Луна и отъ вершинъ Урала до вершинъ Аму-Дарьи и устьевъ Волги; но, дальше за Волгой, встрѣчаются такія маленькія кибитки, что ихъ уже не складываютъ, а просто ставятъ на арбу, и везутъ куда надо: племена, ихъ употребляющія, очень не многочисленны.

Пищу кочевниковъ составляютъ произведенія ихъ стадъ. Впрочемъ, какъ мясо есть весьма цѣнный предметъ, то, пуская живой скотъ въ продажу, большинство кочевыхъ инородцевъ употребляетъ его въ пищу очень нечасто, соображаясь съ своимъ достаткомъ; молоко же, кобылье, коровье и овечье, въ разныхъ видахъ приготовленія, какъ питье, и въ видѣ сыра, потребляютъ всѣ безъ изъятія. Кромѣ того, они добываютъ разные виды хлѣбныхъ порослей и корней, дико растущихъ въ степяхъ и по заливнымъ мѣстамъ; запасаются на зиму и мукой, но отъ весны до осени мало въ ней нуждаются. Всегдашнюю же пищу ихъ составляетъ сытный и здоровый кирпичный чай, употребленіе котораго общеизвѣстно отъ Чернаго-Моря до Восточнаго-Океана, не только между кочевыми инородцами, но и между многими Русскими.

На долю кочевниковъ выпадаетъ, стало-быть, одно главное занятіе — скотоводство, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ — торговля живымъ скотомъ. Впрочемъ, само-собою разумѣется, что между ними есть много такихъ, которымъ скотоводство недоступно по той весьма простой

причинѣ, что скота нѣтъ. Чтобы прикрыть издержки, требуемыя на разные житейскіе расходы, люди, не имѣющіе скота, ищутъ другихъ средствъ къ существованію; они берутъ примѣръ съ осѣдлыхъ жителей, не имѣющихъ возможности заняться хлѣбопашествомъ: идутъ на-сторону, въ заработки, и главнѣйше — пускаются въ рыболовье, въ качествѣ чернорабочихъ.

Каспійское-Море и устья Волги, въ послѣднемъ отношеніи, представляютъ обширный источникъ богатства, доставляя ежегодно огромную массу разныхъ видовъ рыбнаго товара. Не всякой вправѣ ловить здѣсь рыбу для самаго себя: ловля эта, по праву собственности, принадлежитъ мѣстнымъ владѣльцамъ береговыхъ дачь, и предоставлена нѣкоторымъ сословіямъ. Но вдали, въ открытомъ морѣ, рыболовство дозволяется всѣмъ и каждому, подъ извѣстными условіями. Этотъ промыселъ, въ Сводѣ Законовъ именуемый «*вольнымъ*», а у мѣстныхъ жителей извѣстный подъ названіемъ «*Эмбенскаго-Лова*», открытъ и *для* обитателей Низовой-Стороны, принимающихъ въ немъ участіе, въ качествѣ рабочихъ у «ловцовъ», которыми они сами быть не въ состояніи, по огромности издержекъ, сопряженныхъ съ ловомъ. Замѣчательно, что, по здѣшнимъ обрядамъ, «рабочій-ловецъ» никогда не распоряжается уловленной имъ рыбой, какъ своею собственностію; онъ не можетъ съѣсть ее, или продать въ

послѣднее случается не съ однимъ Синимъ-Морцомъ, а съ устьями всѣхъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспій. Вообще Каспійское-Прибережье очень богато прѣсною водою: отъ самаго западнаго Волжскаго устья (рѣчки *Басаргu*, что близъ острова, называемаго *Оля*, и розсыпи, именуемой поэтому *Олйиною*), до крайняго восточнаго (*Джамбая* — выговаривается также *Жамбая* и *Шамбая*), на протяженіи 150, а по другому счету — 160 верстъ, вода вездѣ прѣсная, обиліе которой постоянно поддерживается ильменями и устьями разныхъ потоковъ.

Послѣ Бузана, Волга отдѣляетъ отъ себя два замѣчательные рукава: *Рычу* и *Балду*: послѣдній, годъ отъ году, по замѣчаніямъ мѣстныхъ жителей, становится шире и шире, потому-что быстрымъ стремленіемъ рѣки замѣтно срываетъ лѣвый ея берегъ. Этоже самое замѣчаютъ и вездѣ. Но, въ тоже время, Волга, въ одномъ мѣстѣ, отрывая цѣлые «яры» или мысы, несетъ ихъ дальше и приставляетъ опять къ берегу, или намываетъ новые берега; въ другихъ мѣстахъ, наметываетъ вновь косы и цѣлые большіе острова, и, такимъ образомъ, прорывая для себя новое ложе, прокладывая новые пути, постоянно все болѣе и болѣе мелѣетъ. Теченіе Волги, особенно въ половодье, бываетъ очень сильно, узла по четыре въ часъ; а въ узкихъ протокахъ (которыя, всѣ на одинъ манеръ, называются въ простонародьи рѣчками «быстренькими») — узловъ по семи въ часъ.

За Астраханью, Волга начинаетъ сильнѣе дробиться. Развѣтвляясь на нѣсколько протоковъ, она уступаетъ первенство свое одному изъ нихъ, *Бахтемиру*, который превосходитъ ее большимъ удобствомъ для судоходства, а сама перемѣняетъ имя свое на званіе *Старой-Волги*, какъ будто, за старостью лѣтъ, сознаваясь въ безсиліи носить на себѣ суда съ полнымъ грузомъ. Потомъ, соединяется съ рукавомъ Бахтемира, чрезъ широкій протокъ, именуемый *Урусовымъ* или *Урустобскимъ-Плёсомъ*, и вмѣстѣ съ нимъ впадаетъ въ рѣчку *Маракушу*, образуя множество мелкихъ, но возвышенныхъ острововъ, именуемыхъ по формѣ своей «буграми». За Маракушей идутъ такъ-называемыя «розсыпи» — широкіе, но мелкіе разливы Волжскихъ протоковъ, образующіе собою родъ взморья: первая изъ нихъ именуется — *Княжою*, вторая — *Шалинскою*, а третья и послѣдняя — *Ракушинскою*, которая соединяется съ *Ямнымъ-Рейдомъ*, у *Бирючей-Косы*. Окончаніе (если можно такъ выразиться) Старой-Волги есть такъ-называемый *Баклапій-Протокъ*, за *Сайгачьимъ-Прораномъ*.

За чертою, дальше которой полая вода всѣхъ этихъ протоковъ не распространяется, ничто не увлажаетъ далеко раскинутыхъ пространствъ, усѣянныхъ пескомъ и солонцами; ничто не манитъ путника укрыться отъ палящихъ лучей солнца подъ тѣнію и прохладою рощи или бора. Въ Низовой-Сторонѣ, вообще, нѣтъ лѣсовъ въ томъ смыслѣ,

въ какомъ мы у себя понимаемъ слово «лѣсъ»: одинъ тальникъ, да чахлый кустарникъ — вотъ все, чѣмъ, въ этомъ отношеніи, край можетъ похвастаться. Много тутъ винограду и нѣжныхъ плодовыхъ деревъ, лелѣемыхъ на рѣдкихъ клочкахъ земли, удобной для садоводства: но эти маленькіе оазисы служатъ исключеніемъ изъ общей характеристики мѣстности. Правда, являлись и здѣсь люди, хотѣвшіе на дѣлѣ доказать, что «трудъ все превозмогаетъ»: забывая, что всякая истина все-таки должна быть подчинена извѣстнымъ условіямъ, они распахивали песокъ и садили жолуди, въ чаяніи, что вслѣдъ затѣмъ мигомъ разростутся дубовыя рощи; но труды этихъ мечтателей, ухватившихся за неприложимую къ дѣлу мысль, на томъ и остановились: въ пескахъ и солонцахъ, жолуди не пустили ростковъ. Жаль одного, что эти естествоиспытатели, погубивъ напрасно трудъ и время, выпустили изъ виду такія вещи, на которыя слѣдовало-бы обратить побольше вниманія: въ степяхъ приволжскихъ есть нѣсколько видовъ дикорастущихъ хлѣбныхъ растеній, а большинство у насъ о нихъ вовсе не знаетъ, тогда-какъ молва всюду трубитъ славу и полезность какого-нибудь американскаго корня. Мы хлопочемъ о распространеніи порослей, выписанныхъ изъ-за морей, и не хотимъ знать тѣхъ даровъ природы, которые, у насъ на Руси, нашимъ же согражданамъ, замѣняютъ и рожь, и пшеницу, и картофель.

Земледѣлія, какъ самостоятельной и главной отрасли промышленности, въ Низовой-Сторонѣ тоже не существуетъ. На самой Волгѣ, оно пріютилось только по берегамъ потоковъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ воды; а, вдали съ одной стороны — около Сарпы, съ другой — близь Узеней. Впрочемъ земледѣліе это, вообще, такъ незначительно, что не въ состояніи удовлетворить даже потребностямъ мѣстнаго населенія: безъ привознаго хлѣба край существовать не можетъ.

Въ степяхъ низовьевъ Волжскихъ, какъ видите — нѣтъ воды, нѣтъ лѣсу, нѣтъ хлѣбопашества; а, между тѣмъ, эти самыя степи издревле покрыты кочевьями инородцевъ. Естественнымъ образомъ раждается вопросъ: какъ же тутъ живутъ люди? чѣмъ они питаются? какого рода занятія сродны съ ихъ обычнымъ бытомъ?

Степи Низовой-Стороны, не смотря на песчаную мѣстность и безпрестанные солонцы, обилуютъ растеніями, удобными въ пищу для скота, привыкшаго къ этому корму. Исключительное, посему, занятіе кочевниковъ есть скотоводство. И пески, и солонцы, имѣютъ даже притомъ свои относительныя достоинства: солонцы услаждаютъ жесткость степнаго корма и усиливаютъ для скота питательность тощихъ злаковъ; пески, своими «болхунáми», «бархàнами», «шихáнами», или сыпучими буграми, доставляютъ скоту надежную защиту отъ зимнихъ непогодъ и бурановъ, и кромѣ

того, служатъ вѣрными указателями подземныхъ запасовъ воды.

За отсутствіемъ проточной воды, кочевыя племена добываютъ себѣ воду изъ искусственныхъ колодцевъ, которые частію существуютъ здѣсь изстари, какъ свидѣтельство давнишняго пребыванія обитателей, частію же и понынѣ вновь вырываются. Колодцы эти, или какъ ихъ гораздо правильнѣе называетъ простой народъ — «копани», суть не что иное, какъ простыя ямы, раскопанныя до тѣхъ поръ, пока трудившійся искатель не достигъ до родника, наполняющаго эту ямину достаточнымъ запасомъ воды: если стѣнки копани выложены камнемъ или обставлены срубомъ, то она получаетъ названіе колодца. Тамъ, гдѣ поятъ скотъ, разомъ встрѣчается нѣсколько десятковъ копаней, потому-что воды одного колодца и для небольшаго стада недостаточно. Вода, въ колодцахъ, иногда бываетъ горька, иногда солоновата, и вообще очень невкусна; но кочевой народъ самъ сырой воды не пьетъ никогда: колодезная вода потребляется одними животными, которыя до такой степени привыкаютъ къ этому пойлу съ первыхъ дней рожденія, что оно не производитъ на нихъ никакого неблагопріятнаго вліянія. Скотъ пьетъ воду не прямо изъ колодца: должно предварительно подчистить осыпавшіяся стѣнки копани, отлить вонъ старую, застоявшуюся и уже попортившуюся воду, выждать накопленія

свѣжей воды, вычерпать ее кожаными ведрами и потомъ наполнить ею водопойныя корыта....

Кочевники живутъ въ домахъ или помѣщеніяхъ особеннаго устройства. Это жилье ихъ, въ народѣ Русскомъ, называется «кошъ» или «кибитка»; нѣкоторые зовутъ кибитку также и «юртой», но неправильно: слово «юрта» имѣетъ совершенно иное значеніе, и притомъ не всегда одинаковое. Здѣшнія кибитки строятся изъ таловыхъ жердей, сплачиваемыхъ между-собою въ видѣ складной рѣшетки, которая, по произволу, можетъ сдвигаться и раздвигаться. Соединеніе нѣсколькихъ раздвинутыхъ рѣшетокъ образуетъ сквозную круглую стѣну, на которую ставится полукруглый, изъ жердей же составленный куполъ или сводъ, а къ сдѣланному въ стѣнѣ проходу навѣшиваются двери. Такой шатеръ покрывается, сверху до низа, большими полотнищами войлока, или собственно такъ-называемыми «кошмами»; и это степное жилье, дешевое (все-таки, однакожъ, стоющее руб. 50 сер.) и приспособленное къ потребностямъ кочевника, какъ нельзя лучше защищаетъ его отъ зноя, жары, холода, вьюгъ и непогоды. Кибитку можно въ десять минутъ разобрать, сложить такъ, чтобъ она немного занимала мѣста, и навалить на спину вьючнаго животнаго; точно также быстро можно ее разставить и снова сдѣлать годною для человѣческаго обиталища. Общее устройство кибитокъ однообразно отъ Кавказа до

отроговъ Кхунъ-Луна и отъ вершинъ Урала до вершинъ Аму-Дарьи и устьевъ Волги; но, дальше за Волгой, встрѣчаются такія маленькія кибитки, что ихъ уже не складываютъ, а просто ставятъ на арбу, и везутъ куда надо: племена, ихъ употребляющія, очень не многочисленны.

Пищу кочевниковъ составляютъ произведенія ихъ стадъ. Впрочемъ, какъ мясо есть весьма цѣнный предметъ, то, пуская живой скотъ въ продажу, большинство кочевыхъ инородцевъ употребляетъ его въ пищу очень нечасто, соображаясь съ своимъ достаткомъ; молоко же, кобылье, коровье и овечье, въ разныхъ видахъ приготовленія, какъ питье, и въ видѣ сыра, потребляютъ всѣ безъ изъятія. Кромѣ того, они добываютъ разные виды хлѣбныхъ порослей и корней, дико растущихъ въ степяхъ и по заливнымъ мѣстамъ; запасаются на зиму и мукой, но отъ весны до осени мало въ ней нуждаются. Всегдашнюю же пищу ихъ составляетъ сытный и здоровый кирпичный чай, употребленіе котораго общеизвѣстно отъ Чернаго-Моря до Восточнаго-Океана, не только между кочевыми инородцами, но и между многими Русскими.

На долю кочевниковъ выпадаетъ, стало-быть, одно главное занятіе — скотоводство, и вмѣстѣ-съ-тѣмъ — торговля живымъ скотомъ. Впрочемъ, само-собою разумѣется, что между ними есть много такихъ, которымъ скотоводство недоступно по той весьма простой

причинѣ, что скота нѣтъ. Чтобы прикрыть издержки, требуемыя на разные житейскіе расходы, люди, не имѣющіе скота, ищутъ другихъ средствъ къ существованію; они берутъ примѣръ съ осѣдлыхъ жителей, не имѣющихъ возможности заняться хлѣбопашествомъ: идутъ на-сторону, въ заработки, и главнѣйше — пускаются въ рыболовье, въ качествѣ чернорабочихъ.

Каспійское-Море и устья Волги, въ послѣднемъ отношеніи, представляютъ обширный источникъ богатства, доставляя ежегодно огромную массу разныхъ видовъ рыбнаго товара. Не всякой вправѣ ловить здѣсь рыбу для самаго себя: ловля эта, по праву собственности, принадлежитъ мѣстнымъ владѣльцамъ береговыхъ дачь, и предоставлена нѣкоторымъ сословіямъ. Но вдали, въ открытомъ морѣ, рыболовство дозволяется всѣмъ и каждому, подъ извѣстными условіями. Этотъ промыслъ, въ Сводѣ Законовъ именуемый «*вольнымъ*», а у мѣстныхъ жителей извѣстный подъ названіемъ «*Эмбенскаго-Лова*», открытъ и для обитателей Низовой-Стороны, принимающихъ въ немъ участіе, въ качествѣ рабочихъ у «ловцовъ», которыми они сами быть не въ состояніи, по огромности издержекъ, сопряженныхъ съ ловомъ. Замѣчательно, что, по здѣшнимъ обрядамъ, «рабочій-ловецъ» никогда не распоряжается уловленной имъ рыбой, какъ своею собственностію; онъ не можетъ съѣсть ее, или продать въ

другія руки, а долженъ сдать хозяину, или прикащику, заставившему его, по найму, ловить рыбу. Притомъ, только та рыба считается за рыбу, которая вышла «въ мѣрку»: если она короче условленной мѣры нѣсколькими линіями, то считается за половинку, если еще меньше, то за треть, а если уже очень невидна на взглядъ, то называется «бракомъ» и считается за ничто, хотя впрочемъ идетъ въ дѣло. Такой порядокъ въ счетѣ и въ расчетѣ не есть новѣйшее изобрѣтеніе мѣстныхъ промышленниковъ, а старинный обычай, который, сколько можно судить по историческимъ актамъ, существовалъ еще въ XVII столѣтіи. Морской рыболовный промыселъ очень труденъ для чернорабочихъ; поэтому для собственнаго удовольствія отправляется туда мало охотниковъ: тутъ и работа тяжка, и трудъ не совсѣмъ достаточно вознаграждается. Если можно избѣжать участія въ работахъ на морскихъ промыслахъ, то люди, отправляющіеся на заработки, пускаются на рѣчныя волжскія ватаги, или ходятъ въ матросы (музуры) на мореходныя каспійскія суда, или, наконецъ, работаютъ на соляныхъ озерахъ.

Настоящее народонаселеніе Низовой-Стороны весьма разнообразно. Кромѣ Русскихъ и Армянъ, тутъ обитаютъ Татары разныхъ наименованій: Юртовскіе, Кундровскіе, Татары Бухарскаго, Гилянскаго и Агрыжанскаго Дворовъ, Туркмены, Каракалпаки, Калмыки и Киргизы. Въ Астрахани живали прежде Индійцы,

но теперь ихъ тамъ нѣтъ: есть, кажется, двое, считающіеся выходцами изъ Индіи, но и тѣ не мѣстные жители, а прикащики при Персидскихъ торговцахъ.

Хлѣбопашествомъ въ краѣ преимущественно занимаются одни Русскіе. Русское населеніе, не городское, а сельское, состоитъ изъ крестьянъ, помѣщичьихъ и казенныхъ, и изъ казаковъ. Какъ велико отношеніе этихъ обитателей ко всей массѣ народонаселенія, сказать очень трудно, по недостатку точныхъ свѣдѣній вообще о сельской населенности края, тѣмъ болѣе — о кочевникахъ. Чтобы уяснить сколько-нибудь этотъ предметъ, можемъ привести только слѣдующія цифры. Въ уѣздахъ Черноярскомъ и Енотаевскомъ, считается до 20,000 душъ мужескаго пола, живущихъ внѣ городовъ; весь же итогъ обитателей Черноярскаго, Енотаевскаго, Астраханскаго и Красноярскаго уѣздовъ приблизительно полагается отъ 325 до 350,000 душъ. Между-тѣмъ, общее пространство земель Астраханской губерніи, кромѣ вновь присоединеннаго Царевскаго уѣзда, полагается примѣрно въ 17,000,000 дес.

Если поближе всмотрѣться въ бытъ Русскаго сельскаго населенія, то мы найдемъ въ немъ слѣдующія отличительныя черты домашняго хозяйства.

Земли, у здѣшнихъ крестьянъ, ни на поля, ни на клинья, не раздѣляются, и хлѣбопашество ведется перелогами. Каждый земледѣлецъ выискиваетъ для себя удобный клоч

чекъ земли, и сѣетъ кучками, въ разныхъ мѣстахъ; оттого нѣтъ здѣсь сплошныхъ полей, какія привыкли мы видѣть въ Средней-Россіи: вездѣ разбросаны небольшія, неправильныхъ очертаній, засѣянныя разнымъ хлѣбомъ, нивки, между которыми остаются большія пространства земли, или вовсе къ посѣву негодной, или уже истощенной прежними всходами и теперь отдыхающей. Земледѣлецъ, распахавъ цѣлину въ первый разъ, прежде всего засѣваетъ ее яровымъ хлѣбомъ, и когда сниметъ его, то этотъже участокъ, въ томъже году, засѣваетъ озимымъ хлѣбомъ. Это мы говоримъ о Черноярскомъ уѣздѣ; южнѣе его озимей не бываетъ. Засѣявъ озими, ограничиваются однимъ ихъ забороновані емъ; распашки здѣсь не производится, и — не отъ лѣности, а потому, что она здѣсь излишня и вредна для зерна. Въ слѣдующемъ году, осенью, повторяется посѣвъ озимей, и тоже безъ особой распашки. Снявъ, такимъ образомъ, три хлѣба, крестьянинъ оставляетъ землю на отдыхъ; а новые посѣвы производитъ на другихъ участкахъ, или опять распахиваетъ цѣлину.

Въ уѣздахъ Астраханскомъ и Красноярскомъ, только очень немногія семьи принуждены заниматься земледѣліемъ, и то по какой-нибудь особенно-настоятельной въ томъ надобности и по невозможности предаться иному занятію. Тутъ мы замѣчаемъ новые хозяйственные пріемы. Каждый старается занять такой

лужокъ, который, при водополи, понимается водою: эту половодь нарочно задерживаютъ плотинками и преграждаютъ слитіе ея до-тѣхъ-поръ, пока почва совершенно не размякнетъ; добившись до того, крестьянинъ спускаетъ воду, и тогда уже приступаетъ къ посѣву. На приготовленной, такимъ порядкомъ, нивѣ снимаютъ четыре жатвы, а на пятый годъ снова ее наводняютъ.

Свойство почвы здѣсь таково, что Русской умъ, только при посредствѣ такихъ пріемовъ, ухитрился извлечь изъ земли возможную пользу. Но и эти хитрости не вездѣ удобопримѣнимы: тамъ, гдѣ большая-часть земель бываетъ покрыта полою водою въ продолженіе почти цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, тамъ хлѣбопашество, разумѣется, существовать не можетъ, точно такъже какъ не можетъ существовать оно и на голомъ пескѣ. Очень понятно, что тѣ, которые слыхали про ирригацію полей, сейчасъ же предложатъ ее, какъ самое вѣрное средство противъ всѣхъ возможныхъ бѣдъ, ожидаемыхъ отъ безхлѣбицы. Таковымъ доложимъ, что ирригація, и въ низовьяхъ Волги, не безъизвѣстна. Тутъ она существуетъ, но только у однихъ Татаръ, которые искусственнымъ образомъ орошаютъ, при помощи канавокъ, свои сады, огороды и бахчи съ дынями и арбузами; цѣлыя же пашни искусственно не орошаются, сколько по новоду мѣстныхъ препятствій, столько же и по тому, что потраты, на которыя надо рѣшиться, не каждому по

силамъ, да притомъ не всегда могутъ и вознаградиться доходами отъ хлѣбопашества. Объ этомъ уже многіе думали, но существеннаго пока еще ничего придумать не могли: а кидаться безрасчетно хоть-бы и въ хлѣбопашество, не всегда благоразумно тамъ, гдѣ время, трудъ и вещественный капиталъ, съ бо̀льшею пользою, могутъ быть употреблены на другое предпріятіе.

Удобреніе полей, въ Низовой-Сторонѣ, тоже не существуетъ: не потому чтобы навозъ былъ дорогъ, а потому что удобреніе имъ признано въ однихъ случаяхъ — негоднымъ, въ другихъ — положительно вреднымъ. До искусственнаго удобренія и до разнородныхъ компостовъ крестьяне еще не дошли; но у нѣкоторыхъ поборниковъ хлѣбопашества была, говорятъ, мысль: утучнять землю палымъ скотомъ и гнилою мелкою рыбою, которая, милліонами, во время весны, выкидывается волнами на берега̀ и пропадаетъ безъ всякаго употребленія. Не знаемъ, въ какой степени мысль эта примѣнима на дѣлѣ; но что касается до скотскаго помета, то въ степяхъ ему дается уже извѣстное назначеніе: подъ названіемъ кизяка̀, онъ употребляется вмѣсто топлива.

Манера здѣшнихъ посѣвовъ рознится съ нашею: зерна раскидываютъ здѣсь по нивѣ не густо, а рѣдко, такъ-что, на десятину, зерна идетъ только отъ трехъ до четырехъ четвериковъ. И хлѣбъ здѣсь ростетъ не по нашему: не сплошными колосьями, а кустами,

съ промежутками одинъ отъ другаго на четверть и даже на аршинъ. Отъ жаровъ и отъ зноя, онъ сильно осыпается; а потому, на старыхъ пашняхъ и въ ихъ сосѣдствѣ, самосѣвы не рѣдкость.

Изъ хлѣбовъ, въ краѣ, сѣется преимущественно пшеница и просо; рожь и ячмень — рѣдко, а овесъ или гречиха не сѣются никогда, по климатическимъ причинамъ. Картофель существуетъ только въ тѣхъ ограниченныхъ размѣрахъ, какіе сообразны съ мѣстными потребностями городскаго населенія: его, правду сказать, и негдѣ сѣять, особенно въ Астраханскомъ и Красноярскомъ уѣздахъ; да, ктомужь, жители всѣхъ классовъ предпочитаютъ ему дикій чилúмъ и бадиджáнъ, который пришелся и по климату здѣшнему и по почвѣ. Льну вовсе нѣтъ; но, зато, много дикорастущей конопли, сбираемой всюду по степямъ кочевниками и съ давнихъ лѣтъ употребляемой ими на мелочныя надобности: лѣтъ двадцать тому назадъ, одинъ изъ степняковъ завелъ было и фабрику для выдѣлки изъ этого растенія тканей, но такъ-какъ расходы не окупились, то затѣя эта брошена. Остается поименовать горчичные засѣвы, почитаемые здѣсь самою выгодною операціею. Огородничествомъ вообще крестьяне мало занимаются; садоводство тоже не процвѣтаетъ, и если есть, то не въ очень большихъ размѣрахъ, въ Черноярскомъ и Красноярскомъ уѣздахъ. Шелководство ничтожно, хотя надъ нимъ, точно также какъ надъ

винодѣліемъ и надъ разведеніемъ марены, бьются здѣсь съ XVII еще столѣтія, когда Царь Алексѣй Михайловичъ самъ прилагалъ о томъ державныя свои заботы.

Землю пашутъ здѣсь плугами, въ которые запрягаютъ по четыре и по шести паръ воловъ. Полевыхъ изгородъ не введено, по отдаленности пашень и по дороговизнѣ лѣса, который привозятъ издалека. Овиновъ не знаютъ, и хлѣбъ, какъ мѣстнаго происхожденія, такъ и привозный, бываетъ не иначе какъ сыромолотный, только именующійся — овиннымъ. Обмолачивается онъ, по малочисленности его и по дальности пашень, на мѣстѣ уборки. Мельницы, вообще, вѣтряныя, и самаго простаго устройства.

На какую-бы отрасль хозяйства ни обратили мы вниманіе, съ какою-бы особенностью характера промышленности ни ознакомились, вездѣ и во всемъ найдемъ подтвержденіе той старой истины, что въ основаніи всему лежитъ географическое положеніе и климатъ края, а также и общественные, изъ исторіи народа вылившіеся, обычаи. Такимъ образомъ, заговоримъ ли о конструкціи мореходныхъ или рѣчныхъ судовъ, объ огромности судоходства, объ отсутствіи на Волгѣ бичевника, о неразвитости земледѣлія, о неурожаѣ картофеля, о дешевизнѣ арбузовъ, или о необходимости бо̀льшей сосредоточенности надзора на дальнихъ протокахъ Волги, Ахтубѣ и Бузанѣ, чѣмъ на коренной Волгѣ,

или о чёмъ-бы то ни было подобномъ — мы вездѣ и во всемъ увидимъ самое простое разъясненіе предмета, самую настоятельную естественную необходимость, указанную географическимъ положеніемъ страны и условіями мѣстности.

Бѣдность края въ лѣсѣ вознаграждается обиліемъ камыша, который идетъ на топливо какъ у кочевыхъ племенъ, такъ и у осѣдлаго населенія, и даже, говорятъ, съ выгодою замѣняетъ дрова при операціяхъ кирпичныхъ заводовъ. Изъ камыша же дѣлаются плетни, изгороди, загоны для скота, или такъ-называемые «лобáсы», и «турлýшки», то-есть маленькія утлыя хижинки. Курныхъ избъ вовсе здѣсь нѣтъ; переселенцы изъ Малороссіи ввели и сюда свои чистенькія и уютныя «мазанки». Лаптей крестьяне не носятъ.

Стариннаго русскаго наряда теперь нигдѣ уже по краю не встрѣтишь: онъ вывелся не далѣе какъ лѣтъ за тридцать. Бывало, дѣвушки, коренныя туземныя урожденки, при парадныхъ выходахъ въ церковь, во время говѣнья и въ праздничные дни, носили «вѣнцы» — родъ кокошника, подъ которымъ надѣвалась жемчужная лента, съ украшеніями доходившими почти до самыхъ бровей; сарафанъ съ «выставками», или съ яркой матеріей въ верхней половинѣ длинныхъ рукавовъ, считался необходимостью. Обыкновенный дѣвичій костюмъ составляли: бѣлая рубаха съ пышными и длинными, по самую кисть руки, рукавами; цвѣтная

юбка; тѣлогрѣя, и поверхъ ней — «епанѐчка»: родъ халата, изъ цвѣтной матеріи, длиной только до колѣнъ и съ рукавами; на шеѣ — ожерелья изъ янтарей и жемчугу; на рукахъ — наручники, браслеты и перстни; головной уборъ до̀ма — калпаки, бѣлые бумажные, или цвѣтные матерчатые, а когда дѣвушка выходила въ гости, то повязывала голову яркимъ шелковымъ платочкомъ. Женщины одѣвались почти такъже, съ тою разницею, что, вмѣсто «вѣнца», носили «подложку», родъ повойника, повязаннаго платкомъ. Обувь женская въ старину была тоже иная, чѣмъ тепѐрь: молодыя носили башмаки цвѣтные, безъ задковъ, но на очень высокихъ каблукахъ; а старухи — просто туфли, безъ задковъ же, но и безъ каблуковъ, подкладывая, однакожъ, въ слѣдки, подъ пятки, тоненькія дощечки, обтянутыя козломъ.

Главный центръ Низовой - Стороны есть Астрахань, которая въ просторѣчіи называется «Разбалуй-Городъ».

II.

АСТРАХАНСКІЕ КАЗАКИ.

Начало нынѣшнему Астраханскому Казачьему Войску положено было въ 1730 году, когда сформированъ былъ Астраханскій Казачій Полкъ, изъ трехъ сотъ человѣкъ туземныхъ Калмыковъ, принявшихъ Христіанство. Полкъ этотъ, въ 1750 году, повелѣно было привести въ пятисотенный составъ, и для того укомплектовать разночинцами, неположенными въ подушный окладъ, дѣтьми бывшихъ Стрѣльцовъ, Донскихъ Казаковъ и новыхъ Калмыцкихъ и Татарскихъ выкрестовъ. Затѣмъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой,

къ Астраханскому Полку присоединены были три городовыя казачьи команды: Черпаго-Яра, Енотаевска и Краснаго-Яра; а въ 1801 году, еще три такія же команды: Саратовская, Царицынская и Камышинская. Въ 1804 году, въ составъ Астраханскихъ Казаковъ вошли всѣ бывшіе Волжскіе-Казаки, оставшіеся въ своихъ домахъ по рѣкѣ Волгѣ, послѣ переселенія бывшаго Волжскаго-Войска, въ 1777 году, на Кавказскую-Линію. Астраханскій Казачій Полкъ преобразованъ былъ въ Астраханское Казачье Войско, которому, въ послѣдствіи, дано полное устройство, особыми о томъ положеніями.

Въ настоящее время, Астраханское Казачье Войско расположено отъ города Астрахани, вверхъ по Волгѣ, до Саратова включительно. На этомъ протяженіи, составляющемъ 775 верстъ, оно состоитъ изъ тринадцати Станицъ и шести поименованныхъ выше Командъ: двѣнадцать станицъ лежатъ по правому берегу Волги, а одна, у самой Астрахани, по лѣвому. Войско раздѣляется на три Округа, и содержитъ три Конныхъ Полка и одну Конно-Артиллерійскую Бригаду. Земли перваго округа составляютъ: пять станицъ въ Астраханскомъ уѣздѣ (*Козаче-Бугровская*, *Городофорпостинская*, *Лурновская*, *Лебяжновка* и *Замьянъ*), двѣ въ Енотаевскомъ (*Сѣроглазинка* и *Косиха*), и одна команда (*Краснoярская*). Во второмъ округѣ заключаются: четыре станицы въ Енотаевскомъ уѣздѣ (*Грачовка*, *Вѣтлянинская*, *Копановка*

и Михайловская), и три команды (Енотаевская, Черноярская и Царицынская). Въ третьемъ округѣ: двѣ станицы въ Царицынскомъ уѣздѣ (Александровка и Пичуга), и двѣ команды (Камышинская и Саратовская).

Форма Астраханскихъ Казаковъ—обыкновенный казачій чекмень, шальвары и казачья шапка, съ выпушками на первыхъ и съ выпускомъ на послѣдней—изъ желтаго сукна. Въ домашнемъ быту, мущины Казаки носятъ ситцевые архалуки, бумажные хивинскіе халаты, также—простые армяки, а зимой—овчинные тулупы. Женщины не сарафанятся.

Войсковое народонаселеніе, въ 1850 году, состояло изъ 15,822 душъ обоего пола; въ томъ числѣ 7,696 мужескаго. Между послѣдними значилось:

а. служащихъ:	
чиновниковъ (то-есть штабъ и оберъ-офицеровъ) . . .	86
казаковъ и урядниковъ. . .	2,644
б. отставныхъ:	
чиновниковъ.	20
казаковъ и урядниковъ. . .	1,174
в. малолѣтковъ:	
готовыхъ и неготовыхъ . . .	3,772

Частной поземельной собственности у казаковъ нѣтъ, а въ личное пользованіе отводятся: штабъ-офицерамъ — по 400 десятинъ, оберъ-офицерамъ — по 200, а простымъ казакамъ — по 30 десятинъ изъ общественной войсковой земли.

Войсковыя зѐмли лежатъ по рѣкѣ Волгѣ и ея протокамъ, частью — на нагорной сторонѣ, а частью — и на луговой, по Ахтубинской долинѣ, въ черезполосномъ владѣніи съ казенными и помѣщичьими крестьянами, также съ городскими выгонами, и участками, нарѣзанными Калмыкамъ для прогона скота ихъ, изъ степи, къ Волгѣ. Въ настоящее время, у Войска считается наличной земли: около 150,000 десятинъ удобной и около 170,000 десятинъ неудобной. Для окончательнаго надѣла и пріобрѣтенія остальныхъ 167,000 десятинъ, существуетъ въ Астрахани особая Коммиссія.

Земля, принадлежащая Казакамъ Перваго Округа и лежащая по правому берегу Волги, кромѣ Косихинскаго нарѣзка, песчана и совершенно безплодна; но что касается до луговыхъ дачь, то мѣста эти богаты превосходными сѣнокосами и пахатными угодьями. У Казаковъ Втораго Округа, равно-какъ и у Косихинской станицы, почва земли глинистая и только отчасти песчаная: хлѣбопашество производится здѣсь весьма успѣшно, если сильные и проливные дожди достаточно увлажатъ землю. Казаки Третьяго Округа, занимающіе нѣсколько участковъ отъ Саратова до Царицына, обладаютъ черноземными полями, и исключительно передъ другими съ большимъ успѣхомъ занимаются земледѣліемъ. Что касается до лѣсовъ, то, въ этомъ отношеніи, войсковая земля раздѣляетъ общую участь края, въ которомъ лѣсу нѣтъ, а есть что-то

въ родѣ рощицъ съ рѣдко-растущими таловыми деревьями, и то на мѣстностяхъ, наводняемыхъ весенними разливами.

Войско владѣетъ на Волгѣ собственными рыболовными участками. Обширнаго лова рыбы сами Казаки никогда не производили, а всегда отдавали свои воды съ торговъ въ аренду, выговаривая впрочемъ у откупщиковъ, кромѣ откупной суммы, право свободнаго и для себя лова рыбы: зимой (съ 15 ноября по 15 марта) — въ самой Волгѣ и въ ея протокахъ, а весной — только по полòямъ, затòнамъ, éрикамъ и тому подобнымъ мелкимъ рыболовнымъ угодьямъ. Откупная сумма расходовалась прежде, по усмотрѣнію Войска, на разныя домашнія потребности его по внутреннему устройству, и затѣмъ остатокъ раздѣлялся между чиновниками и казаками; нынѣ воды эти тоже отдаются на откупъ, но выручаемая за нихъ сумма неприкосновенно вносится въ войсковую казну. Правомъ непосредственнаго лова, въ условленное контрактомъ съ откупщиками время, пользуются только Казаки Перваго и отчасти Втораго Округовъ.

Хотя въ устьяхъ Волги принимаются всевозможныя мѣры къ самому успѣшному производству рыболовныхъ операцій крючками, учугàми, колòвами и другими усовершенствованными снастями, на прежнемъ основаніи; не смотря на то, обиліе красной рыбы, идущей выше въ рѣку, такъ громадно, что уловъ рыбы, даже въ Саратов-

ской губерніи, все еще представляетъ замѣчательную цифру, и казачьи участки, отъ Астрахани вплоть до самаго Чернаго-Яра, считаются, по-прежнему, богатыми. Лѣтъ двѣнадцать назадъ, рыболовныя воды приносили Войску тысячь до ста ассигнаціями чистой прибыли; и нынѣ войсковой доходъ отъ нихъ простирается свыше 16,000 руб. сер.

Ловъ рыбы, зимою, производится преимущественно въ самой Волгѣ, и отчасти въ протокѣ ея Бузàнѣ, неводами, вентерями и сидёбками. Ловъ неводами есть общественный войсковой ловъ: въ немъ принимаютъ участіе всѣ служащіе и отставные казаки и чиновники, равно-какъ вдовы ихъ и малолѣтки, отбывающіе повинность; деньги, выручаемыя черезъ продажу неводной добычи, раздѣляются между цѣлымъ Войскомъ. Ловъ остальными орудіями и снарядами составляетъ личный доходъ тѣхъ, кто доброй волей пускается въ этотъ промыселъ, разрѣшаемый безпрекословно всѣмъ и каждому, для чего и мѣста, удобныя для этихъ видовъ рыболовья, раздѣляются каждымъ Казачьимъ Обществомъ на паи. Неводами ловится простая, не красная рыба, или какъ ее обыкновенно на мѣстѣ называютъ — «частиковая», то-есть: стерлядь, лещь, судакъ, сазанъ, тарань и другія; красная же рыба: осетръ, бѣлуга и севрюга, или какъ ее въ низовьяхъ Волги обыкновенно зовутъ — «шеврига», попадается рѣдко. Вентеря разставляютъ преимущественно на судака, а съ

судакомъ добывается иногда и небольшая бѣлуга и бѣлорыбица. Сидёбками ловится исключительно одна только бѣлорыбица.

Весеннее рыболовье не бываетъ общественнымъ: въ это время всякой рыбачитъ самъ про себя. Оно производится гораздо въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ зимнее. Рыболовныя орудія, при этомъ употребляемыя, суть «волокуши» — родъ малаго невода, и «ставы» — или длинные концы сѣти, которые разставляются на кольяхъ, поперекъ рѣчки или ерика.

Изготовленіе или справа новаго невода, по обширности снасти и значительности всѣхъ ея принадлежностей, обходится не менѣе какъ руб. въ 300 сер.; существованіе же его, при каждогодныхъ починкахъ, можетъ продлиться до трехъ лѣтъ, а иногда и болѣе, что впрочемъ зависитъ отъ болѣе или менѣе благополучной тяги и отъ бо̀льшихъ или меньшихъ поврежденій отъ ка̀ршей, разрывающихъ неводъ. Справа вентеря изъ новой сѣтки, или изъ новаго матеріала, равно какъ ставная сѣть, стоитъ отъ 3 до 5 руб. сер. Цѣнность сидёбки зависитъ отъ бо̀льшей-или-меньшей дороговизны лѣса, на которомъ она устроивается, и, по временамъ, можетъ тоже обойтись рублей въ 5 сер. При такомъ расчетѣ, нельзя не придти къ выводу, что дешевые рыболовные снаряды должны-бы здѣсь быть въ преимущественномъ употребленіи: не всякой казакъ, да

и не всякая даже артель въ складчину, въ силахъ обзавестись неводомъ.

Есть еще отдѣльный видъ рыболовства, составляющій особую мѣстную промышленность: это — ловъ мелкой рыбы: бѣшенки, чехо́ни (она же и «сабля-рыба») и о́блы, подъ общимъ наименованіемъ «тара̀ни», для вытапливанія изъ ней жира. У Казаковъ, жиротопленіе это производится исключительно жителями станицъ Перваго Полковаго Округа. По значительности издержекъ, сопряженныхъ съ устройствомъ жиротопенныхъ заведеній, они дѣлаютъ для того складчины и составляютъ артели.

Рыба, изъ которой добывается жиръ, подъ общимъ ея названіемъ тарани, появляется изъ моря въ Волгѣ, за Астраханью, постоянно во второй половинѣ апрѣля мѣсяца. Жиротопленіе продолжается только въ теченіе двухъ недѣль, и эти двѣ недѣли обезпечиваютъ всѣ труды и расходы казака за цѣлый годъ. Разумѣется, чѣмъ обширнѣе заведеніе, тѣмъ прибыли бываютъ существеннѣе. Нельзя вообразить себѣ той страшной, ужасающей массы мелкой рыбы, которая стремится, въ эти короткіе дни, по Волгѣ и неисчислимыми миріадами ловится всѣми прибрежными жителями, не для употребленія въ пищу, а единственно въ вытопку на жиръ для мыловаренныхъ заводовъ и на другія потребы второстепеннаго значенія. Множество тарани выкидывается волнами на берегъ и гніетъ на воз-

духѣ совершенно даромъ; иногда рыба сама собою дохнетъ, давимая огромностью собственныхъ своихъ косяковъ (стадъ): между-тѣмъ тысячи людей, промышляющихъ рыболовствомъ и жиротопленіемъ, не могутъ придумать средствъ, не могутъ найдти возможности осилить тарашку и всю представляющуюся глазу добычу употребить съ пользою. И все таки — изъ тарани вытапливается нѣсколько тысячь пудовъ жиру.

Казаки Втораго и Третьяго Округовъ этому промыслу не предаются, по физическимъ причинамъ: или по тому, что, въ опредѣленный для того періодъ, тарань не успѣла еще появиться въ полковыхъ предѣлахъ; или по тому, что она ихъ уже миновала; или, наконецъ — это относится собственно къ Третьему Округу — по тому, что является она тамъ, проплывъ уже «по подсвѣжью» (когда послѣ таянія льда вода начнетъ «освѣжаться») большое пространство пути и утративъ на ходу всю свою тучность. Вообще, за Царицынымъ, тарань появляется отощалою, исхудалою и вовсе безъ жира.

Заготовленіе вновь всѣхъ необходимыхъ снарядовъ для жиротопни, какъ-то: котловъ, чановъ, «пересѣкъ» или «полубочей», волокушъ и прочаго, обходится, глядя по большей-или-меньшей обширности затѣй, отъ 450 до 1,000 руб. сер.; ежегодные-же расходы, для поддержки всего заведенія въ порядкѣ, простираются отъ 200 до 500 руб. сер. Изъ этихъ

цифръ можно вывести заключеніе, что бѣднѣйшій классъ населенія не всегда можетъ принимать въ этомъ промыслѣ участіе, не смотря на необъятность по-пусту гибнущей рыбы и на всю кажущуюся легкость и ничтожность труда — накласть тарани въ котелъ, подложить подъ него дровъ и вытопить изъ рыбы жиръ. Впрочемъ, нынѣ, въ краѣ, начали употреблять эту рыбу и не на одинъ жиръ: облу и чехонь—сушатъ и продаютъ вялеными; бѣшенку — солятъ и изготовляютъ на-манеръ сельдей, тѣмъ-болѣе, что она, и въ самомъ дѣлѣ, есть видъ обыкновенной сельди. Общее мнѣніе таково, что, лѣтъ черезъ пятьдесятъ, жиротопни будутъ совершенно оставлены, и древняя система рыбаченья переформируется новѣйшими усовершенствованіями, которыя понемножку и теперь видимо идутъ въ ходъ.

Засимъ, объ Астраханскихъ Казакахъ очень немногое можно прибавить. Интересныхъ сторонъ быта, почему-либо заслуживающихъ любопытства, найти въ нихъ трудно.

Въ слѣдствіе условій мѣстности и почвы, Астраханскіе Казаки предпочтительно предъ другими видами домашняго своего хозяйства, усердно занимаются скотоводствомъ. Въ 1850 году, у нихъ считалось:

лошадей	12,615
рогатаго скота . .	12,528
простыхъ овецъ. .	20,259

Многіе изъ лицъ войсковаго сословія, перенявъ отъ сосѣдей своихъ, Калмыковъ, искусство ухаживать за скотомъ, замѣтно сильно развиваютъ на войсковой землѣ эту промышленность и владѣютъ довольно большими конными табунами и стадами овецъ. Сбытъ скота производится, бо̀льшею-частію, по ярманкамъ, въ близь лежащихъ къ станицамъ уѣздныхъ городахъ: но, болѣе всего, скотомъ торгуютъ на весенней ярманкѣ въ селеніи Ставка (бывшая Ханская-Ставка), что̀ во Внутренней или Букеевской Киргизской-Ордѣ, кочующей въ предѣлахъ Астраханской губерніи, но зависящей не отъ Астраханскаго, а отъ Оренбургскаго Начальства. Впрочемъ, Казаки распродаютъ свой скотъ и на мѣстѣ, то-есть въ станицахъ: пріѣзжимъ гуртовщикамъ, сгонщикамъ и извощикамъ. Послѣдніе пріобрѣтаютъ только лошадей; а первые—рогатый скотъ и овецъ: гуртовщики—для сала, а сгонщики—на убой въ пищу.

III.

АСТРАХАНСКІЕ АРМЯНЕ.

Армяне появились въ Россіи съ весьма давнихъ временъ: о нихъ упоминается въ грамматахъ XV столѣтія; въ концѣ XVI столѣтія у нихъ былъ уже въ Москвѣ свой Гостиный Дворъ. Царь Алексѣй Михайловичъ предоставилъ имъ многія льготы, въ намѣреніи водворить въ Россіи, чрезъ посредство Армянъ, правильный заграничный торгъ съ Востокомъ. Это была главная цѣль призыва ихъ въ наше Отечество, цѣль всѣхъ данныхъ имъ привилегій, чтобы они были купцами и посредниками всѣхъ оборотовъ нашихъ по азіатской торговлѣ. Сверхъ-того, черезъ нихъ

ожидалось развитіе, въ нашей Низовой-Сторонѣ, шелководства и садоводства.

Такимъ-образомъ, Армяне появились у насъ въ качествѣ гостей. Но какъ торговыя дѣла требовали постояннаго пребыванія ихъ въ нѣкоторыхъ пограничныхъ городахъ, гдѣ они успѣли обзавестись и поземельною собственностью, то дабы положеніе ихъ въ предѣлахъ Имперіи всевозможно оградить и упрочить, изданы были, въ 1744 году, для Астраханскихъ собственно Армянъ, особыя правила, по которымъ: а) дозволялся имъ свободный для торговли пріѣздъ въ Россію; б) въ Астрахани велѣно принимать ихъ на жительство, но только во временное, а не въ вѣчное подданство; в) не велѣно облагать ихъ гильдейскими сборами, но мѣстному Магистрату вмѣнено въ обязанность брать съ нихъ за товары надлежащую пошлину; г) кто не желалъ жить въ Россіи, тотъ отпускался во свояси безъ задержанія; в) судъ и расправу предоставлено чинить имъ по своимъ правамъ и обыкновеніямъ; е) дозволено свободное отправленіе обрядовъ вѣры; ж) они освобождались отъ всякихъ службъ и никакихъ тягостей не несли; з) домы ихъ, гдѣ жили сами хозяева, освобождались отъ постоя, а поземельныя деньги взыскивались по усмотрѣнію Магистрата; и) селиться велѣно имъ слободами; наконецъ і) дозволено заводить фабрики и заводы съ вѣдома Мануфактуръ-Коллегіи, безъ всякихъ, въ продолженіе льготныхъ лѣтъ, пошлинъ.

На основаніи этого положенія, Армяне разновременно стали прибывать и водворяться въ Астрахани: изъ Турціи и Персидскихъ Провинцій (Карабаха, Ганджи, Джульфы, Нахичевани, Шемахи), также и изъ Царства Грузинскаго. Для разбора дѣлъ и производства между ними суда и расправы, въ 1765 году учрежденъ былъ въ Астрахани особый Судъ, подъ названіемъ Азіатскаго, содержаніе котораго возложено было на Армянское Общество, безъ пособія отъ Правительства, или отъ города. Впрочемъ, такъ-какъ у Армянъ не было никакихъ опредѣленныхъ правилъ для судопроизводства, то дѣла въ этомъ Судѣ рѣшались, какъ выражались сами Армяне, по темнымъ преданіямъ и обычаямъ: посему, въ послѣдствіи времени, существованіе этого Суда признано излишнимъ, и въ 1839 году былъ онъ упраздненъ. Нынѣ судъ и расправу имѣютъ они въ общихъ судебныхъ и полицейскихъ мѣстахъ.

Первая перепись Армянамъ въ Астрахани произведена была въ 1795 году; ихъ тогда насчитано 390 душъ мужескаго пола. Повинности ихъ въ это время, относительно къ городу, состояли въ назначеніи десятниковъ для Полиціи, въ замѣнъ чего съ Общества взыскивалось по 80 р. асс. въ годъ, и въ отбываніи воинскаго постоя, по которому назначалось съ нихъ къ отводу 13 домовъ для офицеровъ и 639 квартиръ для нижнихъ чиновъ; впрочемъ и эту послѣднюю повинность они отбывали не на-

турою, а, на основаніи Сенатскаго Указа (1 марта 1797 года), деньгами, для чего, по особымъ раскладкамъ и приговорамъ, собиралось съ нихъ отъ 4,500 до 6,000 р. асс. ежегодно. Засимъ, для этихъ Армянъ, прежнія льготы подтверждены были Высочайшею граматою отъ 28 октября 1799 года.

Въ 1827 году, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору благоугодно было повелѣть, чтобы, относительно всѣхъ въ то время находившихся въ Астрахани Армянъ, рѣшенъ былъ вопросъ: «справедливо-ли дать пришельцамъ вѣчныя преимущества предъ коренными Русскими?» Вслѣдствіе сего, положеніемъ Комитета Министровъ, Высочайше утвержденнымъ 2 іюня 1831 года, постановлено, чтобы при пользованіи льготами, дарованными Астраханскому Армянскому Обществу граматою 28 октября 1799 года, оставить тѣ только 390 душъ, которыя значились по переписи 1795 года; всѣхъже остальныхъ изъ того права исключить, предоставивъ имъ на волю, въ теченіе шести мѣсяцевъ, или вступить въ подданство Россіи на общемъ основаніи, или быть въ качествѣ неторгующихъ иностранцевъ. Потомъ, въ 1836 году, повелѣно всѣхъ Армянъ постепенно уравнять въ платежѣ государственныхъ податей съ прочими подданными Русскими; а въ 1848 году постановлено: тѣхъ изъ нельготныхъ Армянъ, которые поселились въ Астрахани до 1799 года, обложить двухрублевымъ сборомъ съ двора, а тѣхъ, кото-

рые перешли въ Астрахань послѣ 1799 года, ввести въ общую податную систему.

Такимъ-образомъ, нынѣ Астраханскіе Армяне раздѣляются на три класса: въ первомъ состоитъ 187 душъ мужескаго пола, вполнѣ пользующихся привиллегіею 1799 года; во второмъ считается 2,192 души мужескаго пола, платящихъ, сверхъ земскихъ и городскихъ повинностей, еще по два р. сер. съ двора; наконецъ, къ третьему принадлежатъ 131 душа мужескаго пола тѣхъ Армянъ, которые введены въ общую податную систему. Цифры, приводимыя здѣсь, относятся къ девятой народной переписи.

Армяне, вышедшіе изъ Персіи и Царства Грузинскаго, слѣдуютъ правиламъ Григоріанскаго Вѣроисповѣданія; ихъ нынѣ въ Астрахáни — 2,425 душъ мужескаго и 2,630 женскаго пола. Армяне, вышедшіе изъ предѣловъ Турціи, находятся въ соединеніи (уніи) съ Римскимъ Католицизмомъ; такихъ въ Астрахани всего-на-все — 85 душъ мужескаго и 91 душа женскаго пола. Послѣдніе извѣстны вообще подъ именемъ Армянъ-Католиковъ.

Физіономія Армянъ общеизвѣстна: она чрезвычайно близка къ еврейскому типу. Вообще лица ихъ отличаются весьма правильными очертаніями и бываютъ почти всегда продолговаты; цвѣтъ кожи темноватый; волосы черные, съ синеватымъ отливомъ; носы прямые, нѣсколько горбоватые, но не безобразные, въ женскихъ-же лицахъ, можно-ска-

зать — прекрасные; глазà большіе, черные, блестящіе, а у женщинъ — исполненные необыкновеннаго огня и самой жаркой нѣги.

Въ Астрахани много ходитъ разсказовъ о томъ, что Армянки «красятъ себѣ глазà»: бòльшая-часть этихъ разсказовъ не противорѣчатъ свѣдѣніямъ объ этомъ, которыя сообщены были еще въ прошломъ столѣтіи, на-примѣръ: въ «Описаніи всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ Государствѣ народовъ», гдѣ сказано, что «Армянки, для внутренней черноты глазъ, покупаютъ, дорогою цѣною, черный, весьма мелкій порошокъ, который, обрѣзаннымъ перомъ, вдуваютъ себѣ въ глазà», и что «порошокъ сей, по сдѣланнымъ химическимъ опытамъ, состоитъ единственно изъ мелко-истертаго шписгласу, сурмила.» Говорятъ также, что у Армянокъ, собственно у молодыхъ дѣвушекъ, въ недавніе только годы вышелъ изъ употребленія обычай сбивать пушòкъ со щекъ при помощи натянутой шелковинки: это, въ прежніе годы, считалось необходимымъ условіемъ армянскихъ приличій и свѣтскости. Между-тѣмъ, и понынѣ, всѣ вообще Армянки, не смотря ни на юность, ни на старость, продолжаютъ бѣлиться, румяниться и сурмить брови: послѣднее дѣлается очень просто — жженымъ миндалемъ, или даже — перегорѣлой свѣтильней сальной свѣчки; румяна представляютъ родъ кисеи, пропитанной пунцовою краской изъ растительныхъ веществъ. Сверхъ-того, по общему обычаю Востока, оба

пола, до-сихъ-поръ, прибѣгаютъ къ извѣстному составу мази, называемой «*дару*», для вытравливанія волосъ растущихъ на тѣлѣ.

Ростъ у Армянъ средній. Нѣкоторая полнота, но не совершенная тучность, считается за немалое достоинство. Сила тѣлесная развита плохо; особенной ловкости и проворства въ тѣлодвиженіяхъ не замѣтно; да и самая жизнь Армянина не представляетъ ничего, что бы побуждало его къ развитію и укрѣпленію мышицъ.

Языкъ у Армянъ свой собственный, самобытный; письмена тоже свои. Пишутъ они по-нашему, отъ правой руки къ лѣвой. Счетъ ведутъ или нашими цифрами, или буквами своего алфавита. Чтобы представить образецъ гармоничности Армянскаго языка, можно привести слѣдующія географическія названія: Россію, на-примѣръ, Армяне зовутъ — *Русастунъ*; своего брата Армянина — *Ххай*; Калмыка — *Сквютаци*; всякаго Мухаммеданина — *Тачикъ*; Кавказъ — *Кофкасъ*; Черное-Море — *Сявцофъ*; Каспійское-Море—*Каспиццовъ*; Волгу — *Идыль*; Куму — *Гуми*; Терекъ — *Терикъ*; Тифлисъ — *Тыпкизъ*; Грузію — *Врацтунъ*; Грецію — *Хунацтунъ*; Персію — *Парскастунъ*; Турцію — *Османянъ-Терутюнъ*; Венецію — *Венетыкъ*; Германію — *Керманіа*. По Русски Армяне говорятъ бѣгло и хорошо; однако немногіе могутъ одолѣть наше *Ы*, или сладить съ звуками, смягченными приставкою *Ь*.

Въ слѣдствіе всюду развивающейся цивилизаціи, большая-часть Астраханскихъ Ар-

мянъ стали теперь (какъ выражаются нѣкоторыя племена, обитающія въ Низовой-Сторонѣ и состоящія подъ вліяніемъ Армянскаго торга) — совершенные «франсузы»: щеголяютъ по парижскимъ модамъ и живутъ на европейскій маперъ. Впрочемъ, и у такихъ Армянъ, въ домахъ одна лишь половина убирается по столичнымъ обычаямъ, а другая все еще сохраняетъ національный армянскій характеръ. Не найдется семьи, у которой не было-бы хоть одной «нарной», то-есть комнаты, вокругъ которой, вмѣсто европейской мебели, устроены широкія деревянныя «нары»; эти нары, равно-какъ и полы, устилаются коврами и обставляются подушками.

Армяне любятъ кофе больше чаю. Гостьѣ дамѣ, хотя-бы посѣщеніе сдѣлано было и вечеромъ, непремѣнно надо подать кофе. Какъ кофе составляетъ любимый напитокъ женщинъ, такъ лучшее наслажденіе мущинъ есть чихирь изъ винограда. Армянину не нужно ни лафитовъ, ни рейнвейну, ни шампанскаго, потому-что все это, по дороговизнѣ, очень для него невкусно, даже противно и вредно здоровью; а чихирь, въ Астрахани почти ничего не стоющій, соединяетъ въ себѣ все, что нужно для полнаго удовольствія: и дешево, и пьяно, и, слѣдовательно, здорово.

На кухнѣ Армянской, русскихъ горшковъ почти вовсе не бываетъ: имъ предпочитаются кострюли и мѣдные котлы. Любимыя блюда Армянъ суть такъ-называе-

мыя «*кабабы*» разныхъ родовъ: *шишь-кабабъ*, то-есть баранина, кусками жареная на желѣзномъ прутѣ; *люли-кабабъ* или *шишлыкъ* — мелкорубленая баранина, наминаемая на желѣзный прутъ и обжариваемая на огнѣ; *казанъ-кабабъ* — баранина приготовленная, въ родѣ соуса, въ котлѣ, съ лукомъ или фруктами. Затѣмъ, «*далма*» — рубленая баранина, приправленная пряностями, завернутая въ свѣжій виноградный листъ и сваренная въ кипяткѣ: для этого виноградные листья на зиму солятъ, а потомъ, когда нужно готовить далму, листья эти вымачиваютъ въ водѣ: приготовленная такимъ образомъ далма подается всегда съ простоквашей; иногда далма готовится въ яблокахъ, въ айвѣ, въ маленькой тыквѣ. Извѣстный въ цѣломъ Востокѣ, отъ Египта до Китая и отъ Казани до Калькутты, «*пловъ*», у Армянъ, какъ всякое ихъ блюдо, не обходится безъ шафрана. Прочія народныя кушанья: «*лобья*» — изъ турецкихъ бобовъ, «*баджманъ*» — изъ демьянокъ или бадиджана, «*кайнеръ*» — сладкое блюдо изъ однихъ фруктовъ. Впрочемъ Армяне употребляютъ и русскія блюда. Они очень любятъ всѣ вообще пряности; лукъ, чеснокъ, перецъ, гвоздика, шафранъ, кардамонъ, наполняютъ почти каждое ихъ кушанье. Между-тѣмъ, всякое мясо, даже рыба и раки, считаются скоромными, и потому въ посты въ пищу не употребляются.

Бо́льшей - частью, Армяне въ Астрахани одѣваются по-нѣмецки: только до фраковъ

небольшіе охотники; во всемъ прочемъ, особенно женскій полъ, слѣпо слѣдуютъ моднымъ картинкамъ. Впрочемъ, пожилые люди и доселѣ еще сохраняютъ привязанность къ старинѣ, и всегда одѣваются въ національное свое платье; женщины бросаютъ шляпки и мантильи, когда идутъ въ церковь Божью и въ годовые праздники.

Настоящій Армянскій костюмъ, лѣтъ за двадцать или за двадцать-пять бывшій общимъ для всѣхъ, состоитъ изъ слѣдующихъ частей.

а. Въ дѣвичьемъ нарядѣ. «*Шабика*» — рубаха, холстинная или шелковая, цвѣтная, гладкая и преимущественно краснаго цвѣта; подолъ и рукава длинные, у кисти рукѝ просторные, но не широкіе, по краямъ обшитые снуркомъ; пройма очень вырѣзная, съ разрѣзомъ почти до пояса. Подъ этой рубахой, всѣ вообще носятъ крестъ, а подверженныя болѣзни — кабалистическія письмена и разные талисманы, зашитые въ особую ладонку. Далѣе, «*похáнъ*» или «*изáръ*» — шальвары длинныя до пятъ, обшитыя внизу серебрянымъ позументомъ: шальвары эти у Армянокъ ýже, чѣмъ у Персіянокъ; онѣ бываютъ, смотря по достатку носящей, или шелковыя, или холстинныя, или изъ простой красной бязи (грубаго бумажнаго полотна). * Обувь: «*абуршуми*» — чулки

* Нынче, и «*похáнъ*» и «*шабика*» видятся еще, но рѣдко; они замѣнены европейскимъ бѣльемъ по общей модѣ, при которомъ не позабыты корсетъ и юбки.

шелковые, съ шелковыми-же или парчевыми подвязками, на которыхъ вышиваются вензеля и полныя имена владѣлицы, и «*машикъ*»—башмаки изъ цвѣтнаго сафьяна, съ очень высокими каблуками. Верхнее платье: «*архалухъ*» — общій азіатскій короткій чекмень: онъ бываетъ шелковый, одноцвѣтный и пестрый, впрочемъ гладкій предпочтительнѣе, и всегда выстегивается разными узорами; грудь въ старину не застегивалась, но была совершенно открыта до самаго пояса: тутъ только архалухъ стягивался подъ серебрянымъ кушакомъ, или снуркомъ, булавкою или пуговочкой; «*капа*» — платье съ длинными просторными рукавами и изъ лучшихъ матерій: она тоже не совсѣмъ прикрывала дѣвичью грудь, а оставляла ее открытою на столько, на сколько это дозволялось армянскою скромностью и чистотою нравовъ; «*долома*» — самое верхнее платье, которое накидывалось на плеча какъ епанечка: оно было длинное; рукава, тоже длинные, къ низу постоянно съуживались, и, на ходьбѣ, развѣвались по вѣтру; воротничекъ стоячій, маленькій. Голова дѣвушки убиралась особеннымъ образомъ: ей заплетали пять или шесть косъ изъ собственныхъ волосъ, да столько-же подвязывали фальшивыхъ, прикрѣпляя къ концамъ ихъ банты и концы шелковыхъ лентъ; косы эти распускались сзади на спинѣ поверхъ платья, и чѣмъ были длиннѣе, тѣмъ выше цѣнилась дѣвичья красота. Въ уши вдѣвались серги, по-армянски — «*сырга*», дорогія и огром-

ныя, на азіатскій манеръ. Такъ-называемыя «*во́ски*» (золото), то-есть золотыя монеты и медали иностранной отливки, прикрѣпленныя къ ниткѣ, украшали роскошную шею и плечи хорошенькой Армянки. Браслеты или наручни, по-армянски—«*калба́хъ*», также перстни и ко̀льца, во множествѣ блестѣли на рукахъ. Голова повязывалась чернымъ атласнымъ платкомъ, котораго два длинные и острые конца закидывались назадъ: такъ ходятъ Армянки еще и теперь. «*Чадру*» носили развѣ только очень старыя дѣвы: это родъ простыни, или большой кусокъ бѣлой бумажной ткани, въ которую Армянки закутываются съ головы до ногъ, не закрывая впрочемъ лица; отъ неумѣнья носи́ть чадру и рисоваться въ ней, этотъ нарядъ очень неизященъ, особенно въ томъ случаѣ, когда идешь не на встрѣчу Армянкѣ, а слѣдуешь за ней позади. Зимой, въ прежнія времена, дѣвушки надѣвали мѣховую до̀лому въ рукава; голову, поверхъ платка, прикрывали, для тепла, персидскою шалью.

6. Въ нарядѣ замужнихъ женщинъ. Основныя части были тѣже, что̀ и у дѣвицъ; но существенныя отличія состояли въ томъ, что *шаби́къ* и *поха̀нъ* были не красные, а непремѣнно синіе, обшитые по краямъ толстымъ снуркомъ. Лѣтомъ, вмѣсто *архалуха*, женщины носили короткій шелковый камзолъ безъ рукавовъ, съ серебряными и вызолоченными крючками, которые застегивались только у пояса; иногда тутъже затыкалась большая се-

ребряная или золотая булавка, украшенная жемчужиной. *Кону* носили съ совершенно оторваннымъ лифомъ, далеко оставлявшимъ за собой бальные костюмы временъ Людовика XV. Вовсе не употребляли ни серегъ, ни браслетъ, ни фальшивыхъ косъ; но зато необходимою принадлежностью женской прически считался «*чавликъ*» — фальшивая накладка, съ волосами, спущенными на щеки близь уха, для того чтобы виски казались пышнѣе, шире и чернѣе. Къ вискамъ прикрѣплялись особенныя украшенія въ родѣ полумѣсяца: онѣ были золотыя, убранныя драгоцѣнными каменьями и величиною вершка въ два; пара такихъ вещицъ называлась «*джинансиръ*», и къ каждому виску прикрѣплялось по одному «*джинахy*». Къ подбородку, отъ одного уха до другаго, подвязывалась широкая жемчужная привѣска, называвшаяся «*ужунчи*» (борода), а поверхъ ея — «*ѳильсилля*» (набородье), изъ золота и разныхъ драгоцѣнныхъ камней: послѣднее было уже, чѣмъ первое. На шеѣ носили «*жинжиль*» — золотыя цѣпи разныхъ видовъ, но преимущественно составленныя изъ медальоновъ литаго золота венеціанской работы, или можетъ-быть и собственнаго армянскаго издѣлія съ венеціанскихъ образцовъ; въ срединѣ этихъ медальоновъ припаивались золотыя пластинки, украшенныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Всѣ эти драгоцѣнности доселѣ хранятся во многихъ Армянскихъ семействахъ города Астрахани, хотя те-

перь въ дѣло уже и не употребляются; въ такихъ украшеніяхъ написаны и всѣ портреты армянскихъ красавицъ начала нынѣшняго столѣтія. На головѣ замужнія женщины носили и носятъ еще: подъ-низомъ—ситцевую или шелковую косынку, а поверхъ ея навязываютъ «*лечйкъ*»—большой бѣлый платокъ изъ шелку, газа или кисеи, который стягиваютъ позади булавками, распуская концы не углами, а тупыми сторонами; сверхъ же лечика, спереди подвязываютъ налобникъ или повязку—«*чакатыяулухъ*», или собственно по-армянски—«*ташкинакъ*».

в. Въ мужскомъ нарядѣ. Верхнее платье состоитъ изъ суконной «*чухи*», у пожилыхъ людей — темныхъ, а у молодыхъ — свѣтлыхъ цвѣтовъ: это родъ казакина съ крючками на груди и съ разрѣзными рукавами, закидываемыми назадъ. Подъ чухой, *архалухъ* цвѣтной, изъ шелковой матеріи, преимущественно краснаго цвѣта; *копа* нижнее платье. На головѣ: у молодежи — фуражки или картузы, а у пожилыхъ, особенно у стариковъ — высокая, широкая, ровная, мерлушчатая шапка, въ родѣ хивинской, но нѣсколько уже. При такой шапкѣ, необходимъ красный кушакъ поверхъ чухи. Всѣ мущины носятъ усы; но бороды—и у стариковъ въ рѣдкость.

По примѣру всѣхъ восточныхъ жителей, Армяне любятъ, перебирать чотки—«*терьогормя*»: это у нихъ замѣняетъ и книги, и журналы, и газеты. Послѣдняго способа пре-

провожденія времени не знаетъ и молодежь; но она развлекаетъ себя — преферансомъ и ералашью.

Армяне очень любятъ музыку. Гдѣ только соберется у нихъ своя компанія, безъ музыки и пѣсенъ дѣло не обойдется. Но у человѣка, привыкшаго къ европейской музыкѣ, не достанетъ силъ прослушать самую хорошенькую ихъ пѣсенку. Они поютъ обыкновенно въ носъ, гнуся ужасно, заливаются неистово-тоскливымъ образомъ, и вообще услаждаются чрезвычайно дикою, на европейское ухо, гармоніею. Настоящіе армянскіе музыкальные инструменты, въ нынѣшнее время, мало-по-малу выводятся изъ употребленія. Уцѣлѣли только немногіе, именно: «*чунгуръ*» — что̀-то въ родѣ балалайки съ пятью металлическими струнами, и «*нагара̀*» — простые глиняные горшки, обтянутые кожей. Этихъ послѣднихъ всегда бываетъ пара; пришедшій въ умиленіе Армянинъ колотитъ въ нихъ особыми барабанными палочками.

Что касается до танцевъ, то Астраханскіе Армяне, предаваясь французскому кадрилю и даже разновиднымъ полькамъ, не забываютъ и родныхъ своихъ плясокъ. Нынче они помнятъ двѣ такія старинки: «*хиркуоко̀фъ*» и «*гасми*». Первый есть родъ нашего казачка̀; его выплясываютъ вдвоемъ, или мущина съ мущиной, или женщина съ женщиной, или оба пола вмѣстѣ. Въ послѣдняго-рода пляскѣ участвуютъ четверо, или все мущины, или все

женщины; или два кавалера и двѣ дамы: танцующіе легонечко переступаютъ съ мѣста на мѣсто, въ родѣ какъ это дѣлается въ русской народной пляскѣ, и выдѣлываютъ при этомъ разныя фигуры руками: то граціозно поднимутъ ихъ къ верху, то подбоченятся, то разводятъ ихъ въ стороны.

Вообще, сходясь постоянно все ближе и ближе съ Русскими, Армяне, изъ множества старинныхъ обычаевъ, сохранили теперь очень немногое, оставшееся необрусѣлымъ; да и то въ такихъ преимущественно случаяхъ, гдѣ это касается религіозныхъ ихъ обрядовъ.

Сватовство у Армянъ происходитъ также, какъ и вездѣ въ Россіи: чрезъ посредство свахъ—«*хнамахосъ*». Смотрины бываютъ рѣдко, потому-что всѣ Армяне другъ-дружку знаютъ. Обрученье совершается въ домѣ невѣсты; пирушекъ при этомъ не бываетъ. Свадьбы вѣнчаются большей-частью по вечерамъ, днемъ — рѣдко. При свадьбахъ, и для жениха, и для невѣсты, нуженъ только одинъ «посажоный отецъ»; «матери посажоной» не бываетъ вовсе. При вѣнчаньѣ въ церкви, священникъ на каждаго изъ супруговъ надѣваетъ по шелковому снурку, скрѣпляетъ концы его воскомъ и кладетъ на воскѣ печать церковнымъ крестомъ: снурки эти снимаются съ молодыхъ, тоже священникомъ, съ приличными молитвами, не прежде какъ черезъ двое сутокъ по совершеніи таинства; до истеченія же этого срока, сестры и подруги оберегаютъ молодую, днюя

и ночуя съ ней. Шабикъ новобрачной выносится къ предъявленію только наличнымъ родственницамъ.

На крестинахъ, бываетъ одинъ воспріемникъ; кумы̀ нѣтъ. Крещеніе совершается до обѣда, и въ самой церкви.

Трауръ по умершимъ больше замѣтенъ на женщинахъ: онѣ надѣваютъ тогда черное платье и бѣлые платки на голову. Мущины носятъ черную чуху.

Въ день Преображенія, празднуемый Армянами не всегда въ одно и тоже число, потому-что праздникъ этотъ принадлежитъ у нихъ къ переходнымъ, у Арманъ въ обычаѣ опрыскивать другъ-друга водой, изъ шутки, для потѣхи; это стараются они дѣлать невзначай: изъ оконъ, изъ-за угла, при встрѣчахъ между-собой, и т. п.

Въ настоящее время, Астраханскіе Армяне вовсе не производятъ заграничной торговли; нѣтъ у нихъ также ни шелководства, ни садоводства, ни даже хлѣбопашества. Люди самые зажиточные, владѣльцы огромныхъ капиталовъ, съ успѣхомъ занимаются любимымъ армянскимъ промысломъ: ссудой другихъ деньгами подъ закладъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, Армяне, менѣе капитальные, занимаются: или торговлею въ Калмыцкихъ Улусахъ и частію во Внутренней-Киргизской-Ордѣ, или коммиссіонерствомъ по разнымъ городамъ, или, наконецъ, различнымъ торгомъ въ самой Астрахани и продажею товаровъ до-

ставляемыхъ туда изъ С.-Петербурга, изъ Москвы и съ Нижегородской-Ярмарки; нѣкоторые имѣютъ красильныя фабрики и небольшіе свѣчные, мыльные и кожевенные заводы. Люди несостоятельные занимаются «маклерствомъ», то-есть факторствомъ и самымъ мелкимъ торгашествомъ.

Общій характеръ Астраханскихъ Армянъ — миролюбіе и ласковость, въ нѣкоторыхъ случаяхъ — угодливость, въ нѣкоторыхъ — гордость и заносчивость, вообще — веселость, расторопность и крайняя изворотливость. Есть въ нихъ пріемлемость къ внѣшнему образованію, но незамѣтно особаго расположенія къ наукамъ и высшимъ умственнымъ занятіямъ.

немногими только остатками разсыпались по степямъ низовьевъ Волги и по Каспійскому прибрежью; то Ногаи, предки Юртовскихъ-Татаръ, стали кочевать въ лѣтнее время по рѣкѣ Уралу (по-татарски — *Джайакъ*, нашъ — *Яикъ*) и только изрѣдка заходили на Эмбу (*Джемъ*, *Емъ* или *Зецъ*). Въ низовьяхъ Урала была укрѣпленная ставка другой отрасли Ногаевъ; эта ставка, «орда», или «сарай», называлась *Сарайчикъ*. Юртовцы не были подвластны Сарайчику, также-какъ не были они подвластны и Казани, хотя нельзя не сказать, что и Казанскіе-Татары, и Сарайчиковцы, дѣлали на нихъ нападенія и разными вымогательствами заставляли ихъ платить себѣ дань въ то или въ другое мѣсто. Берега рѣкъ Урала, и иногда Эмбы, были лѣтнимъ кочевьемъ Юртовскихъ-Татаръ: на зиму они подкочевывали къ Волгѣ, гдѣ, на Луговой-Сторонѣ, выстроили себѣ маленькое укрѣпленіе.

У всякаго кочеваго племени бываетъ непремѣнно два кочевья: зимнее и лѣтнее. Русскія слова «*городокъ*» и «*городъ*», подобно-какъ татарскія «*сарай*» и «*орда*», или калмыцкія «*ургà*» и «*курѝ*» (изъ котораго наши Казаки сдѣлали свой «*курѐнь*)», означаютъ собственно главную ставку въ угожемъ мѣстѣ, гдѣ было постоянное становище или обиталище предводителя племени, его свиты и дружины. Въ зимнее время, становища предводителей, по-большой-части, какъ мы видимъ это и теперь, бывали постоянныя, и съ одного мѣста на дру-

девятой ревизіи. Населеніе это распредѣлено, въ окрестностяхъ Астрахани, такимъ образомъ:

		м. п.	ж. п.
слобода	*Царёво* или *Тіекъ* (юго-западное предмѣстіе Астрахани)	591	541
селенія:	*Зацарёво*	731	715
	Каргала, *Каргаликъ*, или *Каргалинское*	246	222
	Казанъ, или *Башмаковка*	483	370
	Яксатъ, или *Майлегулъ*	149	129
	Осыпной-Бугоръ	179	182
	Семиковское	76	50
	Кулаково, или *Буздамгулъ*	77	89
	Джемене, или *Трехъ-Протоцкое*	206	170
	Машайкъ, или *Машаекъ*	185	137
	Келечй	388	355
	Бобровское, *Есаульское* — подъ общимъ названіемъ *Таволганскаго* или *Тулуганскаго*	268	231
	Бши-Тюбя, или *Бештубинское*	156	129
	Солянка	870	729

Къ послѣднему селенію приписано еще около ста кибитокъ, именно 688 душъ мужескаго и 524 женскаго пола, зиму и лѣто кочующихъ въ такъ-называемыхъ «Мочагахъ», то-есть въ сѣверо-западномъ, топкомъ и густо-поросшемъ камышами, прибрежьѣ Каспійскаго-Моря, по Линейному-Тракту, въ окрестностяхъ станцій *Алабугской* и *Терненовской*: тутъ Юртовскіе-Татары кочевали еще во времена Царя Алексѣя Михайловича.

За исключеніемъ сихъ-послѣднихъ, всѣ Юртовцы ведутъ жизнь съ давнихъ временъ осѣдлую, въ своихъ селеніяхъ. Только Тулуганскіе жители, съ весны, отправляются въ кочевку на земли Кундровскихъ-Татаръ, по той необходимой и настоятельной надобности, что все ихъ селеніе совершенно заливается весенними разливами Волги. Татары, живущіе селеніями, называются, въ противоположность кочевымъ, «аульными».

Нынѣшній Юртовскій Голова изъ Царева, Абубекръ Джанъ-Аліевъ, и Келечинскій житель Исхакъ Дюсеевъ, по преданіямъ предковъ, разсказываютъ, что родоначальникомъ той отрасли Ногаевъ, отъ которой произошли Юртовскіе-Татары, былъ нѣкто *Исламъ*, по званію своему «Кайя», нѣчто среднее между «Хаджи» и «Сейдомъ». У *Исламъ*-Кайи былъ сынъ *Каранки*; у него сынъ *Баба-Туклесъ*, а у этого *Кыдыръ*-Кайя. Праправнукъ *Кыдыръ*-Кайи, сынъ *Терме*-Кайи и внукъ *Кутлу*-Кайи, сына Кыдыра-Кайи, по имени *Эдигей*, провозгласилъ себя «Біемъ» надъ Ногаями. У Эдигея было два сына, получившихъ отъ отца званіе «Мурзъ»: старшій *Нуръ-Адиль* и младшій *Мансуръ*. Въ то время, когда въ Ховерезмѣ властвовалъ Баракъ-Ханъ, *Мансуръ*-Мурза сдѣлалъ набѣгъ на Хиву, гдѣ и умеръ насильственною смертью, будучи ослѣпленъ по повелѣнію Барака. У *Нуръ-Адиль*-Мурзы было двое сыновей: *Оказъ* и *Акасъ*. Послѣдній умеръ бездѣтнымъ; а у Оказа преемникомъ

власти надъ Ногаями сдѣлался сынъ *Муса-Бій*. У Муса-Бія было тридцать сыновъ; девятый изъ нихъ, *Альчесмаиль*, перессоривъ всѣхъ братьевъ между-собою, лишилъ ихъ вліянія на народъ, и самъ сдѣлался главою надъ Ногаями. У Альчесмаиля былъ сынъ *Урусъ*, и отъ него два внука *Акъ-Сати* и *Джанъ-Арсланъ*: послѣдній умеръ не оставивъ послѣ себя потомства, а у Акъ-Сати, чрезъ сына его *Али* и внука *Казы*, было потомство, котораго отрасли частію перешли въ Христіанство и вполнѣ усыновились Россіи въ соотвѣтственномъ происхожденію ихъ благородномъ достоинствѣ, частію-же остаются донынѣ между Юртовцами.

Что касается до родословной Астраханскаго Царя *Ямгурчея*, то, по мѣстнымъ преданіямъ, онъ происходилъ отъ другой отрасли Ногайскихъ Мурзъ. Воспользовавшись внутренними безпорядками Астраханскихъ Татаръ, тѣснимыхъ Казанцами, онъ успѣлъ захватить владычество надъ Устьволжскими Ногаями и усвоилъ себѣ титулъ Хана. По преданіямъ Юртовцевъ, Ямгурчей или Ямгурчи былъ первымъ и послѣднимъ Ханомъ такъ-называемаго Астраханскаго-Царства. Впрочемъ, во многихъ современныхъ актахъ, прежніе Астраханскіе владѣтели именуются просто Ногайскими Мурзами.

Юртовскіе старики разсказываютъ, что когда Золотая-Орда стала не то, что была когда-то прежде, и поколѣнія, составлявшія ее,

немногими только остатками разсыпались по степямъ низовьевъ Волги и по Каспійскому прибрежью; то Ногаи, предки Юртовскихъ-Татаръ, стали кочевать въ лѣтнее время по рѣкѣ Уралу (по-татарски — *Джайакъ*, нашъ — *Яикъ*) и только изрѣдка заходили на Эмбу (*Джемъ*, *Емъ* или *Зецъ*). Въ низовьяхъ Урала была укрѣпленная ставка другой отрасли Ногаевъ; эта ставка, «орда», или «сарай», называлась *Сарайчикъ*. Юртовцы не были подвластны Сарайчику, также-какъ не были они подвластны и Казани, хотя нельзя не сказать, что и Казанскіе-Татары, и Сарайчиковцы, дѣлали на нихъ нападенія и разными вымогательствами заставляли ихъ платить себѣ дань въ то или въ другое мѣсто. Берега рѣкъ Урала, и иногда Эмбы, были лѣтнимъ кочевьемъ Юртовскихъ-Татаръ: на зиму они подкочевывали къ Волгѣ, гдѣ, на Луговой-Сторонѣ, выстроили себѣ маленькое укрѣпленіе.

У всякаго кочеваго племени бываетъ непремѣнно два кочевья: зимнее и лѣтнее. Русскія слова «*городокъ*» и «*городъ*», подобно-какъ татарскія «*сарай*» и «*орда*», или калмыцкія «*урга*» и «*куря*» (изъ котораго наши Казаки сдѣлали свой «*курень*)», означаютъ собственно главную ставку въ угожемъ мѣстѣ, гдѣ было постоянное становище или обиталище предводителя племени, его свиты и дружины. Въ зимнее время, становища предводителей, по-большой-части, какъ мы видимъ это и теперь, бывали постоянныя; и съ одного мѣста на дру-

гое не переносились, какъ бываетъ то лѣтомъ; стало-быть, сосредоточивая въ себѣ главныя богатства племени, онѣ могли служить заманчивою цѣлью для внезапныхъ хищническихъ нападеній враждебныхъ племенъ. Отсюда проистекала естественная необходимость въ ихъ «оградѣ»; являлись городьба, валы, рвы, ворота, глиняные загоны для скота, глиняныя стѣны, ограды, потомъ кирпичныя стѣны, кирпичные караванъ-сараи для торговцевъ и каменная мечеть: такая каменная усадьба, по-татарски «*кала*», по-руски должна была носить названіе «*города*». Въ Низовой-Сторонѣ деревянныхъ строеній быть не могло, по отсутствію строеваго лѣса; а потому естественно, что, въ степныхъ мѣстахъ, города были не рубленые, но каменные, изъ жженаго кирпича и битой глины, налѣпленной на камышевыя стѣны. Остатки такихъ городовъ мы находимъ всюду, и въ Башкиріи, и въ Киргизской-Степи, и въ Калмыцкихъ-Кочевьяхъ; а если повнимательнѣе посмотримъ вокругъ себя, то увидимъ, что такіяже усадьбы и нынѣ, на нашихъ глазахъ, строятся у кочевыхъ народовъ. Подобныхъ укрѣпленныхъ ставокъ, и у Юртовскихъ-Татаръ, существовало нѣсколько.

Первый и, какъ говорятъ, главный Ногайскій городъ былъ *Джигыдъ*, стоявшій почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится нынѣшнее селеніе *Селитряный-Городокъ*. Здѣсь, въ старыя времена, была главная зимняя ставка Юртовцевъ. Что тутъ были каменныя

строенія и существовала торговля, доказательствомъ тому служатъ остатки старинныхъ стѣнъ и понынѣ, безъ всякаго затрудненія, отрываемыя на поляхъ, старинныя татарскія деньги, и серебряныя, и преимущественно мѣдныя. Нынѣшній Селитряный-Городокъ лежитъ почти во 100 верстахъ выше Астрахани; а въ актахъ историческихъ, относящихся ко временамъ Царя Алексѣя Михайловича, есть прямое указаніе, что въ 80 верстахъ отъ Астрахани лежали *Ближніе-Сараи*, а на 20 верстъ еще выше *Дальніе-Сараи*. Вѣроятно, послѣднее названіе принадлежало тому мѣсту, которое понынѣ называется Поволжскими инородцами — *Джигыдъ*; а названіе *Ближніе-Сараи* — мѣсту, понынѣ именуемому *Давлютъ-Ханъ*.

Кромѣ Джигыда и Давлютъ-Хана, былъ еще городокъ по правому берегу Волги, на седьмой верстѣ выше селенія *Солянки*, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь такъ-называемая *Стрѣлецкая-Ватага* («ватага» — значитъ рыболовное заведеніе «на рѣкѣ», въ противоположность слову «промыселъ», или «промысла̀», что̀ означаетъ рыболовное заведеніе «на морѣ»). Татарское названіе этого мѣста — *Куюкъ-Кала*, что̀ значитъ *Горѣлый-Городокъ*. Говорятъ, что Ямгурчей имѣлъ здѣсь свое лѣтнее пребываніе. И нынче, когда случится, что Волга смоетъ и оторветъ отъ берега часть яра, то въ свѣжей стѣнѣ берега находятъ человѣческія кости, старинные кирпичи и татарскія монеты.

Былъ еще городокъ *Чунгуръ*, въ полуверстѣ отъ селенія *Мамайкъ*, въ семи верстахъ отъ Астрахани, за *Казаньимъ-Бугромъ*. Гмелинъ разсказываетъ, что еще въ его время тутъ находили серебряныя и золотыя татарскія монеты, кольца, серьги, зарукавья и разную мелочь.

Важнѣйшимъ, впрочемъ, мѣстомъ была сама *Астрахань*, которую мѣстные инородцы называютъ *Хайдаръ-Ханъ*, а еще чаще *Хаджи-Тарханъ*. Если вѣрить разсказамъ Юртовцевъ, то на острову, гдѣ стоитъ Астрахань, всегда было зимнее становище Ногаевъ. Одинъ Хаджи Аліева колѣна, по имени Тарханъ, вздумалъ укрѣпить эту зимовку валомъ и кирпичными стѣнами, и съ тѣхъ поръ островокъ началъ все болѣе и болѣе приманивать къ себѣ жителей; по географическому положенію и по мѣстнымъ удобствамъ, ему охотно стали отдавать предпочтеніе передъ Джигыдомъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что здѣсь наконецъ утвердилась главная зимняя ставка Ногаевъ. Мѣсто прежней крѣпостцы въ Хаджи-Тарханѣ, переименованномъ Русскими въ Астрахань, было именно въ одномъ изъ ближайшихъ къ Волгѣ угловъ нынѣшняго Астраханскаго Кремля; прямо подъ стѣнами кремлевскаго холма въ то время протекала еще Волга, далеко теперь отбѣжавшая отъ города. Татарскія «мазарки», или кладбища, были и въ предѣлахъ нынѣшняго кремля, и въ полуверстѣ отсюда, на

круглой площадкѣ главной улицы, гдѣ теперь выстроенъ храмъ Рождества-Богородицы. Порывистые вѣтры и дождевыя лужи сносятъ здѣсь слои песку и высохшей глины, и глазамъ наблюдателя, въ центрѣ города, является, площадка, усѣянная бѣлыми черепами и высунувшимися костями.

Въ прежнія времена, Юртовскіе-Татары раздѣлялись на Улусы или Табуны, и каждымъ изъ нихъ начальствовалъ Старшина, носившій у Русскихъ званіе Табуннаго-Головы: званіе, сколько судить можно, совершенно тожественное съ тѣмъ, которое, въ старинныхъ граматахъ, относящихся до посольства къ Калмыцкому Алтыну-Хану, называлось у насъ Табунанъ. Каждый Улусъ имѣлъ собственное свое отдѣльное названіе, и прозывался, кромѣ-того, по имени своего Табуннаго-Головы: такъ, на-примѣръ, Улусъ или Табунъ Келечинскій, онъже и Чигирлыйскій, носилъ оффиціальное названіе «Улуса Нуръ-Адиль Урусова».

Табунныхъ-Головъ было всего девять. Изъ нихъ семеро имѣли титулъ Агъ, а двое звались Мурзами. Девять Табуновъ носили слѣдующія имена своихъ Головъ, переходившія изъ поколѣнія въ поколѣніе:

1. *Нуръ-Адиль* (*Нурродинъ*) *Урусовъ*;
2. *Бій-Мурза Урусовъ* (Бій-Мурза былъ троюродный братъ Нуръ-Адиля);
3. *Каспулатъ Еешеевъ*;
4. *Османъ Каспулатовъ*;
5. *Адокугуль Каспулатовъ*;

6. *Кедеи Исмаиловъ*;
7. *Семекъ Арслановъ*;
8. *Магомметджанъ* (*Мухаммеджанъ*, *Мамбетджанъ*) *Темирчеевъ*; и
9. *Болотой* (*Вулатъ*) *Бековъ*.

Каждый родъ этихъ улусниковъ имѣлъ собственную свою «тамгу», которая употреблялась вмѣсто клейма, печати или герба. Но у Юртовскихъ-Татаръ она не замѣняла тавра, которымъ скотъ пятнаютъ; для этой цѣли у нихъ существуютъ особыя примѣты: ухо, напримѣръ, рѣзанное или поротое, лысина на лбу и другія отмѣтины.

Такимъ образомъ, Улусъ *Нуръ-Адиля Урусова* состоялъ изъ двухъ родовъ или колѣнъ; поэтому у него было и двѣ тамги. Одна состояла изъ трехъ перекрещивающихъ одна-другую чертъ, въ родѣ буквы X, еще разъ пересѣченной чертою поперекъ (⚹): такая фигура похожа на колесо; она и въ самомъ дѣлѣ выражаетъ собою «мельничное колесо» (по-татарски—«*чигире*»); почему самая тамга эта называется «*чигирь-тамга*». Другая тамга представляетъ двѣ черты, соединенныя подъ угломъ въ фигурѣ, похожей на букву V: этой фигурой кочевыя племена выражаютъ «кнутовище» и «конецъ плети»; а потому и самое клеймо называется «*камши-тамга*» (*камши* — по-русски «ногайка»). Для отличія между-собою родовъ, у которыхъ тамгой тоже служитъ ногайка, одни имѣютъ простую ногайку, а иные на кнутовищѣ обозначаютъ и темлячокъ, то-

есть ремешокъ, которымъ нагайка надѣвается на кисть руки. Улусы *Каспулата Еещеева*, равно-какъ *Османа* и *Аджигуля Каспулатовыхъ*, составляли одинъ общій родъ, а потому и тамга у нихъ была общая, съ виду походившая на букву Н, съ тою лишь разницею, что двѣ продольныя черты были одинаковой длины съ поперечною: тамга эта выражаетъ два кола или двѣ жерди, приколоченныя къ третьей, то-есть «рѣшетку» (по-татарски — «*эргене́къ*»), которою запираютъ загоны для скота; а потому она называется «*эргене́къ-тамга*». Улусъ *Бій-Мурзы Урусова* состоялъ изъ двухъ отраслей одного и тогоже рода, а потому и тамга у нихъ была одна и таже: палочка съ кружкомъ на верху (♀), что̀ выражаетъ «ковшъ» (по-татарски — «*мёмышъ*»); но для отличія одной отрасли отъ другой, ковши эти были разные: у однихъ — просто палочка съ кружочкомъ на верху, что̀ выражаетъ «простой ковшъ», а у другихъ — кружокъ на палочкѣ съ загнутымъ концомъ, что̀ означаетъ «ковшъ съ загнутой ручкой». Затѣмъ, у иныхъ, тамгой служило изображеніе «копыта» (по-татарски — «*туякъ*»), въ родѣ буквы О безъ верхушки, которая у однихъ ставилась концами вверхъ, а у другихъ концами внизъ. Другіе роды имѣли тамгой полумѣсяцъ (по-татарски — «*ай*»), котораго фигура сходствуетъ съ буквою С, опрокинутою вверхъ концами. Три продольныя черты, покрытыя четвертою поперечною, на манеръ буквы Ш, составляютъ собою фигуру,

напоминающую простой гребень, которымъ степные жители расчесываютъ стриженую овечью шерсть: «гребень» называется по-татарски «таракъ», а потому и тамга эта называется «таракъ-тамга». Сверхъ-того, какъ эта тамга присвоена была только «Бѣлой-Кости», то-есть благорожденнымъ Ногаямъ, то ее называли и «хан-тамга» (ханская тамга).

Очень естественно можетъ родиться вопросъ: съ чего взяты эти тамги и что именно улусники хотѣли ими выразить?

Если позволить себѣ произвольное толкованіе, то можно навести себя на такую мысль: не хотѣли-ли кочевники выразить ими, что, на-примѣръ, «чигирь» принадлежалъ роду, который преимущественно предъ другими принужденъ былъ заняться хлѣбопашествомъ; употребляя для ирригаціи полей понынѣ существующія чигирѝ, или водоподъемныя мельницы; «рѣшотка» была гербомъ улусниковъ, разводившихъ преимущественно мелкій рогатый скотъ, и потому занимавшихъ хорошія луговыя мѣста; «плеть» и «копыто» принадлежали можетъ-быть тѣмъ улусамъ, которыхъ богатство заключалось въ конныхъ, а не конскихъ табунахъ; «ковшъ», или черпакъ для кумыза и молока, выражалъ вѣроятно, что улусъ богатъ больше всего рогатымъ скотомъ; «полумѣсяцъ» могъ принадлежать тому улусу, на кочевьяхъ котораго выстроена была мечеть, или родоначальникъ котораго принад-

лежалъ къ сословіямъ Кайи, Хаджи или тому подобнымъ; «гребень» указывалъ можетъ-быть на то, что богатое прислужниками семейство представителя Бѣлой-Кости, Мурзы, богато издѣліями и занимается торгомъ и мѣною кошемъ, армячинъ, ковровъ, арканов и разной-разности на товары, провозимые заѣзжими купцами. Иначе объяснить значеніе тамогъ трудно; а быть не можетъ, чтобы тотъ или другой родъ принялъ добровольно себѣ въ гербъ такую или другую тамгу совершенно безсознательно, случайно и безъ всякаго разумнаго повода.

Въ то время, когда у Юртовцевъ существовало еще во всей силѣ раздѣленіе народа на Улусы, существовало и раздѣленіе его на людей «улусныхъ» и людей «эмешныхъ» (отъ слова «*эмѐкъ*» или «*джемѐкъ*»). Улусными людьми назывались Татары, составлявшіе собою Табунъ; а эмешными тѣ, которые находились при Табунныхъ-Головахъ въ качествѣ личной ихъ прислуги, для нуждъ самого Аги и управляемаго имъ Табуна. Стало-быть, эмешные люди были именно то, что у Киргизовъ Дальней Степи Зауральской называется «*тюленгю̀*», а у Калмыковъ — «*кетѐчинѐръ*».

Земли Юртовскихъ-Татаръ расположены разными участками по самой рѣкѣ Волгѣ и по ея протокамъ. Всей земли, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, числится у нихъ съ небольшимъ 80,000 дес., изъ которыхъ одна треть (27,400 дес.) признана способною и удобною для разработки или для сѣнокосовъ; а двѣ трети

(52,600 дес.) считаются совершенно неудобными. Хотя участки многихъ татарскихъ дачь и примыкаютъ къ Волгѣ, однакожь Юртовцы никакихъ рыболовныхъ водъ въ собственномъ пользованіи не имѣютъ, а если принимаютъ участіе въ рыболовныхъ занятіяхъ, въ рѣкѣ или въ морѣ, то не иначе, какъ на правахъ чернорабочихъ.

Коснувшись занятій и промышленности Юртовскихъ-Татаръ, мы должны вообще замѣтить, что жители селеній Бобровскаго и Есаульскаго, точно также, какъ и кочующіе по Линейному-Тракту Юртовцы, занимаются исключительно однимъ скотоводствомъ. Обитатели ближайшихъ къ Астрахани девяти селеній, предпочтительно предъ другими промыслами, занимаются произращеніемъ огородныхъ овощей и зелени, сбываемыхъ на городскихъ рынкахъ: эти занятія представляютъ, въ Низовой-Сторонѣ, исключительный примѣръ употребленія въ дѣло навоза. Татары изъ Солянки, Биш-Тюбя и Келечи, занимаются бахчевничествомъ, то-есть сѣяніемъ арбузовъ, дынь и тыквъ; также разводятъ виноградъ и продаютъ его ягодами, но вина изъ него не приготовляютъ; сверхъ-того, часть Келечинскихъ крестьянъ живетъ отъ скотоводства. Большая же часть мѣстныхъ обитателей ходитъ въ заработки на-сторону, рѣдко въ рыболовныя ватаги и на промыслѣ, а чаще въ «музуры» (бурлаки) на мореходныя суда.

Изъ того, что Юртовскіе-Татары въ маломъ числѣ отправляются на работы въ ры

отдыха, когда, въ знойные дни, въ комнатахъ, за духотой и утомительной жарой низенькихъ покоевъ, нельзя высидѣть. Эта вторая половина крыльца замѣняетъ Татарамъ наши балконы, и защищается отъ солнечныхъ лучей камышевыми ковриками, гардинами, или шторами (*Шій*) и ситцевыми занавѣсками (*ерв*). Иногда тутъже, а иногда съ внѣшней стороны, у крылечка, стоитъ большой мѣдный ярко-вычищенный тазъ и чугунный высокій кувшинъ (*кумганъ*), для умовенія при намазахъ. Съ крыльца, двери ведутъ въ сѣни, по стѣнамъ которыхъ развѣшаны: сѣдла, нагайки, узды, ружья, сѣти, хомуты и разныя домашнія принадлежности. Изъ сѣней на лѣво, двери въ комнату.

Въ стѣнахъ, прямо противъ дверей и въ лицевой къ сторонѣ крылечка, пробивается иногда по два небольшія окна съ чистыми стеклами, съ опрятными занавѣсками и съ нѣсколькими горшками цвѣтовъ на подоконникахъ. Комната, съ этихъ двухъ сторонъ, обставляется широкими нарами, покрытыми персидскими и туркменскими коврами. У глухой стѣны выводится большая выбѣленная печь, съ вмазаннымъ въ нее котломъ. Въ одномъ изъ переднихъ угловъ помѣщаются часы, въ другомъ — шкафикъ съ посудою. Такъ-какъ фарфоръ и фаянсъ составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ татарскаго щегольства, то полки съ посудою тянутся иногда, въ нѣсколько рядовъ, во всю длину главной стѣны

ются подрядчиками, чрезъ посредство судохозяевъ Татаръ, на западный берегъ Каспія, на лѣвый флангъ Кавказской-Линіи, цѣны нынѣ очень упали; тогда-какъ цѣны на жизненныя потребности вздорожали. Прежде, съ мѣшка (то-есть—съ куля) хлѣба, платили по рублю мѣди—за доставку изъ Астрахани въ Серебряковку, и два съ полтиной—за доставку въ Тарки; нынче въ Серебряковку берутъ копѣекъ 40, 45, и уже никакъ не дороже полтины асс., а въ Тарки не болѣе рубля съ четвертью тоже на асс. Тутъ уже и крючники должны быть судовщиковы; то-есть: судовщикъ самъ долженъ выставить подрядчику собственную прислугу для переноски кулей съ провіантомъ съ судна на берегъ. Разумѣется, мы здѣсь говоримъ про тѣ дѣйствительныя цѣны, которыя платятся судовщикамъ подрядчиками.

Въ Гурьевъ-Городокъ суда нанимаются Уральцами, тоже для перевозки на Уралъ хлѣба, котораго тамъ, по безплодію почвы, не растетъ. Здѣсь условія дѣлаются не съ пуда груза, или не съ куля муки, а—общей уплатой за цѣлое судно, смотря по его вмѣстимости. Въ настоящее время, перевозка эта, круглымъ числомъ, обходится копѣекъ 75 съ куля, тогда-какъ лѣтъ за десять надо было платить полтора рубля асс.

На маломъ дощаникѣ-расшивѣ, поднимающемъ отъ 300 до 500 четв., работниковъ на суднѣ бываетъ человѣка два или три; на расшивѣ средняго размѣра, поднимающей около 700

или 800 четв., экипажъ состоитъ изъ трехъ-четырехъ человѣкъ музуровъ; а на расшивѣ, поднимающей отъ 1,000 до 2,000 четв., бываетъ отъ шесть, восемь и до четырнадцати человѣкъ народа. Юртовскіе-Татары, нанимаясь на перреходныя суда, берутъ плату сообразную съ продолжительностью рейса, съ большею или меньшею утомительностью трудовъ, съ большею или меньшею крайностью въ наличныхъ деньгахъ для содержанія своихъ семействъ: minimum этой платы—10 р., maximum—30 р. сер. Лоцманá бываютъ или годовые, или нанимаются на одну извѣстную путину. Годовые лоцманы изъ Юртовцевъ берутъ въ годъ — отъ 70 до 100 р. сер.; а на путину: въ Серебряковку — 18 р., въ Гурьевъ-Городокъ — 20 р. сер. Носовóй, то-есть помощникъ лоцмана, получаетъ въ годъ отъ 50 до 80 р. сер.; за путину прикидываютъ ему отъ 3 до 5 р. сер. выше обыкновенной платы музурамъ.

Немногіе изъ Юртовскихъ-Татаръ занимаются мелкимъ торгомъ въ кочевьяхъ у Кундровскихъ-Татаръ, также у мѣстныхъ Туркменовъ и Калмыковъ, въ качествѣ хозяевъ и ихъ прикащиковъ. Отъ частаго сближенія съ Калмыками, многіе Юртовцы бѣгло говорятъ по-калмыцки.

Въ прежнія времена, даже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, Юртовскіе Татары занимались изготовленіемъ сафьянныхъ кожъ, или того, что вообще называется «шагреномъ». Нынѣ производство его прекратилось и

перенявшіе его отъ насъ Бухарцы и Персіяне, которымъ мы сбывали прежде свои савры, теперь сами къ намъ ихъ привозятъ.

Юртовскіе - Татары живутъ въ рубленыхъ избахъ, съ крышами на четыре ската, съ маленькими въ нихъ окошечками. Татарскій дворъ представляетъ правильную четырех-угольную площадь. Вправо отъ въѣзда въ ворота, помѣщается стоящая особнякомъ жилая изба, съ двухъ сторонъ обнесенная небольшою оградою, или загономъ для мелкаго скота. По лѣвой сторонѣ большаго забора тянутся: особая изба для младшихъ членовъ семейства и домовой прислуги; за этой избой — особая мазанка для кухни, которая отдѣляется отъ жилаго строенія въ предупрежденіе отъ пожарныхъ случаевъ; за кухней, въ самомъ углу двора — кладовыя и амбары. Въ противуположномъ углу, по правой сторонѣ забора, идетъ рядъ службъ, хлѣва̀, конюшни, сараи для арбъ и прочая принадлежность хозяйства.

Внутрь избы Юртовскаго Татарина, надо пройти черезъ приступокъ, приставленный къ тесовому крылечку въ видѣ маленькой лѣсенки. Это крыльцо пристроивается къ избѣ, покрывается навѣсомъ, и отдѣляется отъ двора точеными балясинами. Одна половина крыльца приходится противъ двери, ведущей въ сѣни, а другая примыкаетъ къ окну, прорубленному изъ семейной спальни. Въ этой послѣдней части крыльца, ставятся «нары» для

отдыха, когда, въ знойные дни, въ комнатахъ, за духотой и утомительной жарой низеньких покоевъ, нельзя высидѣть. Эта вторая половина крыльца замѣняетъ Татарамъ наши балконы, и защищается отъ солнечныхъ лучей камышевыми коврикамв, гардинами, или шторами (*Шій*) и ситцевыми занавѣсками (*ерг*). Иногда тутъже, а иногда съ внѣшней стороны у крылечка, стоитъ большой мѣдный ярко-вычищенный тазъ и чугунный высокій кувшинъ (*кумганъ*), для умовенія при намазахъ. Съ крыльца, двери ведутъ въ сѣни, по стѣнамъ которыхъ развѣшаны: сѣдла, нагайки, узды, ружья, сѣти, хомуты и разныя домашнія принадлежности. Изъ сѣней на лѣво, двери въ комнату.

Въ стѣнахъ, прямо противъ дверей и въ лицевой къ сторонѣ крылечка, пробивается иногда по два небольшія окна съ чистыми стеклами, съ опрятными занавѣсками и съ нѣсколькими горшками цвѣтовъ на подоконникахъ. Комната, съ этихъ двухъ сторонъ, обставляется широкими нарами, покрытыми персидскими и туркменскими коврами. У глухой стѣны выводится большая выбѣленная печь, съ вмазаннымъ въ нее котломъ. Въ одномъ изъ переднихъ угловъ помѣщаются часы, въ другомъ — шкафикъ съ посудою. Такъ-какъ фарфоръ и фаянсъ составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ татарскаго щегольства, то полки съ посудою тянутся иногда, въ нѣсколько рядовъ, во всю длину главной стѣны

Посуду эту составляютъ: чайники, чашки чайныя и полу-полоскательныя, изъ которыхъ обыкновенно Татары чай пьютъ, стаканы и блюда всевозможныхъ видовъ; тарелки и миски не необходимы. Затѣмъ, въ приличныхъ мѣстахъ комнаты развѣшиваются маленькія зеркальца, сундуки съ пожитками, а на столѣ почти всегда раскрытъ коранъ.

Изъ сѣней направо, входъ въ спальню, всю сплошь заставленную нарами, позади которой чуланъ, гдѣ хранится всякая мелочь, въ домашествѣ постоянно необходимая. Впрочемъ, у людей недостаточныхъ, отдѣльной спальни не бываетъ: или все отдѣленіе занимается подъ кладовую, или его вовсе нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, расположеніе избы ограничивается сѣнями, комнатой и чуланчикомъ позади.

Нарядъ Юртовскихъ-Татаръ общій почти всѣмъ Мухаммеданамъ. Онъ состоитъ изъ шальваръ, рубахи, длиною ниже колѣнъ, съ отложными воротничками, и бешмета. Отличительная ихъ разница заключается въ бешметахъ и въ шапкѣ. У Юртовцевъ, бешметъ не сплошной и застегивается не отъ воротника вплоть до пояса, а, сообразно климату, грудь почти вся остается открытою и бешметъ стягивается только у тальи, притомъ не крючками или завязками, а маленькими круглыми черными пуговками, вдѣваемыми въ висячія шелковыя петли. Шапки-же у нихъ туркменскія, то-есть овчинныя высокія, къ верху нѣсколько расширяющіяся.

Полный женскій костюмъ составляютъ: шальвары (*штанъ*); онучи и портянки (*шульгау*); желтые сафьянные полусапожки (*агу, итыкъ*), иногда съ малиновыми бархатными голенищами и съ позументными оторочками; платье (*куйлюкъ* и *кульмякъ*), любимыхъ цвѣтовъ, то-есть желтаго разныхъ оттѣнковъ или краснаго, съ прорѣхой на переди (*изю*), обшиваемой разноцвѣтными полосками: рукава около кисти очень широки; талья стягивается только у дѣвушекъ. Поверхъ платья надѣвается кафтанчикъ (*архалыкъ*), который, смотря по достатку, бываетъ или ситцевый, или бархатный, или парчевой, съ серебряными на груди застежками: *бешметъ* тоже почти, что и архалыкъ, только настегивается на ватѣ и бываетъ съ длинными по самую кисть руки рукавами, тогда-какъ у архалыка рукава короткіе; *сайя* есть длинный, ниже колѣнъ, архалыкъ. Въ холодное время года, носятъ шубы съ цвѣтными покрышками изъ разныхъ матерій. Голова у дѣвушекъ повязывается двумя платочками: концы одного изъ нихъ распускаются назадъ, а концы другаго, повязаннаго сверхъ перваго, расправляются изъ-подъ бантика, приходящагося спереди, повыше лба; коса выпускается назадъ поверхъ платья, обвѣшенная разными побрякушками; виски распускаются спереди тонкими пасьмами. Женщины, напротивъ, прячутъ волосы отъ постороннихъ взоровъ подъ особую легкую повязку, называемую «*тумаръ*» или «*хасине*». Сверхъ ха-

сине; голова у нихъ накрывается небольшимъ шелковымъ покрываломъ, называемымъ «*бастарткъшъ*», которое, не закрывая переда у хасине, спускается назадъ на спину. На бастарткъшъ надѣвается «*тастаръ*» — большое бѣлое кисейное покрывало, которымъ обвертываютъ и голову, и шею, и грудь, и которое, закрывая женщину отъ подбородка до тальи, разстилается назади почти до самаго подола. Затѣмъ слѣдуютъ шапка — «*бyркъ*». Шапка эта бываетъ или простая, или парадная; вседневная шапка, низенькая, сдѣланная выпукло въ родѣ полушарія, съ виду походитъ на черкесскую папаху, но мѣхъ ея соболій, или другой какой-нибудь, а верхушка бархатная; праздничная шапка, ныне очень у немногихъ уцѣлѣвшая, бываетъ высокая, четверти въ полторы; она дѣлается изъ кожи съ выпуклымъ круглымъ верхомъ, обкладывается фольгой и чрезвычайно роскошно и съ большимъ вкусомъ вышивается подъ узоръ золотыми и серебряными блестками, жемчугомъ, бирюзой, мелкими серебряными монетами въ зигзагъ, а въ пустыя пространства вдѣлываются драгоцѣнные камни, или золотые полуимперіалы. Условія мѣстныхъ приличій требуютъ, чтобы женщины являлись въ собраніе не иначе, какъ съ носовымъ платкомъ въ рукахъ: для храненія ихъ, онѣ надѣваютъ черезъ плечо бархатныя сумочки, застегиваемыя блестящими металлическими пуговками. Прочія украшенія, употребляемыя женщинами,

состоятъ изъ запястій и браслетовъ (*блязыкъ*), перстней и колецъ (*чузюкъ*), серегъ (*сырга*), вдѣваемыхъ въ оба уха, и, наконецъ такъ-называемой «*алка*», то-есть перстенька, или круглой сережки, или довольно большаго кольца, украшеннаго цвѣтнымъ камнемъ, которое молодыя женщины привѣшиваютъ себѣ къ правой ноздрѣ, что безъ сомнѣнія очень плохо краситъ ихъ физіономію. Ноздря для этого не прокалывается, но такъ-какъ алка не сплошное кольцо, то имъ прихватываютъ ноздрю, которая, отъ большей или меньшей тяжести, больше или меньше оттягивается. Румяна, бѣлила и сурьма, у Татарокъ, какъ вездѣ, предметъ тоже необходимый. Въ Низовой-Сторонѣ нѣтъ богатыхъ, то-есть съ большими капиталами татарскихъ семействъ; а потому врядъ-ли здѣсь удастся встрѣтить Татарку во французскихъ лайковыхъ перчаткахъ, съ батистовымъ платкомъ, благоухающимъ модными духами, и съ роскошнымъ парасолемъ, какихъ намъ неоднократно случалось видать въ другихъ областяхъ нашего Отечества.

Лица Юртовскихъ-Татаръ чрезвычайно чисты и правильны. Въ особенности женщины попадаются у нихъ очень хорошенькія; но сильное употребленіе разныхъ притираній, жеваніе извѣстной смолки (*сакызъ*), знойный климатъ и домашнія заботы старятъ ихъ очень скоро.

Юртовцы славятся примѣрнымъ трудолюбіемъ, безукоризненною честностью и твердымъ и прямымъ характеромъ. Наружность

ихъ спокойная и величавая, осанка горделивая. Они хорошо владѣютъ русскимъ языкомъ, и сами ввели у себя, вмѣсто обыкновенныхъ, вездѣ въ татарскихъ деревняхъ существующихъ «медресе́» при мечетяхъ, обыкновенныя сельскія школы, гдѣ дѣти должны обучаться и русской грамотѣ. Не смотря, однакожь, на эти прекрасныя качества, они, какъ и всѣ дѣти Адама, могутъ похвастаться порядочнымъ запасомъ мнительности и излишней довѣрчивости къ разнымъ сказкамъ.

Вообще любятъ они очень музыку и игры. Напѣвы ихъ чрезвычайно пріятны и гармоничны; пѣсень у нихъ, и богатырскихъ и эротическихъ, множество. Нынѣшнія музыкальныя орудія: у мужчинъ—скрипки и балалайки, у женщинъ — варганы и гармоники. Пляской занимаются только однѣ молоденькія дѣвушки, и то не при постороннихъ мужчинахъ. Игры мужчинъ состоятъ изъ борьбы на кушакъ и изъ поединковъ, или ратоборства одинъ-на-одинъ, что называется — «*бырге́быр*».

V.

КУНДРОВСКІЕ-ТАТАРЫ.

Кундровскіе-Татары составляютъ отдѣльное племя кочевыхъ инородцевъ Низовой-Стороны и особое общество государственныхъ крестьянъ, управляемое на общихъ со всѣми крестьянскими обществами основаніяхъ.

Кундровскіе-Татары зиму проводятъ, по примѣру осѣдлыхъ жителей, въ двухъ обширныхъ селеніяхъ Красноярскаго уѣзда, Сейтовкѣ и Хожетаевкѣ, на рѣкѣ Ахтубѣ и на протокѣ или рукавѣ ея, рѣчкѣ Берекѣтъ, выходящей изъ Ахтубы и въ Ахтубу же впадающей.

Лѣтомъ выходятъ они на кочевку и занимаютъ неплодородныя степи лѣваго берега Волги, имѣя сосѣдями съ одной стороны — Калмыковъ, съ другой — Киргизовъ Внутренней-Орды; съ рѣчной стороны сосѣди у нихъ — Казаки и Русскіе новосельцы, а со стороны Каспійскаго-Моря примыкаютъ къ селеніямъ государственныхъ крестьянъ и къ землямъ береговыхъ владѣльцевъ Князя Юсупова и Безбородко.

Площадь дачи, отведенной Кундровскимъ-Татарамъ, содержитъ въ себѣ: 400,000 десятинъ годной и 120,000 негодной земли.

Кундровскіе-Татары сами-себя называютъ Карагашъ. Проименованіе это объясняютъ они тѣмъ, что между двумя предводителями одной отрасли Ногаевъ, Мирзами Касаями, зятемъ и тестемъ, произошли разныя несогласія и молодой Касай откочевалъ отъ своего племени, съ подвѣдомственными ему поколѣніями, съ рѣки Кубани и изъ окрестностей Бишъ-Тау (Пяти-Горья) въ сосѣдніе къ Россіи лѣса, изобилующіе извѣстнаго рода породою деревъ *кара-агачъ* (черный-лѣсъ): имя это они и усвоили себѣ отъ долговременнаго здѣсь пребыванія.

Вѣроятность такого отдѣленія можетъ имѣть подтвержденіе въ томъ, что подъ Бишъ-Тау, у тамошнихъ Беймурзинскихъ Ногайцевъ, понынѣ есть семьи родственныя Кундровцамъ.

Такимъ образомъ, изъ этого разсказа открывается то различіе между Татарами-Юр-

товскими и Кундровскими, что первые постоянно жили на лѣвой сторонѣ Волги и принадлежали къ такъ-называемому въ старинныхъ грамотахъ Заволжскому или Большому-Ногаю, а послѣдніе кочевали на Крымской Сторонѣ и были отраслью такъ-называвшагося Малаго-Ногая.

Во второй четверти прошлаго столѣтія, въ низовыхъ нашихъ степяхъ было большое броженіе кочевыхъ племенъ и, независимо отъ обыкновенныхъ перекочевокъ, готовилось настоящее переселеніе народовъ: въ-слѣдствіе особыхъ причинъ, разъясненіе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко, одни племена изъ-за Кумы и изъ-за Кубани стремились на Волгу, другія изъ-за Волги и даже изъ-за Урала — на Куму и на Кубань.

Въ это время предводители кочевыхъ племенъ удерживали еще за собой право воевать противъ Государевыхъ недруговъ, а подъ этимъ предлогомъ—съ оружіемъ въ рукахъ враждовать съ тѣми изъ богатыхъ сосѣдей, отъ которыхъ надѣялись они хорошей поживы. На этомъ основаніи, по своему могущественный Калмыцкій Тайша Дундукъ-Омбо, сдѣлавъ набѣгъ на Кундровскихъ-Татаръ, обложилъ ихъ данью, то-есть ограбилъ ихъ и подчинилъ своему владычеству, присоединивъ къ своимъ улусамъ.

Вмѣстѣ съ Калмыками Дундука-Омбо, Кундровцы кочевали по рѣкѣ Кумѣ, [illegible]

ку-Омбо преемствовалъ Дундукъ-Даши, за которымъ послѣдовалъ Убуши.

На рѣкѣ Кумѣ и въ Мочагахъ, Кундровцы проводили только зиму; лѣтняя же ихъ кочевка была тамъ же, гдѣ кочевали и Калмыки, именно по Ахтубѣ и въ Нарынъ-Пескахъ, нынѣ занятыхъ кочевьями Киргизовъ Внутренней-Орды.

Убуши, какъ извѣстно, при Императрицѣ Екатеринѣ II, съ подвѣдомственными ему улусами, съ Волги откочевалъ черезъ Киргизскую-Степь, къ Китаю; но Кундровцы за нимъ не послѣдовали, вѣроятно потому, что были еще на Кумѣ въ то время, когда приняты уже были дѣятельныя мѣры предосторожности противъ послѣдствій неблагопріятнаго примѣра.

Когда непосредственное вліяніе Русскаго Начальства упрочилось надъ Кундровскими-Татарами, тогда обложены они были повинностію почтовой гоньбы на пространствѣ четырехъ переговъ между Астраханью и Кизляромъ, отъ чего и назывались они въ актахъ «подводными-Татарами».

Около 1785 года, Кундровцевъ поставили въ зависимость отъ уѣзднаго начальства города Краснаго-Яра, обязали платить земскую повинность, отвели имъ землю за Волгой для кочевокъ какъ зимой, такъ и лѣтомъ и, въ видахъ устройства зимовокъ и пріюта на зиму для людей и для скота, надоумили положить начало двумъ нынѣшнимъ селеніямъ, Сейтовкѣ и Хожетаевкѣ.

Съ 1815 года Кундровцы каждые два года, а иногда и черезъ два года въ третій, выставляютъ рекрутовъ, въ послѣднее время по пяти или и по семи человѣкъ съ тысячи. Вмѣсто поставки рекрутъ натурою, Кундровцы собираютъ съ міра по тысячѣ рублей ассигнаціями; въ-слѣдствіе сего, сумма рекрутскаго сбора нерѣдко, въ годы рекрутчины, доходитъ до 35,000 р. асс.

Чтобы уяснить племенное различіе Кундровскихъ-Татаръ отъ другихъ отраслей Ногайцевъ, нельзя избѣжать того, чтобъ не обратиться къ устнымъ преданіямъ самихъ Карагашей.

Они разсказываютъ, что родоначальникомъ своимъ они считаютъ одного изъ Мурзъ Малаго-Ногая, по имени Измаила, у котораго былъ сынъ Едигей, а сыновья этого Едигея, Касай и Каспулатъ, сдѣлались родоначальниками нѣсколькихъ нынѣшнихъ родовъ или поколѣній Кундровцевъ.

А. Отъ Каспулата произошли слѣдующіе три рода:

I. Асъ. — Асскіе-Кундровцы живутъ въ селеніи Хожетаевкѣ или Кочетаевкѣ, или какъ сами Татары выговариваютъ — Ходжетай. Круглымъ счетомъ полагается ихъ до 600 душъ мужескаго пола. Тамга этого рода — прямая черта, направленная отъ лѣвой стороны къ правой: Кундровцы называютъ ее кусюй, «палецъ».

Родъ Асъ подраздѣляется на два отдѣленія: 1. Шотукъ, 2. Култасъ,

II. Найманъ. Этотъ родъ живетъ въ селеніи Сеитовкѣ; общее ихъ число полагаютъ до 500 душъ мужескаго пола.

Найманскій родъ раздѣлялся на три отрасли, или отдѣленія:

1. Джагалбайлы; его тамга состоитъ изъ двухъ чертъ (съ одного конца тупыхъ, съ другаго заостренныхъ), положенныхъ одна на другую въ видѣ буквы Т, что довольно близко походитъ на молотокъ, какъ она и дѣйствительно называется: *шугушъ-тамга*, а *шугушъ*, или по другому выговору *чокушъ*, означаетъ «молотокъ».

2. Баганайлё; тамга этого отдѣленія есть черта сверху нѣсколько раздвоенная (Y): она представляетъ собою родъ подпорки или сучковатой жерди, а потому и называется *багана*, «столбъ».

3. Шобалачи; тамга его — «палецъ», *илипъ*; для различія этой тамги съ тамгой Асскаго рода, она кладется не слѣва на право, а отъ правой стороны къ лѣвой.

III. Тюбетпесъ, иначе называемый Джангынайманъ или Янгинайманъ, то есть «Новые-Найманы». Этотъ родъ живетъ въ Хожетаевкѣ; численность его полагается душъ въ 600 мужескаго пола. Этотъ родъ употребляетъ извѣстную уже намъ ханскую тамгу, *таракъ*, «гребень».

Б. Отъ **Касая** произошелъ только одинъ родъ **Мангы́тъ**, подраздѣлившійся на шесть отраслей:

1. **Мангы́тъ**. Кундровцы этого отдѣленія живутъ и въ Сейтовкѣ и въ Хожетаевкѣ; въ каждомъ изъ нихъ численность Мангытовъ доходитъ до тысячи душъ мужескаго пола. Тамга ихъ — «ковшъ», *шемышъ*.

2. **Кугюссъ**; они живутъ въ Хожетаевкѣ; ихъ считается около 400 душъ мужескаго пола; тамга ихъ — или «ковшъ», или «полумѣсяцъ», *ай*.

3. **Эргенеклй**; они живутъ тоже въ Хожетаевкѣ, въ числѣ непревышающемъ 400 душъ мужескаго пола. Одна половина Кундровцевъ изъ отдѣленія Эргенекли имѣетъ тамгой ковшъ, другая — извѣстную намъ «рѣшотку для ограды», *эргенекъ*.

4. **Алтоякъ**: мѣсто жительства, численность и тамга тѣ же, что и у Эргенекли.

5. **Байгунда̀**: Татары этого отдѣленія живутъ въ Сейтовкѣ; населеніе ихъ полагаютъ душъ въ тысячу; тамга ихъ — «ковшъ». Отдѣленіе Байгунда развѣтвляется на пять подотдѣленій: **Байгунда̀**, **Ютугу̀лъ**, **Джальмамбетъ**, **Аджимбетъ** и **Аннай**.

6. **Темирходжа́**; они живутъ въ Сейтовкѣ; общее число ихъ около 400 душъ мужескаго пола. У Темирходжи три подотдѣленія:

а) **Темирходжа̀**; его тамга — «сабля», *клышъ*, кривая черта, съ одного конца нѣсколько перечеркнутая, для обозначенія клинка и эфеса.

б) Кире́нтъ и в) Тойёрмалы: тамга у нихъ—«ковшъ съ кривой ручкой», называемый *тойёрмалё.*

В. У Кундровскихъ-Татаръ есть еще два рода, или двѣ отрасли, неизвѣстныя по происхожденію: это —

1. Сальджугу́тъ, въ числѣ около ста душъ мужескаго пола, обитающіе въ Сейтовкѣ; тамга ихъ четырехъ-угольникъ, составленный изъ прямыхъ чертъ (II), что̀ означаетъ «домъ», *юй*, отъ чего и тамга эта называется *юй-тамга.*

и 2. Токъ: они, всего душъ полтораста мужескаго пола, живутъ тоже въ Сейтовкѣ; въ тамгѣ у нихъ родъ треугольника, обозначающій тотъ клочекъ бумаги съ писаннымъ текстомъ изъ Корана, который благочестивые мухаммедане носятъ на шеѣ. Тамга эта (Δ) называется *дуа̀-тамга.*

Впрочемъ, въ послѣднее время отрасли Сальджугутъ и Токъ тамги эти замѣнили «ковшемъ съ кривою ручкой».

При исчисленіи этихъ отраслей, нельзя не обратить вниманія на собственныя ихъ названія. Такъ, на-примѣръ, Байгунда, составленное изъ словъ *бай* и *кунды*, слово-въ-слово означаетъ «ставку богача»; Баганалё, Эргенеклй, Тойёрмалы получили свое прозваніе отъ тамги, взятой ими себѣ для родоваго клейма.

То обстоятельство, что сами Татары не съумѣли объяснить происхожденія и родственности съ прочими колѣнами отраслей Токъ и Сальджугутъ, должно наводить на мысль, что

всѣ нынѣ отдѣленныя одна отъ другой Татарскія отрасли происхожденіемъ своимъ обязаны прежнему смѣшенію разнородныхъ колѣнъ Ногаевъ и другихъ кочевниковъ. Какъ нынѣ между Татарами разныхъ уголковъ Россіи мы видимъ во многихъ случаяхъ совершенное слитіе воедино Ногайцевъ, Киргизовъ, Туркменъ и Казанскихъ-Татаръ и даже Калмыковъ, даже наконецъ коренныхъ Русскихъ, такъ и въ прежнее время подобныя слитія не представляли исключительнаго случая.

Изъ актовъ историческихъ мы узнаемъ, что между Астраханскими-Татарами существовало въ старинныя времена до тридцати отдѣльныхъ поколѣній или родовъ. Пробѣгая только одни ихъ названія, нельзя не замѣтить страннаго смѣшенія тѣхъ осколковъ разныхъ племенъ, которыя окружали Астрахань въ половинѣ XVII столѣтія. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ роды:

Трюкменъ — названіе котораго явно указываетъ на Туркменовъ;

Кунратъ — на Киргизовъ Средней-Орды (Кунградъ).

Кыти — на Киргизовъ Малой-Орды (Кити).

Найманъ — на Киргизовъ и на Кундровскихъ-Татаръ.

Асъ — на Кундровскихъ-Татаръ.

Капчакъ — на Киргизовъ Средней-Орды рода Кыпчакъ.

Келечинскій — на Юртовскихъ-Татаръ, и т. д.

Точно такъ и теперь, во многихъ мѣстахъ, старинные Чуды или Чудья обратились въ Русскихъ; Русскіе и Казанскіе-Татары въ Киргизовъ; Киргизы и Калмыки—въ Башкирцевъ; Татары — въ Калмыковъ; отродья Финновъ—въ Татаръ.

Кромѣ тамогъ, Кундровскіе-Татары имѣютъ у себя еще особыя условныя восклицанія, такъ-называемые «ураны» или воинскіе клики, на которые отзываются и собираются всѣ однородцы, согласившіеся въ томъ или другомъ постоянномъ и никогда не измѣняемомъ паролѣ, или окликѣ. Ураны эти у каждаго рода въ племени разные: Кундровцы Асскаго-рода кричатъ: *коксарай!*, а у Мангытовъ воинскій кликъ: *алашъ!*

По свѣдѣніямъ девятой народной переписи, Кундровскихъ-Татаръ считается:

въ Сеитовкѣ .	2,803	души	мужеск.	пола.
	2,124	—	женск.	—
— Хожетаевкѣ	3,178	—	мужеск.	—
	2,752	—	женск.	—

Всего 11,157 душъ, изъ которыхъ 6,281 душа мужескаго, а 4,876 душъ женскаго пола.

Темнымъ воспоминаніемъ о когда-то бывшихъ родовыхъ властяхъ, у Кундровскихъ-Татаръ остались теперь одни только акъ-сакалы (бѣлая-борода) или аульные старцы, «старшины».

Аксакалы бываютъ не только въ каждой деревнѣ, но и въ каждомъ родѣ и въ его отдѣленіяхъ, въ иномъ по одному, въ иномъ и

по два, смотря по бо̀льшей или меньшей численности родовичей, составляющихъ отдѣленіе. Чтобы достигнуть званія аксакала и подчинить своему вліянію родовичей, нужно имѣть порядочный запасъ денегъ, значительные табуны скота, и нѣсколько личныхъ достоинствъ, значительно выдвигающихъ Татарина изъ ряда обыкновенныхъ людей.

Изъ толкованій самими Карагашами выраженія «Кундровскій-Татаринъ» выходитъ, что если его перифразировать и примѣнить къ существующимъ въ нашемъ быту понятіямъ, то мы получимъ другое равносильное ему выраженіе — «Ногаецъ-припущеникъ».

Кундровцы, до начала нынѣшняго столѣтія, жили неразлучно съ Калмыками; цѣлое полустолѣтіе теперь живутъ они рядомъ съ Киргизами Внутренней-Орды; прежде женились они на Калмычкахъ, теперь — на Киргизкахъ, которыя сами произошли отъ частой помѣси Киргизовъ съ Калмычками-же: стало-быть, очень понятно, что общая характеристическая черта поличья у Карагашей — калмыковатость, то-есть выдавшіяся скулы, широкій нѣсколько приплюснутый носъ, узкіе, косые глаза и прочія атрибуты чисто-Калмыцкаго типа. Ноги у нихъ, въ-слѣдствіе особой, заимствованной отъ Калмыковъ, манеры пеленать дѣтей въ зыбкахъ, кривыя и по самой натурѣ своей неспособныя къ общепринятой кавалерійской выправкѣ.

Но и прежнее сосѣдство съ горскими племенами не могло не наложить на нѣкоторыя семейства Кундровцевъ особенной печати: между ними насчитываютъ до десяти семей, гдѣ каждый Татаринъ напоминаетъ собой чистаго Кабардинца, съ чистымъ, открытымъ, продолговатымъ лицомъ, прямымъ носомъ, черными глазами, статнымъ ростомъ, широкими плечами, выдавшеюся грудью, прекрасной таліей и манерами, съ перваго же раза обличающими ловкость и проворство.

У Юртовскихъ-Татаръ кровнаго родства между семьями, составляющими тотъ или другой улусъ, тотъ или другой родъ, теперь уже не существуетъ; у Кундровскихъ-Татаръ, напротивъ, родство это еще очень близко, если не въ цѣломъ родѣ, то по-крайней-мѣрѣ въ его отдѣленіяхъ и малыхъ отрасляхъ. Поэтому, у нихъ члены одного отдѣленія или подотдѣленія рода не ходятъ въ мечеть другаго отдѣленія или подотдѣленія того-же рода; равномѣрно женихи не берутъ невѣстъ изъ своего отдѣленія, а брачное сочетаніе, для избѣжанія кровнаго родства, совершается только между лицами разныхъ отдѣленій или подотдѣленій одного или и разныхъ родовъ. На-примѣръ, Боганайлё не пойдетъ въ мечеть къ Джагалбайлы, точно такъ какъ Шотукъ не пойдетъ въ мечеть къ Джальмамбетамъ; но Тоёрмалы женятся на Ютугулъ и дѣвица отрасли Шоболачи пойдетъ за-мужъ за молодаго человѣка отдѣленія Боганайлё.

Селевія Кундровцевъ, Сейтовка и Хожетаевка — двѣ обширныя деревни; въ нихъ круглымъ числомъ полагается до восьми сотъ дворовъ, выстроенныхъ на Русскій ладъ и Русскими плотниками.

Каждый дворъ представляетъ обширное четырехъ-угольное пространство, окруженное камышовымъ заборомъ. Съ одного угла приставлена изба, окнами во дворъ, глухою стѣной на улицу. Рамы въ окнахъ одинакія; въ нихъ вставляется по шести и по восьми стеколъ.

Четырехъ-угольная изба раздѣляется продольными сѣнями на два отдѣленія, изъ которыхъ каждое досчатыми перегородками снова раздѣляется на два отдѣльные покойчика. Въ каждомъ отдѣленіи первая со входа комната имѣетъ только шага два-три пустаго пространства; вся остальная пустота занята широкими нарами, покрытыми у бѣдныхъ — кошмами, а у болѣе достаточныхъ — коврами лучшаго или худшаго качества, смотря по достатку хозяина.

Первая принадлежность второй комнаты — массивная бѣлая печь съ трубой; печь эта въ родѣ плиты, но не похожа ни на русскую, ни на голландскую, хотя и близко подходитъ къ сей послѣдней; съ одного конца у нея съ-боку заслонка для топки; надъ мѣстомъ, гдѣ разводится огонь, вмазываютъ сверху печи котелокъ. Такія печи въ Низовой-Сторонѣ приняты бо́льшею частію осѣдлаго простонаро-

дія; онѣ заведены и у Приволжскихъ Нѣмецкихъ колонистовъ. Печь эта заднею стороной выходитъ и въ сосѣднюю комнату. Часть печи со вмазаннымъ котломъ, въ которомъ хозяева готовятъ и кирпичный чай и разное вариво, всегда приходится во второй комнатѣ. Печи топятся камышемъ или скотскимъ пометомъ: иное топливо дорого и Татарамъ не подъ силу.

Полы вездѣ тонкіе, изъ досокъ, положенныхъ въ одинъ рядъ, и всегда очень грязны, потому что ихъ почти никогда не моютъ.

По стѣнамъ комнаты развѣшано носильное платье, а на полкахъ разставлена посуда изъ бѣлой глины; въ углахъ помѣщены сундуки съ разнымъ домашнимъ скарбомъ, а иногда и пустые; они покрываются, тоже смотря по достатку, кошмами или ковриками.

Рядомъ съ избой ставятся ворота; остальныя части двора обнесены разными пристройками.

Какъ только снѣгъ со степи сойдетъ, Татары посемейно выходятъ на кочевку. Это случается около половины марта и сопровождается слѣдующими обстоятельствами:

Къ воротамъ двора выкатываютъ арбы и впрягаютъ въ нихъ по парѣ воловъ или по верблюду. На арбы накладываютъ: на переднюю — кибитку и котлы, на вторую — другую кибитку, если она случится у семьянистаго Татарина; на третью, четвертую и пятую, и такъ далѣе, иногда штукъ до десяти — разный

домашній скарбъ, утварь, сундуки и прочія принадлежности домовитаго хозяйства.

По данному отъ главы семьи знаку, поѣздъ двигается въ путь. Впереди гонятъ весь скотъ — сначала лошадей, потомъ рогатую скотину, за ними — козъ и овецъ. Каждое отдѣленіе замыкаютъ погонщики. За ними слѣдуютъ визгливыя арбы, въ которыя сажаютъ ребятишекъ; бабы и дѣвки садятся тоже всегда въ арбы, бабы-же и погоняютъ упряжку. Шествіе замыкаютъ мущины верхомъ на лошадяхъ, а у кого нѣтъ лошади, тотъ и пѣшкомъ идетъ; бѣдные люди впрягаютъ въ арбы, вмѣсто воловъ, послѣднюю коровенку.

Надо самому испытать всю прелесть лѣтнихъ перекочевокъ по степи и узнать цѣну благодѣтельнаго вліянія ихъ на здоровье человѣка, чтобы вполнѣ понять ту истину, что только крайняя бѣдность и нищета могутъ заставить номада отказаться отъ этого счастія и, изъ одной только нужды, искать хлѣба на чужой сторонѣ. Пока есть у него ветхая, еле-держащаяся кибитка, пока есть головъ десятокъ или полтора мелкаго скота, степной житель не станетъ добровольно лишать себя отрадной кочевки и насильно отвыкать отъ того, съ чѣмъ сроднили его и обычаи предковъ, и ограниченность житейскихъ потребностей, и условія климата, и характеръ общественныхъ занятій его племени, и насущная необходимость самому спастись отъ духоты жилыхъ покоевъ, раскаленныхъ знои-

нымъ солнцемъ, и откормить немногочисленные табуны и стада—единственный источникъ его благосостоянія.

Выходъ на кочевку хотя и составляетъ радостное событіе, однакожь у Карагашей онъ не сопровождается особеннымъ празднествомъ. Все ограничивается только тѣмъ, что семья зарѣжетъ лишняго барана, мущины побольше напьются айряна, ребятишки поплотнѣе набьютъ себѣ желудки, дѣвки и молодыя бабы покрасивѣе пріодѣнутся; но ни пѣсень, ни плясокъ тутъ не бываетъ и переселеніе производится тихо и спокойно.

Кундровцы кочуютъ по степи лѣвой стороны Ахтубы. Во время кочевокъ, они, большею-частію, стоятъ на одномъ мѣстѣ недѣли по двѣ, по три и по четыре, пока далеко кругомъ не истравятъ всей травы; поэтому, пока кибитки стоятъ неподвижно, Кундровцы скотъ свой пасутъ постоянно все далѣе и далѣе: эти-то отдаленныя отъ становища мѣста и именуются общимъ названіемъ «отгонныя поля». Когда на одномъ урочищѣ всѣ луга будутъ истравлены, кочевники «поднимаются», складываютъ кибитки и переносятся на новое мѣсто. Если, во время пути изъ селенія на кочевку, нужно переплыть черезъ воду, то арба въѣзжаетъ въ рѣку и запряженный въ нее быкъ спокойно совершаетъ переправу вплавь. Домашній скарбъ, по устройству самой арбы, подмокнуть въ водѣ не можетъ.

Внутренность кибитки Кундровскаго или другаго кочеваго Татарина представляется обыкновенно въ слѣдующемъ видѣ. Среди чернаго, травянаго и обугленнаго пола — таганъ; подъ нимъ небольшой огонь сожигаетъ пометъ или камышъ; надъ таганомъ дымится грязный и черный чугунный котелъ съ деревянною крышкой.

Прямо противъ дверей кибитки стоитъ кровать на низенькихъ ножкахъ; тюфякъ на ней набитъ овечьей, или коровьей, а иногда и верблюжьей шерстью, у бѣдныхъ же людей вмѣсто тюфяка — простая кошма, или воловья шкура. Покрышка для тюфяка дѣлается изъ выбойки или изъ бязи; простынь Татары не употребляютъ, но подушки закрываютъ наволочками: у людей небольшаго достатка онѣ бываютъ китайчатыя; у того, кто поисправнѣе — ситцевыя, а у богатыхъ людей — шелковыя, изъ цвѣтныхъ узорчатыхъ тканей. Вмѣсто одѣялъ, люди на ночь покрываются халатами и шубами, и всегда довольно тепло, потому что Кундровскіе-Татары, какъ мущины, такъ и женщины, ложатся спать, какъ сами увѣряютъ, раздѣвшись до чиста, нагіе.

Кибитка по сторонамъ убирается простыми сундуками, выкрашенными обыкновенно красною краской и обитыми жестью; въ приличныхъ мѣстахъ, по обѣ стороны кровати, разставлены бурдюки изъ кобыльей кожи и высокія узенькія кадки для кумыза. Для сохраненія въ кумызѣ настоящаго его букета,

хозяева изъ всѣхъ силъ бьются пріобрѣсти себѣ непремѣнно дубовыя кадочки. По стѣнамъ кибитки, на шестахъ и концахъ жердей кибиточной рѣшотки, развѣшиваются яркія платья и блестящіе уборы, сѣдла, кривыя сабли, у которыхъ ножны украшаются разными камнями, винтовки и другія вещи.

Не всѣ однакожь Кундровцы на зиму удаляются съ кочевьевъ въ селенія: насчитываютъ до сотни семей такихъ, которыя круглый годъ кочуютъ въ кибиткахъ подъ открытымъ небомъ. Зимой впрочемъ они не переходятъ съ урочища на урочище, а держатся болѣе къ взморью, постоянно на одномъ и томъже мѣстѣ, преимущественно въ таловыхъ «лѣсахъ», откупая нужные для себя лоскутки земли, отъ осени до весны, у помѣщика Безбородко и у государственныхъ крестьянъ.

Кортомную плату Кундровскіе-Татары производятъ со штуки зимующаго на чужихъ дачахъ скота; именно: за овцу и барана платятъ они по 2 к. сер., за верблюда по 5 к. сер.; а за лошадь и за крупный рогатый скотъ по 10 к. сер. съ головы. Владѣльцы дачъ предоставляютъ за это Кундровцамъ право жечь камышу сколько угодно и кормить скотъ чѣмъ тутъ попадется; но разумѣется, бѣдняки, нуждаясь въ лѣсѣ, котораго въ ихъ собственной дачѣ нѣтъ, какъ говорятъ они «ни палки» и платя не дешевую плату за тѣнистое для зим-

мы укрытіе, не упускаютъ случая наверстать свои убытки тайною порубкою тальника; изъ-за чего выходятъ новые не совсѣмъ-то выгодные расчеты. Тому, у кого всего-на-все пять лошадей, головъ десять рогатаго скота, да штукъ двадцать пять овецъ, по приведеннымъ цѣнамъ приходится заплатить полтора цѣлковыхъ или и шесть рублей ассигнаціями въ такомъ случаѣ, когда для скорости счета и для лучшаго округленія его, гривенникъ будутъ считать за сорокъ копѣекъ мѣди, а пятакъ серебра за двадцать копѣекъ.

Нѣтъ ничего легче, какъ обвинить всемъ самихъ кочевниковъ и поставить имъ въ укоръ ихъ недѣятельность и нежеланіе, или неумѣніе засѣвать поля клеверомъ и другими кормовыми травами или съ любовію предаться хлѣбопашеству. Но, съ другой стороны, нельзя не войти въ положеніе этихъ полудикарей и не разобрать причинъ, побуждающихъ нашихъ степняковъ вести такой, а не иной образъ жизни.

Если обратить вниманіе на одни только степные жары, которые совершенно истомляютъ даже привыкшаго къ нимъ жителя до такой степени, что человѣку становится тяжко произнесть слово; то уже въ этомъ одномъ мы найдемъ оправданіе противъ того, что называется отчаянною лѣнью. Говоря о кочевомъ человѣкѣ, нельзя не обратить вниманія и на то, что все его прошедшее, пріучивъ его только къ скотоводству и сроднивъ съ однимъ

этимъ промысломъ, не открыло еще ему тайны давать цѣну времени. Съ другой стороны, лѣтній зной и нестерпимыя жары, начинающіеся съ мая мѣсяца, уничтожаютъ почти все, что земля въ силахъ была произвести съ весны. Всякое растеніе, всякая былинка на степи сожигается совершенно; всюду видны только раскаленный песокъ и бѣлые, растрескавшіеся отъ жгучаго солнца солончаки. Въ-слѣдствіе этихъ-то климатическихъ условій, въ поземельномъ участкѣ, принадлежащемъ обществу Кундровскихъ-Татаръ, всѣ попытки ихъ къ хлѣбопашеству оказались тщетными. Тѣ оазисы, которые, казалось-бы, и были для того удобны, нужны для скотоводства; его тоже невозможно съ одного раза принести въ жертву дѣлу еще неизвѣданному и притомъ такому, которое, судя по недальнимъ примѣрамъ, далеко не можетъ принести тѣхъ выгодъ, которыя доставляются скотоводствомъ. Огородничества у Кундровскихъ-Татаръ тоже нѣтъ: двоимъ только Карагашамъ удалось завести у себя бахчи съ просомъ, дынями и арбузами, но на эти исключительные случаи и не слѣдуетъ смотрѣть иначе, какъ на исключенія.

Сѣна Кундровцы не могутъ запасать столько, сколько нужно бы его было для содержанія всего скота на зиму въ теплѣ: и дальность кочевьевъ, и тяжкіе жары, и многочисленность табуновъ — все этому причиной. Поэтому хотя и представляются частные случаи,

что нѣкоторые изъ семьянистыхъ Карагашей улучаютъ возможность даже торговать сѣномъ, однакожъ, вообще говоря, они запасаютъ его на зиму для себя только въ томъ количествѣ, какое нужно для откормленія части стадъ, сберегаемыхъ въ самыхъ селеніяхъ, потому что остальной скотъ «тебенюетъ» и пасется на степи. На потраву зеленей, какъ извѣстно, пускаютъ сперва лошадей, а потомъ уже рогатый скотъ и барановъ: это отъ того, что лошадь легче разрываетъ снѣгъ и расчищаетъ кормà; крупный рогатый скотъ только срываетъ верхушки растеній; а бараны, проходя уже разбитымъ путемъ и не подвергаясь, какъ слабосильное животное, этому легкому для лошадиныхъ копытъ труду, спокойно выѣдаютъ всѣ былинки дочиста, безъ остатка.

Пища Кундровцевъ, какъ и самый образъ ихъ жизни, одинаковая со всѣми другими кочевыми племенами — мясо и молоко. Изъ коровьяго молока они приготовляютъ масло, имѣющее одинаковое назначеніе съ бараньимъ жиромъ; квашеное коровье молоко разбавляютъ они водой и употребляютъ въ питье подъ именемъ «айрàна.» Изъ овечьяго молока выдѣлываютъ они «крутъ», или комки кисловатаго сыра, служащаго имъ и вмѣсто пищи, и, въ иныхъ случаяхъ, на-примѣръ въ дальнемъ пути по безводнымъ мѣстамъ, для утоленія жажды; изъ кобыльяго молока приготовляютъ «кумызъ», который бываетъ болѣе или менѣе

вкусенъ и ароматенъ, смотря по пахучести и сочности травъ, которыми скотъ кормится. Главную-же пищу Кундровцевъ составляетъ сытный кирпичный чай. Бѣдные люди ѣдятъ преимущественно просяныя прѣсныя лепешки; зажиточные — варятъ пловъ; богатые рѣжутъ барановъ и покупаютъ, не изъ своихъ табуновъ, старыхъ, негодныхъ въ работу, но жирныхъ лошадей. Извѣстно, что кочевыя племена чистой воды никогда не пьютъ, хлѣба ѣдятъ мало и не употребляютъ никакого масла, кромѣ коровьяго.

Одежда Кундровцевъ почти такая же, какъ и у всѣхъ Татаръ; но въ иныхъ частяхъ она болѣе упрощена, въ иныхъ заимствована отъ прежнихъ горскихъ сосѣдей.

Мущины носятъ шальвары или нанковые, или китайчатые; сверхъ нихъ длинная бѣлая бумажная рубаха съ отложнымъ воротникомъ; зиму и лѣто носятъ портянки; сапоги изъ конской кожи безъ подошвъ, сверхъ нихъ галоши или толстые башмаки съ закаблучьями изъ шагреневой кожи ярко-бирюзоваго цвѣта.

Верхняя одежда состоитъ изъ бешмета, или коротенькаго полукафтанья; на него надѣваютъ куртё, тотъ же почти бешметъ, только подлиннѣе перваго; за нимъ слѣдуетъ архалàкъ или родъ узкаго и коротенькаго халата съ завязками и длинными отложными воротничками; а сверхъ его обыкновенно хивинскій полушелковый халатъ, лѣтомъ на легкой

подкладкѣ, зимой на овчинномъ, а больше на лисьемъ мѣху, или по-крайней-мѣрѣ съ лисьей опушкой по краямъ рукавовъ и подола, хоть лисица въ Низовой-Сторонѣ и недорога и ловится улусниками въ замѣчательномъ количествѣ, но въ какомъ именно — совершенно неизвѣстно. Вмѣсто халата надѣваютъ и суконный чапа̀нъ.

Каждая принадлежность верхняго платья, по принятымъ обычаямъ, должна имѣть особый отъ другихъ частей цвѣтъ: бешметъ, на-примѣръ, зеленовато-желтый, куртё — синій, архалакъ—зеленый, чапанъ—вишневаго цвѣта, и т. д.

Тюбетеи у Кундровцевъ простые Татарскіе, пестрые и полушаріемъ. Лѣтняя шапка, заимствованная отъ горцевъ, имѣетъ очень широкую выпуклую обшивку изъ сѣрыхъ или черныхъ овчинъ, съ небольшимъ суконнымъ элиптическимъ выпускомъ, который прошивается шелкомъ; нутро подкладывается простой овчинкой. Зимняя шапка, малаха̀й, нѣсколько напоминающій своею формою зимнія шапки Петербургскихъ Финновъ; перѐдъ, то-есть надлобникъ и уши у него поднимаются и подвязываются къ суконной покрышкѣ малахая. Въ вѣтеръ и холода̀, малаха̀й распускается, въ тепло̀ — принимаетъ другую форму.

Карагаши не богаты нижнимъ платьемъ; обыкновенно у каждаго только пара рубахъ, а у бѣднаго—всего одна: онъ ее моетъ или су-

шитъ, а самъ сидитъ нагишомъ. Шитьемъ всѣхъ нарядовъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и всѣхъ домашнихъ принадлежностей, занимаются однѣ женщины; покупаются только матеріалъ, а изъ готоваго платья — одни Хивинскіе халаты.

Женскій нарядъ почти такой же, какъ и у Юртовскихъ-Татарокъ.

Въ старые годы всѣ женщины Кундровскія носили высокія шапки, обложенныя фольгой, и снаружи, сверхъ фольги, обшитыя серебрянными и даже золотыми монетами; около лба тоже навѣшивались мелкія монеты и въ нѣсколько рядовъ жемчугъ. Высокія шапки и нынче существуютъ, но на мѣсто прежнихъ монетъ вставлены оловянные и жестяныя кружкѝ; изрѣдка двугривенички, а вмѣсто жемчуга нашиваются стеклянныя прòнизки. Женскія шапки—родъ цилиндра, къ-верху немного съуживающагося; сверхъ шапки накидывается широкая и длинная чадрà.

Шапки дѣвокъ похожи на мужскія лѣтнія шапки, только поминіатюрнѣе ихъ; верхъ обшивается бархатомъ или шелковою матеріею, а околышъ—лисьимъ мѣхомъ. Изъ-подъ этихъ шапокъ дѣвушки выпускаютъ поверхъ бешмета косы, обременяемыя на концахъ серебренными и мѣдными привѣсками. У женщинъ волосы подбираются подъ шапку.

Торжественные дни, празднуемые Татарами, суть: окончаніе уразы̀, обрѣзаніе малолѣтныхъ сыновей, свадьбы и похороны.

*

При сватовствѣ и у Кундровцевъ, какъ и у всѣхъ мухаммеданъ, главное вниманіе обращается на калымъ; бѣдный платитъ за невѣсту около пятидесяти рублей серебромъ, а богатый — вноситъ и тысячу цѣлковыхъ; даютъ и дороже и, вмѣсто наличныхъ денегъ, вмѣсто калыма гонятъ въ домъ невѣсты лошадей цѣлыми табунами, а барановъ—огромными стадами.

Калымъ вносится не весь разомъ, а частями; но, говорятъ, что стòитъ внести первую его часть, чтобъ имѣть всѣ права на невѣсту и посѣщать ее не въ урѣченное время, хотя посѣщенія эти и прикрываются кажущеюся таинственностію отъ родныхъ. Внесенный женихомъ калымъ невѣста приноситъ съ собою въ домъ молодаго мужа въ качествѣ приданаго; на эти именно деньги, для будущаго хозяйства, пріобрѣтаются покупкою новая кибитка изъ бѣлыхъ кошемъ, пара или штуки три воловъ, изъ которыхъ каждый впрягается въ особую арбу съ приданымъ скарбомъ, платьемъ, посудой и всѣми принадлежностями хозяйства.

Похороны совершаются съ одинаковыми обрядами, какъ и у всѣхъ мухаммеданъ: покойника обертываютъ бѣлымъ бумажнымъ полотномъ и опускаютъ въ яму, съ боку которой, въ самомъ низу, подрываютъ особое отдѣленіе; нишь эту, по вмѣщеніи туда трупа, закладываютъ жердочками, а самую яму зарываютъ и накидываютъ на нее невысокую кучку земли, въ срединѣ которой ставятъ или

коротенькую жердь или, впрочемъ рѣдко, маленькій деревянный столбикъ. Соединеніе такихъ могилъ и называется мазàрки. Могилу подрываютъ въ такомъ только случаѣ, когда грунтъ земли довольно твердъ, такъ что не рухнется на подрытую съ боку ямы нишь; если-же грунтъ песчаный, то этой ниши не дѣлаютъ.

Музыкальныя орудія Кундровскихъ-Татаръ не многочисленны: это — кòбызъ и варганъ; кòбызъ есть родъ скрипки, состоящій изъ выдолбленнаго деревяннаго полушарія, прикрѣпленнаго къ грифу; струны на немъ и смычокъ изъ конскихъ волосъ. Пѣсни тоже поютъ Кундровцы, по примѣру другихъ кочевниковъ, сами ихъ импровизируютъ, воспѣвая въ нихъ степь, коня и молодую Татарку или Калмычку.

Въ пляскѣ принимаютъ участіе и дѣвицы, и молодые парни, но не вмѣстѣ, а порознь. Пляску Кундровцевъ нельзя назвать граціозною и увлекательною: танцовщица, напримѣръ, потупивъ глаза въ землю, стоитъ на одномъ мѣстѣ, потопываетъ ножками, поводитъ на стороны головкой и выдѣлываетъ руками движенія, которыхъ тайнаго смысла рѣшительно нѣтъ возможности доискаться; характеръ этихъ тѣлодвиженій есть, кажется, извращенность того, что въ Русской пляскѣ носитъ характеръ приманиванья. Мужская пляска состоитъ въ тяжелыхъ скачкахъ, въ необходимомъ притомъ вскидываніи руками, въ отдуваніи щекъ, въ прикрякиваніи и въ

выбалтываніи языкомъ довольно непріятныхъ звуковъ.

При всей простотѣ нравовъ и невзыскательности касательно житейскихъ удобствъ, жизнь кочевника, даже въ глуши Низовыхъ-Степей обходится не дешево: семьѣ, состоящей изъ мужа и жены, старика-отца или старухи-матери и изъ двоихъ дѣтей сына или дочери, безъ пяти сотъ рублей ассигнаціями цѣлаго года просуществовать невозможно, и то не богато, а безнужно.

Возьмемъ для примѣра такую семью съ двумя душами мужескаго пола и средняго, даже ниже средняго, достатка. Вотъ чтò на годъ времени нужно имъ израсходовать:

А. Казенный сборъ:

	руб.	коп. сер.
подушныя подати, по 1 р. 43 к. съ души.	2	86
въ капиталъ продовольствія, по 5 к. сер.	.	10
общіе земскіе сборы, по 95 к. сер. . .	1	90
общественный сборъ на управленіе, по 66¼ к. сер.	1	32½
итого .	6	18½

Б. Мірской сборъ:

на наемъ подводъ. — наемъ лодокъ. — пожарные случаи. сотскимъ на жалованье, десятскимъ на жалованье. на наемъ лѣсныхъ сторожей. — постройку домовъ для лѣсной стражи.	Все это, вмѣстѣ съ непредвидимыми расходами, обойдется около 1 рубля серебромъ на душу, а всего	2 р.

какихъ-нибудь двѣнадцати верстъ, только одна и составляетъ собственность общества Кундровскихъ-Татаръ. Когда настанетъ половодье, Берекетъ зальетъ берега и образуетъ лужи и озерки, то эти-то лужи, озерки, вмѣстѣ съ русломъ самой рѣки, составляютъ мірскую оброчную статью и отдаются на откупъ постороннимъ лицамъ, которыя за право рыболовья въ нихъ платятъ ежегодно 410 р. сер.; одна половина этихъ денегъ поступаетъ въ общество на мірскіе расходы, а другая причисляется къ мірскому капиталу.

На Ахтубѣ, гдѣ стоитъ селеніе Хожетаевка, Кундровцы права ловли не имѣютъ и потому отправляются въ чернорабочіе или къ Берекетскому откупщику, или въ казачьи участки, или къ владѣльцамъ морскихъ водъ: Безбородкѣ и Юсупову. Полагаютъ, что на морское рыболовство ходитъ до трехъ-сотъ человѣкъ Кундровскихъ-Татаръ, но на рѣчное — до тысячи человѣкъ.

Господствующая болѣзнь у Кундровскихъ-Татаръ — чахотка; оспа не производитъ опустошеній: Карагаши охотно прививаютъ ее дѣтямъ, прибѣгая за этимъ къ помощи степныхъ Калмыцкихъ врачей изъ сословія ихъ жрецовъ. О сифилитической болѣзни между Кундровцами не слыхать.

Грамотность незначительна: мущинъ, вмѣстѣ съ муллами, не наберется грамотныхъ больше полутораста или много-много двухъ-

ся большое селеніе въ центрѣ Нарынъ-Песковъ, во Внутренней Киргизской-Ордѣ. Сверхъ того, ежегодно въ сентябрѣ, въ селенія Кундровцевъ пріѣзжаютъ прасолы изъ Мурома и покупаютъ здѣсь быковъ, которыхъ они нагуливаютъ, нажировываютъ, отпасываютъ, то-есть откармливаютъ здѣсь же въ степи, на земляхъ самихъ Кундровцевъ, а весной, въ началѣ апрѣля, скотъ этотъ гонятъ и отправляютъ въ Москву.

Продажная цѣна скота на ярманкахъ бываетъ такая:

Кургашекъ, то-есть молоденькій барашекъ—1 р. сер., двухгодовалый баранъ, *тохло* — 1½ и 2 р. сер., старый баранъ до 3 р. сер., лошадь отъ 15 до 30 р. сер.; въ 40 р. сер. лошадь уже исключеніе; лучшая корова 15 р. сер.; лучшій быкъ 25 р. сер.; коза отъ 85 к. до 1½ р. сер. не выше; верблюды продаются рѣдко и не дороже 25 р. сер.

Такимъ образомъ выходитъ, что, для выручки 135 р. сер., Карагашъ долженъ продать одного верблюда, двухъ лошадей, быка съ двумя коровами, пять козъ и пять барановъ. У кого нѣтъ верблюда, тотъ замѣнитъ его конемъ; кому жаль быка, тотъ пуститъ въ торгъ остальныхъ барановъ, а у кого нѣтъ ни козы, ни барана — тотъ идетъ въ заработки, на рыболовныя ватаги и промыслà.

Карагаши, какъ уже замѣчено, живутъ по Ахтубѣ и по Берекету. Эта послѣдняя рѣчка, протекающая на пространствѣ всего

какихъ-нибудь двѣнадцати верстъ, только одна и составляетъ собственность общества Кундровскихъ-Татаръ. Когда настанетъ половодье, Берекетъ зальетъ берега и образуетъ лужи и озерки, то эти-то лужи, озерки, вмѣстѣ съ русломъ самой рѣки, составляютъ мірскую оброчную статью и отдаются на откупъ постороннимъ лицамъ, которыя за право рыболовья въ нихъ платятъ ежегодно 410 р. сер.; одна половина этихъ денегъ поступаетъ въ общество на мірскіе расходы, а другая причисляется къ мірскому капиталу.

На Ахтубѣ, гдѣ стоитъ селеніе Хожетаевка, Кундровцы права ловли не имѣютъ и потому отправляются въ чернорабочіе или къ Берекетскому откупщику, или въ казачьи участки, или къ владѣльцамъ морскихъ водъ: Безбородкѣ и Юсупову. Полагаютъ, что на морское рыболовство ходитъ до трехъ-сотъ человѣкъ Кундровскихъ-Татаръ, но на рѣчное — до тысячи человѣкъ.

Господствующая болѣзнь у Кундровскихъ-Татаръ — чахотка; оспа не производитъ опустошеній: Карагаши охотно прививаютъ ее дѣтямъ, прибѣгая за этимъ къ помощи степныхъ Калмыцкихъ врачей изъ сословія ихъ жрецовъ. О сифилитической болѣзни между Кундровцами не слыхать.

Грамотность незначительна: мущинъ, вмѣстѣ съ муллами, не наберется грамотныхъ больше полутораста или много-много двухъ-

сотъ, а грамотной женщины нѣтъ ни одной. Учатся только Татарской грамотѣ.

Племена, пребывающія въ первобытныхъ формахъ патріархальнаго управленія, обыкновенно славятся гостепріимствомъ. Кундровскіе-Татары тоже гостепріимны. Добродѣтель эта выражается у нихъ тѣмъ, что вошедшаго въ кибитку гостя, хозяинъ непремѣнно приглашаетъ сѣсть и напоитъ его или накормитъ. Если гость бѣденъ—ему дадутъ чашку айряна; если онъ близкій знакомецъ — нальютъ кирпичнаго чая, а если онъ и не коротко знакомъ, но человѣкъ или богатый, или нужный, на-примѣръ чиновникъ своего вѣдомства—для него непремѣнно зарѣжутъ кургашка.

У Татарина мало снисходительности къ бѣдному и данный въ займы пятакъ скоро возвращается въ кошель богатаго гривной.

Молодежь Кундровцевъ не тверда въ вѣрѣ Магомета: рѣдко ходятъ они въ мечеть и не хлопочутъ о соблюденіи предписанной Кораномъ чистоты тѣлесной; они даже пятаго намаза не исполняютъ. Къ мулламъ своимъ, которыхъ всего шестнадцать, въ каждомъ селеніи по восьми, Кундровцы мало имѣютъ уваженія; полагаютъ, что еслибъ само начальство не назначало къ нимъ муллъ, то Кундровцы и позабыли бы объ нихъ.

Въ старые годы существовали у нихъ обычаи, которые все больше и больше предаются у народа забвенію. Прежде, на-примѣръ, за прелюбодѣяніе съ замужнею жен-

щиной, особенно если преступленіе было совершено съ насиліемъ, виноватаго закапывали въ землю и закидывали камнями. Правда, это водилось въ очень-старыя времена; но нынче выводится и то, что было на недавней памяти. Такъ, на-примѣръ, за ложь, за обманъ, за непочтеніе къ старикамъ, за неповиновеніе родительской власти, за мелкое плутовство и за неважные проступки, родовичи, или члены одной и той-же вѣтви рода, а иногда и просто сами аксакалы, наказывали виноватаго, смотря по мѣрѣ его вины, розгами, плетью и нагайками. За воровство скота у правовѣрнаго, или за похищеніе чужой собственности у кого-бы-то ни было изъ дому, вора, по приговору міра, разбиравшаго и судившаго дѣло на основаніи представленныхъ ему уликъ и доказательствъ, сажали на черную корову, лицомъ къ хвосту, навѣшивали ему на шею чугунный таганъ и, въ такомъ видѣ, возили по улицамъ деревни, или около кибитокъ.

Но по мѣрѣ того, какъ народъ сталъ болѣе и болѣе развиваться, прежняя система патріархальнаго судопроизводства начала клониться къ упадку и, наконецъ, признана несоотвѣтственною настоящимъ обстоятельствамъ. Теперь всѣхъ, безъ различія въ племени, виноватыхъ въ проступкахъ и преступленіяхъ велѣно отдавать подъ форменный судъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ слѣдственнаго и уголовнаго дѣлопроизводства.

Чтожь касается до гражданскихъ исковъ, то обоюдные споры по имуществу кончаются домашнимъ образомъ, или личными мировыми сдѣлками, или частнымъ разборомъ муллъ по Шаріату, или на основаніи извѣстныхъ положеній Корана. Истецъ и отвѣтчикъ стараются все повершить домашнею присягой. При лживости присяги, напрасно проигравшій дѣло расчитываетъ на угрызеніе совѣсти клятвопреступника.

Кундровскіе - Татары не много сохранили преданій касательно тѣхъ мѣстъ, которыя они теперь занимаютъ.

Выше Сейтовки, верстъ на десять, есть урочище съ тремя курганами. Урочище это называется Акъ-Месджидъ, «Бѣлая-Мечеть». Народъ разсказываетъ, что здѣсь стояла каменная выбѣленная мечеть, въ которой молились всѣ знаменитые завоеватели—Чингисъ, Джанибекъ, Мамай.

Между Сейтовкою и Бѣлою-Мечетью есть по Ахтубѣ бродъ, называемый Ханскій-Бродъ: здѣсь, какъ говорятъ Татары, полчища этихъ завоевателей переходили черезъ рѣку. Мѣсто это и понынѣ считается самымъ выгоднымъ бродомъ для прогона скота съ одного берега рѣки на другой.

Знаменитыя развалины Сарая, близь города Царева, тамошніе Русскіе крестьяне зовутъ Мамаевой-Землянкой. Кундровцы тоже переняли это прозвище.

внутреннюю торговлю, положить основаніе торговлѣ заграничной и привлечь въ Астрахань иноземныхъ купцовъ странъ Восточныхъ.

Дѣйствительно, уже въ началѣ XVII столѣтія, даже во времена еще Бориса Годунова, мы видимъ въ Астрахани торговыхъ людей разныхъ націй и отправленіе Русскихъ судовъ на Мангышлакъ, къ Тюпъ-Караганской пристани, гдѣ теперь находится Ново-Петровское Укрѣпленіе на полуостровѣ, нынѣ называемомъ и «Мангышлакомъ», тогда какъ прежде это названіе придавалось извѣстной только его части, и «Бузачѝ», вѣроятно отъ того, что въ прежнія времена здѣсь были постоянныя кочевья Туркменовъ племени Бозаджѝ; собственное-же названіе всего западнаго прибрежья, начиная отъ устьевъ Урала, и названіе степи, къ прибрежью этому прилегающей, и у Киргизовъ и у Туркменовъ есть одно—Атрàу.

Иноземные купцы—Бухарскіе, Хивинскіе и Персидскіе, сами стали появляться въ Астрахани и останавливались въ караванъ-сараяхъ, но торговлю вели на «базарѣ». Къ намъ въ Астрахань не допускались только «Тезики, Турскіе люди, торговые люди Турскаго Салтана», всѣ же другіе «Тезики, торговые люди, Бухарцы, Юргенцы (изъ Ургенча, Ховарезма или Хивы), также изъ Шемахи, Баки, Дербени и иныхъ Шаховыхъ городовъ» — имѣли право свободнаго туда пріѣзда.

При Царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ мы видимъ въ Астрахани «два Тезичьи двора: Бухарскій

сферы дѣятельности этого населенія, и съ распространеніемъ объема нуждъ обитателей Низовой-Стороны, явилась необходимость въ торговлѣ въ тѣсномъ значеніи этого слова, необходимость въ товарахъ, необходимость въ капиталахъ.

Москва, утвердивъ свое вліяніе на устьяхъ Волги, а въ-слѣдъ за-тѣмъ пріобрѣтя опорные пункты на сѣверо-западномъ и западномъ прибрежьи Каспія, гдѣ еще при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ предприняты были разныя гидротехническія сооруженія, имѣла настоятельную надобность содержать, и тутъ и тамъ, небольшіе отряды войска и, силою оружія, держать въ покорности окрестные народы.

Излишне было бы входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого предмета: достаточно напомнить о сношеніяхъ съ Крымцами, Ногаями и съ Шафкальскимъ владѣльцемъ, какъ у насъ Русскій народъ еще и понынѣ именуетъ бывшихъ Шамхаловъ Тарковскихъ.

Сухопутная перевозка разныхъ товаровъ въ Астрахань и на западное прибрежье Каспія была и затруднительна, и опасна; «польской стороной», «полемъ», то-есть степью, караваны не отправлялись, кромѣ очень рѣдкихъ случаевъ: слѣдовательно, все необходимое для Низовой-Стороны отсылалось туда изъ Россіи Волгой на судахъ.

Перевозка провіанта, рыбная промышленность на рѣкѣ и въ морѣ, торги съ сосѣдственными племенами должны были развить

внутреннюю торговлю, положить основаніе торговлѣ заграничной и привлечь въ Астрахань иноземныхъ купцовъ странъ Восточныхъ.

Дѣйствительно, уже въ началѣ XVII столѣтія, даже во времена еще Бориса Годунова, мы видимъ въ Астрахани торговыхъ людей разныхъ націй и отправленіе Русскихъ судовъ на Мангышлакъ, къ Тюпъ-Караганской пристани, гдѣ теперь находится Ново-Петровское Укрѣпленіе на полуостровѣ, нынѣ называемомъ и «Мангышлакомъ», тогда какъ прежде это названіе придавалось извѣстной только его части, и «Бузачи́», вѣроятно отъ того, что въ прежнія времена здѣсь были постоянныя кочевья Туркменовъ племени Бозаджѝ; собственное-же названіе всего западнаго прибрежья, начиная отъ устьевъ Урала, и названіе степи, къ прибрежью этому прилегающей, и у Киргизовъ и у Туркменовъ есть одно—Атра̀у.

Иноземные купцы—Бухарскіе, Хивинскіе и Персидскіе, сами стали появляться въ Астрахани и останавливались въ караванъ-сараяхъ, но торговлю вели на «базарѣ». Къ намъ въ Астрахань не допускались только «Тезики, Турскіе люди, торговые люди Турскаго Салтана», всѣ же другіе «Тезики, торговые люди, Бухарцы, Юргенцы (изъ Ургенча, Ховарезма или Хивы), также изъ Шемахи, Баки, Дербени и иныхъ Шаховыхъ городовъ»—имѣли право свободнаго туда пріѣзда.

При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ мы видимъ въ Астрахани «два Тезичьи двора: Бухарскій

й Гиланскій». Но что дворы эти были или караванъ-сараи, или слободы, а не гостиные-дворы, то на это указываютъ подлинныя слова одного документа, въ которомъ сказано: «Тезиковъ, которые учнутъ пріѣзжать въ Астрахань со всякими товары, ставити на Гиланскомъ и на Бухарскомъ-Дворѣ, а торговати имъ велѣти съ Русскими людьми и съ Юртовскими-Татары на Татарскомъ-Базарѣ, противъ прежняго обычая».

Иноземныхъ купцовъ изъ Бухары и изъ Гиляни явилось въ Астрахани столько, что открылась необходимость сдѣлать имъ поголовную перепись и отдѣлить временно-наѣзжихъ Тезиковъ отъ живущихъ въ Астрахани безъ съѣзду; скопленіе это подало Правительству мысль образовать оріенталистовъ въ Астрахани, изъ природныхъ Русскихъ, «которымъ бы однолично выучиться грамотѣ и языкамъ Татарскому, Арапскому и Фарсовскому», или языку которымъ говорятъ Персіяне и часть Бухарцевъ (потому, что другая часть Бухарцевъ говоритъ нарѣчіемъ Тюркскаго языка).

Въ грамотахъ, относящихся ко временамъ Царя Алексѣя Михайловича, упоминается уже о торгующихъ въ Астрахани Индѣйцахъ.

Гмелинъ разсказываетъ, что въ его время однимъ изъ предмѣстій Астрахани (въ длину около полуверсты, а въ ширину 50—60 саженъ) были три слободки, называемыя «Дворами»: одна слободка называлась Бухарскій-Дворъ, другая—Гилянскій-Дворъ, а третья—Агржан-

скій-Дворъ. «Агржанъ» (Agrischan), говоритъ Гмелинъ, есть слово Татарское и выражаетъ собою идею «отродья», «выродка» (ein Bastart). Поселившіеся въ Астрахани Индѣйцы переженились на мѣстныхъ Татарскихъ женщинахъ, прижили съ ними дѣтей и потомство это такъ размножилось, что населило собою цѣлую слободку. Такъ какъ эта помѣсь Индѣйцевъ съ Татарками произвела новое отродье Татаръ, Агржанъ, то и слободка, ими заселенная, названа Агржанскимъ-Дворомъ. Нынѣ Дворовъ этихъ, какъ отдѣльныхъ кварталовъ, не существуетъ и они слились вмѣстѣ съ другими въ такъ вообще-называемой Татарской Слободѣ, сопредѣльной слободѣ Армянской. Въ городѣ Астрахани существуютъ два каменные корпуса, изъ которыхъ одинъ называется Персидскимъ-Дворомъ, а другой Индѣйскимъ-Дворомъ; но между этими Дворами и тѣми, о которыхъ мы начали рѣчь, общаго ничего нѣтъ: они выстроены въ позднѣйшее время для пріѣзжихъ купцовъ.

Бухарцы и наши Татары суть мухаммедане Суннитскаго толка (Сюнни); Гилянцы, обитатели провинціи Гилянъ, были, какъ и теперь всѣ Персіяне, Шіитскаго толка; Индѣйцы были огнепоклонники. Нынѣ всякая тѣнь прежнихъ религіозныхъ отличій изчезла: и вѣра, и языкъ, и нравы, и обычаи у Татаръ этихъ трехъ Дворовъ рѣшительно тѣже самые, какъ и у всѣхъ вообще по городамъ живущихъ Татаръ Юртовскихъ, Казанскихъ,

или Касимовскихъ. Въ-слѣдствіе этой-то одинаковости и тожественности обычаевъ, одежды и образа жизни этого общества, мы и ограничиваемъ настоящую бесѣду краткими свѣдѣніями.

До 1836 года общество Татаръ Бухарскаго, Гилянскаго и Агржанскаго Дворовъ представляло отдѣльное привиллегированное сословіе, пользовавшееся правомъ свободной торговли, безъ всякаго взноса гильдейскихъ пошлинъ и участвовавшее въ однихъ только земскихъ и городскихъ повинностяхъ.

Съ 1836 года Татары этого общества, впредь до совершеннаго уравненія ихъ съ коренными Русскими во всѣхъ податяхъ и повинностяхъ, обложены особымъ сборомъ въ 5 руб. асс. съ души и рекрутчиной; мелочной торгъ разными товарами дозволенъ имъ на общихъ со всѣми мѣщанами основаніяхъ, а болѣе обширная торговля разрѣшена не иначе, какъ подъ условіемъ записки въ гильдію.

Численность Татаръ этого общества въ разные періоды была такова:

По Гмелину:

	душъ.
Бухарскаго-Двора	374
Гилянскаго —	178
Агржанскаго —	105
всего	657

По VII ревизіи:

Бухарскаго-Двора	393
Гилянскаго —	137
Агржанскаго —	117
всего	647

По VIII ревизіи:

Бухарскаго-Двора		454
Гилянскаго —		123
Агржанскаго —		110
	всего	687

По IX ревизіи:

Бухарскаго-Двора		392
Гилянскаго —		124
Агржанскаго —		107
	всего	623

Цифра эта, столь рѣзко свидѣтельствующая о плохомъ увеличеніи народонаселенія, объясняется очень просто: не вымираніемъ племени, а переходомъ зажиточныхъ Татаръ въ купеческое сословіе и выбытіемъ ихъ изъ общественныхъ списковъ, единственно по одной этой причинѣ.

Изъ числа приведенныхъ выше 392 душъ, только 313 мужескаго пола живутъ въ Астрахани домами: остальные —Татары, собственно одного только Бухарскаго-Двора, въ числѣ 25 кибитокъ, то-есть 25 семействъ, или 79 душъ мужескаго пола ведутъ жизнь кочевую и кочуютъ нераздѣльно съ указанными уже прежде сего ста кибитками, или 688 душъ мужескаго пола Юртовскихъ-Татаръ, въ сосѣдствѣ станцій Алабужской и Тернекъ.

Образъ жизни этихъ кочевыхъ отдѣловъ совершенно сходенъ съ образомъ жизни всѣхъ кочевыхъ племенъ.

Наряды у нихъ тѣ-же, что и у Юртовцевъ, а что касается до поличья, то отъ разнороднаго смѣшенія мущинъ, и съ Татарками, и съ Калмычками, лица ихъ не имѣютъ никакого опредѣленнаго характера; нельзя однакожъ не прибавить, что гораздо больше можно встрѣтить калмыковатости, чѣмъ чистаго Татарскаго обличія.

VII.

АСТРАХАНСКІЕ-КАРАКАЛПАКИ.

Въ Низовой-Сторонѣ, на земляхъ, примыкающихъ къ городу Черному-Яру, существуетъ небольшое общество Мухаммеданъ, именующихъ себя Каракалпаками.

Кара-Калпаки, слово въ слово «Черные-Колпаки» — можетъ быть, потомки того народа, который въ лѣтописяхъ нашихъ называется «Черными - Клобуками» — составляютъ въ настоящее время племя, кочующее по высотамъ Устюрта, а также по юго-восточному и по юго-западному прибрежьямъ Аральскаго-Моря. Каракалпаки говорятъ тѣмъ же нарѣчіемъ

Тюркскаго языка, которымъ говорятъ наши Киргизы западной части Степи Оренбургскаго Вѣдомства и Хивинцы. Лица у нихъ, какъ и у Хивинцевъ—правильныхъ очертаній; кожа очень смуглая; нарядъ и образъ жизни такой же, какъ и у Киргизовъ, отъ которыхъ, въ этомъ отношеніи, они разнятся однѣми только шапками. Шапки эти у Каракалпаковъ точно такія же, какъ и у Хивинцевъ—высокія, изъ черныхъ мерлушекъ, цилиндрическія, къ верху нѣсколько расширяющіяся, съ чернымъ, а иногда и съ краснымъ суконнымъ выпускомъ.

Племя это имѣло когда-то собственныхъ своихъ хановъ; въ прошломъ столѣтіи, оно признало власть Россіи, которая одна предоставила себѣ право назначать и утверждать избранныхъ ими себѣ предводителей. Но съ теченіемъ времени измѣнялись обстоятельства, и у Каракалпаковъ хановъ нынѣ не существуетъ.

Все, что̀ доселѣ говорили объ этомъ племени, относится только къ Каракалпакамъ дальнихъ степей, а не къ тѣмъ, которыхъ находимъ мы въ Приволжьѣ.

Здѣсь, въ Приволжьѣ, Каракалпаки появились около 1817 года, а существованіе и пребываніе ихъ сдѣлалось гласнымъ всѣмъ съ 1827 года, когда «нѣкто, именующійся Киргизцемъ, по имени Мухаммедъ Бектемировъ, отъ имени четырехъ семей, состоявшихъ изъ шестидесяти одной души, просилъ о записаніи ихъ въ Кундровскіе-Татары».

О происхожденіи этихъ Каракалпаковъ мнѣнія были разныя, потому-что объясненія самихъ Каракалпаковъ разнствовали одно съ другимъ. Одни называли себя выходцами изъ Бухаріи: этому не вѣрили потому, что въ нихъ не было ничего Бухарскаго; другіе именовали себя Киргизами Каракалпакова рода: этому не вѣрили потому, что между различными отраслями или родами Киргизовъ нѣтъ ни одного, который бы усвоивалъ себѣ это названіе.

Есть еще два показанія, по-видимому, весьма много между собою разногласящія, но въ существѣ своемъ чрезвычайно какъ точно между собой сходствующія.

Въ одномъ изъ нихъ нѣкоторые Каракалпаки говорили:

«Мы Каракалпаки; жили мы въ Бухарской-Степѣ, кочевали съ Карсаками, съ Китайскими, и стали сами Карсаками Каракалпацкаго рода; потомъ пришли въ Меньшую-Орду къ Джангеру, въ Нарынъ, платили ему закятъ, а теперь не хотимъ; мы не его ясырь; хотимъ просить землю, у Царя жить».

Это свѣдѣніе, написанное со словъ Каракалпаковъ, какъ видно, кореннымъ Русскимъ и добытое нами изъ старыхъ частныхъ бумагъ частнаго же человѣка, требуетъ необходимаго поясненія словъ: «Бухарская-Степь», «Карсаки», «Китайскіе», «Меньшая-Орда», «Нарынъ», «закятъ», и «ясырь».

Рѣка Уралъ раздѣляетъ орошаемую имъ часть Оренбургскаго-Края на-двое: правый берегъ, прилежащій къ землѣ Уральскаго-Казачьяго-Войска и именующійся «Самарскою-Стороною», и лѣвый берегъ, составляющій окраину такъ-называемой Киргизской-Степи и именующійся у Уральцевъ «Бухарскою-Степью». Названія эти въ Астрахани неизвѣстны, и потому очень понятно, что Бухарская-Степь превратилась въ Бухарію.

Карсàками, въ Низовой-Сторонѣ, называютъ Киргизовъ, Кайсаковъ или, какъ Киргизы сами себя называютъ, «Казàкъ». Слово Карсакъ незнакомо въ Оренбургскомъ-Краѣ.

Китайскіе, то-есть Карсаки-Китайскіе, означаетъ Киргизовъ изъ рода Кити, бывшей Малой или Зауральской-Орды; родъ Кити или Кита обыкновенно именуется Китинскимъ, рѣдко Китайскимъ, и то по незнанію.

Меньшая-Орда здѣсь неправильно названа такъ, вмѣсто «Внутренняя-Орда», которою управлялъ послѣдній жалованный ея ханъ Джангеръ; иногда эта же самая Внутренняя-Орда, кочующая по-сю-сторону Урала ближе къ Ахтубѣ, называется, тоже неправильно, «Среднею-Ордою», потому-что она находится середь степи между Волгой и Ураломъ и отовсюду окружена Русскими.

Нарынъ — есть именно то, что на нѣкоторыхъ картахъ новѣйшаго времени называется Рынъ-Пески и что доселѣ въ народѣ и встарину всегда въ оффиціальныхъ документахъ

называлось «Пески Нарынъ или Нарымъ»: здѣсь была главная лѣтняя ставка хана Джангера; потомъ, въ 1826 году, ханъ Джангеръ выстроилъ здѣсь первую избу, а потомъ и нѣсколько домовъ; мѣсто это сдѣлалось постоянною его ставкою, лѣтнею и зимнею. Татары называли ее Ханъ-Кала̀ и Джангѐръ-Кала̀, Русскіе — Ханскою-Ставкой. Примѣру Джангера послѣдовали другіе; здѣсь начали строиться Русскіе торговцы, Армяне, Татары, Уральскіе-Казаки, даже сами Киргизы, и ставка превратилась въ маленькій городокъ: нынѣ это поселеньице называется «селеніе Ставка» или «селеніе Ханская-Ставка».

Закя̀тъ — есть посемейная подать съ имущества, деньгами или скотомъ, которою покойный Джангеръ облагалъ ввѣренный его управленію народъ.

Ясырь имѣетъ значеніе, близкое къ значенію раба, плѣнника, побѣжденнаго или купленнаго человѣка къ его владѣтелю.

Сообразивъ, послѣ такихъ объясненій, подлинный смыслъ приведеннаго выше показанія, мы найдемъ, что оно совершенно равносильно слѣдующему передѣланному на Русскій ладъ разсказу другихъ Каракалпаковъ:

«Предки наши были Каракалпаки. Въ очень давнее время, дѣды наши, всего два семейства, отдѣлились отъ своихъ сородичей и пристали къ Киргизамъ, именно къ Китинскому ихъ роду. Поколѣніе нашихъ предковъ разрослось и отъ постояннаго сожительства съ Киргизами —

окиргизилось. Но войти въ составъ Китинцевъ, сродниться съ ними кровными узами, мы не успѣли; а такъ какъ мы долгое время съ ними кочевали, то и сами сдѣлались Киргизами Каракалпацкаго отродья, или Каракалпацкаго рода. Когда въ тысяча осьми-сотомъ году Царь далъ милость Киргизамъ и, допустивъ ихъ за Уралъ къ Ахтубѣ, образовалъ новую, Внутреннюю-Орду, по имени даннаго ей тогда въ ханы, Султана Букея, названную Букеевскою, то и мы, отродье Каракалпаковъ, пришли тоже въ Нарынъ-Пески. Но Букей и сынъ его Джангеръ поступали съ нами, какъ съ *ясырями* и брали большой *закятъ*; отъ этого, а еще больше отъ падежей скота, мы обѣднѣли; притомъ еще и Джангеръ, раздавъ хорошую землю своимъ близкимъ пріятелямъ да султанамъ, намъ отвелъ самыя тощія кочевки. Сосѣди наши были Кундровскіе-Татары, около ихъ были наши зимовки; мы видѣли, какъ имъ хорошо жить: Русскіе ихъ не обижали и поступали ровно; Татары живутъ безъ нужды и въ довольствѣ. Мы подумали, потолковали промежъ себя и рѣшили бросить Джангера и просить себѣ Царской земли для кочевья: будемъ платить подати, нести службу и жить какъ всѣ Русскіе подданные.»

Нѣкоторые не вѣрятъ этому объясненію, полагая, что наши Каракалпаки сплели эту исторію для сокрытія того, что они были бѣглые Татары, и что между Киргизами никогда не могло образоваться рода Каракалпацка-

го. Но въ опровержение этого послѣдняго возраженія, такъ какъ противъ перваго, по голословности его, и возражать нечего, мы укажемъ только на то, что султаны, а послѣ ханы Букей и Джангеръ и ихъ предки, по разсказамъ, принимали къ себѣ всѣхъ, кто укрывался къ нимъ по какимъ-бы то ни было причинамъ, и что на это ясно указываютъ:

1. Отрасль Ямгурчи рода Берчь — напоминая Юртовскихъ-Татаръ;

2. Отрасль Кулакъ-Урусъ рода Адаи,
3. Отрасль Ульджа-Урусъ рода Байбакты, } напоминая Русскихъ, Урусъ.

4. Отрасль Истекъ или Иштякъ рода Кити — напоминая сѣверныхъ Башкирцевъ;

5. Отрасль Казанкулакъ рода Ногай — напоминая Казанскихъ-Татаръ;

6. Отрасль Абдалъ рода Тазъ — напоминая Туркменовъ;

Наконецъ цѣлый родъ Ногай—напоминая собою разныя Ногайскія отрасли Низовой-Стороны.

Когда о намѣреніяхъ Каракалпаковъ заявлено было мѣстнымъ Татарскимъ обществамъ, то Кундровскіе-Татары отказались принять ихъ къ себѣ, по невѣдѣнію ихъ нравственныхъ достоинствъ.

Въ 1830 году, Едисанскіе и Джембулуковскіе-Ногайцы, кочующіе въ близости пред-

горій Кавказа, согласились-было принять Каракалпаковъ къ себѣ на кочевки; но Каракалпаки отозвались, что теперь имъ кочевать нельзя, потому-что нѣтъ ни лошадей, ни барановъ; а такъ какъ по симъ уваженіямъ имъ осталось только приняться за земледѣліе, то они и начали ходатайствовать объ обращеніи ихъ въ крестьянское сословіе.

Въ 1847 году, Каракалпаковъ считалось, по точнымъ свѣдѣніямъ—67 душъ мужескаго и 66 душъ женскаго пола; засѣяно у нихъ было полей хлѣбомъ—116½ десятинъ, да подъ бакчами—25½ десятинъ.

Въ 1851 году, Каракалпаки кочевали и на Калмыцкихъ земляхъ около Чернаго-Яра и на земляхъ Кундровскихъ-Татаръ, изъ небольшой платы за право кочевать на чужой землѣ; нѣкоторые жили по деревнямъ и нанимали поля подъ разные посѣвы.

Поземельной дачи у Каракалпаковъ нѣтъ; податей они не платятъ и повинностей не отбываютъ никакихъ.

По наружному виду ихъ нельзя ничѣмъ отличить отъ Казанскихъ-Татаръ, съ давнихъ временъ поселившихся очень немногими деревнями въ Низовой-Сторонѣ, начиная отъ Сарепты, пониже которой есть село Чапурники, гдѣ цѣлая половина населенія состоитъ изъ Казанскихъ-Татаръ, и до самыхъ Мочаговъ, гдѣ ими заселено селеніе Зинзили.

Такъ какъ Казанскіе-Татары никакихъ особенностей не представляютъ, а новыхъ сторонъ въ образѣ ихъ быта намъ подмѣтить не удалось, то и распространяться о нихъ, также какъ и длить разсказъ о Каракалпакахъ, мы не имѣемъ основанія.

VIII.

ТУРКМЕНЫ.

По всей Низовой-Сторонѣ и сѣверо-западному прибрежью Каспійскаго-Моря и далѣе на западъ оттуда, разбросаны кочевья **Туркменовъ**. По разсказамъ ихъ самихъ, численность ихъ достигаетъ до двухъ тысячь кибитокъ или семействъ, изъ которыхъ полторы тысячи кибитокъ составляютъ численность старыхъ переселенцевъ, или такъ-называемыхъ «Туркменовъ Кавказскаго Вѣдомства», а пятьсотъ кибитокъ принадлежатъ новымъ поселенцамъ — « Туркменамъ Астраханскаго Вѣдомства», въ оффиціальныхъ бумагахъ именуемымъ

«Мангышлацкими - Туркменами», по мѣсту прежняго ихъ пребыванія.

Прежде, чѣмъ мы приступимъ къ передачѣ краткихъ частныхъ своихъ наблюденій объ этомъ племени, мы постараемся словами самихъ Туркменъ передать собственный ихъ взглядъ на свое происхожденіе и на отношенія кровнаго родства, долженствующія существовать между этими Русскими Туркменами и соплеменными имъ родичами восточнаго и юго-восточнаго прибрежій Каспія. Намъ лично удалось бесѣдовать съ Туркменами: въ 1851 году, въ Астрахани — съ Кавказскими и Мангышлацкими, и въ 1850 году, въ Оренбургѣ — съ подвластными Хивѣ, появившимися здѣсь въ качествѣ вощиковъ Хивинскаго каравана на Оренбургскую-Линію. Если свести всѣ ихъ разсказы вмѣстѣ, то получится слѣдующее повѣствованіе, не совсѣмъ сходствующее съ свѣдѣніями, переданными гг. Бларамбергомъ и Барономъ Боде, и бывшими у насъ въ виду при распросахъ Туркменовъ.

Туркмены или, какъ ихъ у насъ зовутъ, Трухмяне, Трухменцы, совершенно увѣрены, что они происходятъ отъ одного общаго родоначальника, Турка, жившаго во времена Мухаммеда въ Аравійскихъ степяхъ и переселившагося оттуда на Аму-Дарью. Здѣсь, отъ неизвѣстнаго кочевавшаго тутъ племени, пріобрѣлъ онъ себѣ жену, съ которою и прижилъ сына Сююнъ-Хана, а отъ Сююнъ-Хана

произошли восемь сыновей, сдѣлавшіеся главами осьми отдѣльныхъ колѣнъ.

По имени Турка, народъ всѣхъ этихъ осьми колѣнъ именуютъ себя Туркменами, а по другому выговору Туркманами, что̀ означаетъ *Туркъ-менъ,* то-есть, по-Русски: «я Туркъ», «потомокъ Турка»; а по имени сына Турка, Сююнъ-Хана, тѣ же восемь Туркменскихъ колѣнъ, и преимущественно первыя шесть, именуютъ себя Сююнханами, Сеинханами, или Сеильханами.

Восемь Туркменскихъ колѣнъ доселѣ носятъ на себѣ имена своихъ родоначальниковъ, сыновей Сююнъ-Хана, которые назывались: I. Салыръ-Сарыкъ, изъ котораго одинъ писатель сдѣлалъ двоихъ родоначальниковъ, Салыра и Сарыка,—II. Ерсарй,—III. Коклёнъ, или Гокланъ,—IV. Эмыръ,—V. Текѐ,—VI. Юмудъ, или Іомудъ,—VII. Кайй, и VIII. Баядъ.

Два послѣднія колѣна суть тѣже, что̀ и прочія, Сююнханы; но какъ Баядъ остался бездѣтенъ и его кровные родные подпали управленію Кайй, то оба эти колѣна и слились воедино, образовавъ изъ себя сложное колѣно Кайй-Баядъ. Сынъ и преемникъ власти Кайй, по имени Хасанъ-Ханъ, увеличилъ свое потомство, и управляемыя имъ семьи раздѣлились на новыя отрасли по числу сыновей Хасана-Хана, которыхъ у него было шестеро, а между прочими и слѣдующіе пять: Абдалъ, Игдыръ, Чаудуръ, Бозаджи и Бурунд-

жукъ (а шестой Мангышлу, о которомъ мы распространяться не станемъ, потому-что до нашего предмета онъ не близко касается).

По имени этого Хасанъ-Хана, всѣ Туркмены племени Кайи-Баядъ и всѣхъ его отраслей исключительно называются **Хасянами**, или «Хасянскими-людьми».

Пять поименованныхъ нами сыновей Хасанъ-Хана сдѣлались родоначальниками слѣдующихъ Туркменскихъ отраслей, отчасти пребывающихъ нынѣ въ Россіи и отдѣлившихся отъ цѣлаго Туркменскаго народа, занимающаго степи между сѣверными границами Персіи, восточнымъ берегомъ Каспія и Хивинскимъ владѣніемъ, а также на пустыняхъ, отдѣляющихъ Хиву отъ Бухары и, наконецъ, въ восточныхъ предѣлахъ Персіи и въ сѣверо-западномъ Афганистанѣ. Всѣхъ же Туркменскихъ колѣнъ считается двѣнадцать: шесть колѣнъ **Сеильхановъ** и шесть колѣнъ **Хасяновъ**.

А. Первый родъ — **Абдальскій**, принявшій себѣ въ тамгу *ай*, то-есть «полумѣсяцъ». Родъ этотъ развѣтвился на четыре отдѣленія: 1. **Дали**, 2. **Курбанъ**, 3. **Угры** или **Огры**, и 4. **Менглиходжа**.

Туркмены этихъ четырехъ отдѣленій, по исчисленію, сдѣланному въ 1849 году, состояли изъ 1,065 душъ обоего пола, 574 мущинъ и 491 женщины. Восемьдесятъ кибитокъ ихъ живутъ постоянно въ самой Астрахани и около нее, а остальные, по мнѣнію собствен-

ныхъ дачь, нанимаютъ землю у Кундровскихъ-Татаръ и у береговыхъ владѣльцевъ.

Б. Вторая отрасль «Хасянскихъ-людей» носитъ названіе Игдыръ; тамга Игдыровъ нѣсколько схожа съ Греческою буквою ξ и выражаетъ собою змѣя, а потому и называется *джиланъ*, «змѣй».

Родъ этотъ развѣтвился на четыре отдѣленія:

1. Махмудъ, въ свою очередь, развѣтвившееся на пять подотдѣленій: а) Махмудъ, б) Тебѐрь или Тебы́ръ, в) Кулдаглы́, г) Дёзмышъ и д) Казайяклы̀.

Отдѣленія Дёзмышъ и Кулдаглы усвоили себѣ особенную тамгу, схожую съ буквою П, именуемую *босагà*, по-Русски «порогъ»; а отдѣленіе Казайяклы имѣетъ свою собственную тамгу, называющуюся *казайяклы*, чтò значитъ «гусиная лапа». Тамга эта чертится такъ, какъ ее начертилъ бы каждый неумѣющій рисовать: двѣ черты приставленныя къ третьей длинной чертѣ съ двухъ ея боковъ (ᛯ). Тамга первыхъ двухъ подотдѣленій — *джиланъ*.

2. Кёкъ. Принадлежащіе къ этой вѣтви Туркмены называются Коклѐръ; тамга ихъ Татарская буква *далъ*, по начертанію нѣсколько схожая съ нижнею половиною буквы З, въ скорописи.

3. Яхшыходжа; тамга его также — *далъ*.

4. Кыргызъ — вновь образовавшееся отдѣленіе, чрезъ присоединеніе къ Игдырамъ добровольно примкнувшихъ къ нимъ Киргизовъ.

Части отраслей Коклеръ и Яхшыходжа, и вѣтвей Махмудъ и Тебыръ, въ числѣ 264 душъ мужескаго и 231 души женскаго пола (по счисленію 1849 года), кочуютъ вмѣстѣ съ Кундровскими-Татарами, за исключеніемъ пяти семей, постоянно живущихъ въ самой Астрахани. Другіе же Игдырскіе родовичи, какъ-то—Махмудъ, Тебыръ, Кулдаглы, Дёзмышъ, Казайяклы, Коклѐръ, Яхшыходжа и Киргызъ, принадлежатъ къ старымъ переселенцамъ, и въ количествѣ, не приведенномъ еще въ совершенную точность, кочуютъ по рѣкѣ Кумѣ.

В. Третій родъ потомковъ Хасанъ-Хана называется Чаудуръ. Онъ самый многочисленный; кочуетъ непосредственно по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, гдѣ и Игдыръ, предшествуя сему послѣднему на разстояніи верстъ двадцати. Лѣтомъ Чаудуры пребываютъ по самому Калаусу, на Курбунъ-Джилга̀, Мекё и другимъ и достигаютъ до возвышенностей Эргенѐ; а зимуютъ на правомъ берегу Кумы, откуда къ веснѣ и идутъ на Калаусъ, черезъ Манычъ. На самой Кумѣ, на лѣто они не остаются, потому-что оводъ и комары водятся здѣсь въ такомъ страшномъ количествѣ, что вытерпѣть ихъ нападенія нѣтъ силъ ни человѣку, ни животному.

Нѣкоторая часть Чаудуровъ, состоявшая, по счету, сдѣланному въ 1851 году, изъ 122 кибитокъ, или изъ 381 души мужескаго и 252 душъ женскаго пола, съ давнихъ временъ разбрелась по разнымъ мѣстамъ Низовой-Сторо-

ны: такъ, на-примѣръ, 23 кибитки живутъ въ самой Астрахани и въ Царевской слободѣ Юртовскихъ-Татаръ; 37 кибитокъ расположились на Калмыцкомъ-Базарѣ; 14 кибитокъ близъ селенія Юртовскихъ - Татаръ — Солянки; 34 кибитки расположились близъ Кучерганскаго селенія Казанскихъ - Татаръ вокругъ *аульа*, то-есть могилы Татарскаго святоши; 7 кибитокъ нашли пріютъ у Карагашей; такое-же число разбрелось по разнымъ урочищамъ къ самой Волгѣ.

Всѣ Чаудуры принадлежатъ къ старымъ переселенцамъ и между такъ-называемыми «Мангышлацкими-Туркменами» нѣтъ ни одного Чаудура.

Отрасль эта развѣтвилась на шесть отдѣленій:

1. Себè, усвоившая себѣ тамгой *камши*, «плеть», которая обозначается простою чертою;

2. Шакшакъ; его тамга — *чёмышъ*, «ковшъ» съ прямой ручкой;

3. Секё или Сокò; одна половина этого отдѣленія имѣетъ тамгой — «ковшъ», безъ ручки, обозначаемый простымъ кружкомъ (O); у другой половины, тамга—*чагаракъ*, «крестъ», изображающій перекрестину кибиточныхъ жердей (+);

4. Калымъ; его тамга — «плеть»;

5. Алабашъ и 6. Егѐтъ } тамга — «крестъ».

Г. Четвертый родъ есть Бозаджи̂, или какъ Русскіе по-просту ихъ называютъ Безошины;

ихъ всего 140 душъ обоего пола, каждаго поровну, по исчисленію, произведенному въ 1849 году. Бозаджй принадлежатъ къ новымъ переселенцамъ, то-есть собственно къ «Мангышлацкимъ-Туркменамъ»; почти всѣ они кочуютъ на дачахъ Кундровскихъ-Татаръ и только семей пять живетъ въ самой Астрахани.

У Бозаджи два отдѣленія: 1. Кумечй и 2. Керсенчй; общая тамга ихъ—*ай*, «полумѣсяцъ».

Въ настоящее время, между «Туркменами Кавказскаго Вѣдомства» названія этого рода нѣтъ; но оно было прежде, и родичи Бозаджи были въ числѣ старыхъ Туркменскихъ переселенцевъ. Дѣло въ томъ, что они уже въ Россіи, по необъясненной пока причинѣ, сами переименовали себя именемъ, котораго не встрѣчается у коренныхъ, дальнихъ Туркменовъ. Они назвались Сююнджіаджй, оставивъ неизмѣнною прежнюю тамгу—«полумѣсяцъ».

Кавказскіе-Туркмены рода Сююнджіаджи имѣютъ шесть отдѣленій: 1. Дурдакъ, 2. Абліяминъ, 3. Токузуюлъ, 4. Суюндукъ, 5. Гаппаръ и 6. Дезмышъ.

Д. Пятый родъ «Хасянскихъ-людей» есть Бурунджукъ, весьма немногочисленный, примкнувшій къ Абдальцамъ, состоящій съ ними въ общемъ счетѣ, съ общей тамгой и вмѣстѣ съ ними кочующій на земляхъ Кундровскихъ-Татаръ.

Прежніе переселенцы, то-есть «Туркмены Кавказскаго Вѣдомства», о поводахъ прибытія

своего въ Россію, въ одномъ изъ документовъ, относящихся къ 1829 году, разсказываютъ такимъ образомъ, разумѣется съ нѣкоторыми прикрасами о своемъ могуществѣ и съ замѣною именъ преемницъ Петра-Великаго, именемъ самаго Петра—что̀ надобно отнести къ лицу Русскаго сочинителя этого документа:

«Поколѣніе Туркменъ происходитъ отъ сильнѣйшаго народа, кочевавшаго въ первой половинѣ XVII столѣтія около Бухары и Хивы. Обитаніе ихъ въ семъ мѣстѣ конечно бы упрочилось на долгія времена, ежели бы въ то время имя Персидскаго шаха, Надира, не устрашало нашихъ предковъ. Турьменскій народъ, сколько ни былъ онъ въ то время силенъ и многолюденъ, имѣя у себя непобѣдимую конницу и многочисленное войско, однакожь, не желая сопротивляться Надиру-Шаху, удалился съ 300,000 (!) кибитокъ въ степь Мангышлацкую, почитая эти мѣста древнимъ своимъ кочевьемъ.

«Прибывъ сюда, Туркмены «просили пособія въ хлѣбѣ изъ Астрахани», откуда и былъ въ то время отправленъ съ мукою корабль (въ Астрахани, подъ «кораблемъ» разумѣютъ всякое большое торговое мореходное судно, большую расшиву). Пособіе это Русскаго Начальства вселило въ сердцахъ Туркменовъ такую благодарность къ Русской Державѣ, что они рѣшились отдѣлиться отъ своихъ соплеменниковъ и отдаться въ подданство Петра-Великаго.

«Двѣсти кибитокъ Игдыровъ, Чаудуровъ и Безошиновъ перешли съ Мангышлака въ Астрахань, гдѣ, по Царскому указу, и подпали власти Аюки-Хана.»

По новѣйшимъ разсказамъ Туркменскихъ стариковъ, происшествіе это объясняется нѣсколько проще. Они говорятъ, что торговцы Туркменскіе часто бывали въ Астрахани и сами по себѣ, и съ Хивинскими караванами. Однажды прибыли они въ Астрахань въ то самое время, когда здѣсь былъ Петръ-Великій и готовился къ морской кампаніи 1722 года. Прогуливаясь въ окрестностяхъ Астрахани, Государь посѣтилъ кибитки Мангышлацкихъ купцовъ, самъ распрашивалъ ихъ о восточномъ прибрежьѣ Каспія и, принявъ отъ нихъ небольшое угощеніе, состоявшее изъ плова и баранины, записалъ себѣ на память имена тѣхъ, кто оказалъ ему знаки гостепріимства. Когда купцы отбыли обратно на Мангышлакъ, Петръ-Великій велѣлъ, слѣдующей весной, отправить на суднѣ на Мангышлакъ двѣсти кулей пшеничной муки и раздать ихъ именно тѣмъ извѣстнымъ лицамъ, которые въ Астрахани раздѣлили свой обѣдъ съ Русскимъ Царемъ. Царская милость такъ подѣйствовала на мирныхъ пастырей, что они стали разсуждать объ Россіи, которая, вѣрно, очень богата, если Царь ея даже къ чужимъ народамъ такъ милостивъ, и рѣшили тѣмъ, чтобъ съ безплодныхъ береговъ Каспійскаго-Прибрежья пере-

кочевать на зеленые Волжскіе луга. Здѣсь ихъ подчинили власти Аюки-Хана.

Иные разсказываютъ еще проще и еще правдоподобнѣе. По ихъ словамъ, Аюкины Калмыки, по Царскому указу, служили прикрытіемъ отряду, сопровождавшему Бековича въ Хиву. Аюка, отличавшійся воинственнымъ духомъ и непомѣрнымъ самолюбіемъ, старался заводить ссоры со всѣми окружными племенами и, подъ видомъ услугъ Россіи, обвинялъ ихъ въ непокорности, дѣлалъ на нихъ нападенія, отнималъ скотъ и налагалъ дань для собственной своей казны и, между прочимъ, старался перемѣшать разныя иноплеменныя поколѣнія съ подвластными себѣ Калмыками. Аюкинскіе Калмыки, возвращаясь ни съ чѣмъ отъ береговъ Аму-Дарьи и претерпѣвая нужду, зашли на Мангышлакъ, сдѣлали нападеніе на тамошнихъ Туркменовъ, заполонили у нихъ 380 кибитокъ, увлекли съ собою и, черезъ Эмбу и Уралъ, пригнали ихъ въ Нарынъ-Пески, гдѣ была лѣтняя Аюки - Ханова ставка.

Что здѣсь именно была главная лѣтняя ставка Аюки, въ томъ свидѣтельствуютъ слова одного Китайца, бывшаго лѣтомъ у Аюки въ качествѣ посланника отъ Богдохана. Китаецъ этотъ, по переводу Россохина, говоритъ, что ставка Аюки, въ отношеніи къ Саратову, приходилась на юго-востокъ; съ запада и съ сѣвера течетъ Болга или Эдзиль (Волга), съ востока Дзай (Джайякъ, Яикъ, Уралъ), съ юга

Тенгисъ (море); на другомъ берегу Эдзила за Саратовомъ, города — Сира-Камуси, Сарицы, Гарасъ-нойоръ, Шоръ-нойоръ и Астрахань, въ которыхъ немудрено узнать Камышинъ, Царицынъ, Красный-Яръ, Черный-Яръ и Астрахань.

Проводя лѣто въ Нарынъ-Пескахъ, Туркмены на зиму перекочевывали на рѣку Куму. Когда Калмыки замыслили, въ 1770 году, откочевку въ Монголію и стали перебираться за Уралъ, то Туркмены, пребывая на Кумѣ, тамъ и остались въ полномъ своемъ составѣ, за исключеніемъ тѣхъ только 80 кибитокъ, которыя, черезъ семь лѣтъ послѣ прибытія своего съ Калмыками въ Нарынъ-Пески, снова перебрались на Мангышлакъ.

Съ 1825 года, Туркмены эти совершенно отдѣлены отъ Калмыковъ и подчинены, вмѣстѣ съ другими народами, говорящими Тюркскимъ нарѣчіемъ, особому учрежденію — такъ-называемому Главному Управленію Мухаммеданскихъ Народовъ.

Вотъ все, что мы, въ настоящихъ обстоятельствахъ, можемъ сказать о старыхъ Туркменскихъ переселенцахъ. Что касается до новыхъ переселенцевъ, то изъ собственныхъ ихъ разсказовъ и обнародованныхъ грамотъ можно вывести слѣдующее:

Когда Киргизы, придвигаясь все далѣе и далѣе къ западу и распространяя свои кочевья по степи, достигли Устюрта и спустились съ него въ Атрау, то, естественнымъ

образомъ, положеніе Туркменовъ не могло не казаться стѣсненнымъ; стѣсненіе это еще болѣе сдѣлалось чувствительнымъ, когда, кромѣ нападокъ со стороны Киргизовъ, Туркменовъ стали преслѣдовать и Хивинцы, и налагать на нихъ «закятъ».

Кочевавшіе по Мангышлаку «Хасянскіе-люди» и отъ своей братьи, возвратившихся изъ Россіи Туркменъ, и отъ Русскихъ торговцевъ набрались разныхъ слуховъ о той цѣнѣ, какую должно имѣть въ нашихъ глазахъ восточное прибрежье Каспія; слухи эти поддерживались и паническимъ страхомъ Хивинцевъ, чтобы Русскіе не овладѣли здѣсь какимъ-нибудь твердымъ опорнымъ пунктомъ.

Такимъ образомъ, терпя невзгоду отъ Киргизовъ, негодуя на Хивинцевъ, имѣя въ Россіи кровныхъ родичей, видя обезпеченное у насъ положеніе Мухаммеданъ и стараясь совершенно предаться Россіи, Туркмены воспользовались всѣми носившимися слухами, избрали изъ среды себя депутатовъ, по одному старшинѣ отъ каждаго рода — Дали, Курбанъ, Огры, Менглиходжа, кочевавшихъ отъ залива Сарыташъ до залива Карабугазъ.

Четыре старшины — Мулла Давлетъ-Муратъ-Ніязъ Багадуровъ, Тугунчи Кара Багадуровъ, Бегенджи Муратъ-Беевъ и Ирали Дурды Муратовъ прибыли, въ 1801 году, въ Астрахань, при Военномъ Губернаторѣ Кноррингѣ; въ февралѣ 1802 года отправлены въ Петербургъ и здѣсь, 16 апрѣля 1803 года, получили:

1) милостивую царскую граммату, которой мы здѣсь впрочемъ не выписываемъ, 2) увѣдомленіе, что Киргизскому Хану Пиръ-Гали, повелѣно «Туркменовъ оставить въ покоѣ и отнюдь непріязненности имъ никакой не оказывать», и 3) Царскіе подарки—60 аршинъ сукна разныхъ цвѣтовъ на платье, 30 аршинъ алаго сукна и 156 аршинъ атласу на бешмети, 30 аршинъ тафты на опушь и 30 аршинъ парчи на кушаки.

Послѣ этого, Туркмены возвратились въ Астрахань, а оттуда ихъ перевезли на казенный счетъ снова на Мангышлакъ, вмѣстѣ съ инженеръ-поручикомъ Лашкаревымъ, которому дано было особое порученіе касательно обозрѣнія Мангышлака и избранія мѣста, удобнаго для возведенія на немъ крѣпости, о которой Туркмены сами ходатайствовали.

Далѣе о Туркменахъ мѣстные документы не говорятъ ничего вплоть до 1811 года, когда явилось отъ Туркменъ нѣсколько депутатовъ съ просьбою дозволить имъ переселиться въ Астрахань.

При обширности скотоводства у Туркменъ, этого нельзя было иначе сдѣлать, какъ сухопутною перекочевкою ихъ съ Мангышлака на берега Ахтубы, кругомъ Мертваго-Култука; но такъ какъ подобное передвиженіе возможно въ наши времена только для немногочисленныхъ ауловъ, а не для цѣлаго племени, переселеніе же его посредствомъ перевозки вовсе несообразно съ логикой, то дѣло опять окончилось ничѣмъ.

Однакожъ, въ 1813 году, почти нечаянно появилось въ Астрахани около шести-сотъ душъ Туркменовъ обоего пола: они доставлены были сюда на двухъ мореходныхъ расшивахъ, нанятыхъ ими у купца Герасимова, производившаго на Туркменскихъ берегахъ кой-какую торговлю.

Въ 1815 году, Туркменскій старшина Ирали Дурды Муратовъ объявилъ Губернскому Начальству, что Туркменъ съ Мангышлака переселилось 220 семействъ, что всѣ они хотятъ быть подданными Россіи, и что, за неимѣніемъ собственной земли, они частію пріютились у Кундровскихъ-Татаръ, съ платою имъ за это 30 рублей асс.

Въ настоящее время эти такъ-называемые «Мангышлацкіе-Туркмены» земли не имѣютъ и никакихъ податей и повинностей въ казну не платятъ.

За кортому чужой земли Туркмены платятъ оброкъ съ каждой скотины, выпускаемой на потраву луговъ или камышей. Лѣтомъ скотъ ихъ пасется на земляхъ Кундровскихъ-Татаръ, зимой—на земляхъ Кушелева-Безбородко; плата за это обоимъ по 15 к. сер. за крупную скотину и по 3 к. сер. за мелкую, итого въ годъ—30 к. сер. съ рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ и 6 к. сер. съ козы и овцы. Само собой понятно, что подъ скотоводство Туркменамъ никто не станетъ отводить лучшихъ небезплодныхъ участковъ.

Въ 1849 году, по собраннымъ оффиціальнымъ путемъ свѣдѣніямъ, у Туркменовъ оказалось: верблюдовъ 560 головъ, лошадей 547, крупнаго рогатаго скота 667, овецъ 2,000, козъ 1,634.

По частнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1851 году, число Туркменовъ полагалось въ 500 кибитокъ; по исчисленію же, произведенному въ 1849 году, ихъ считалось 325 семействъ, въ 1,699 душъ обоего пола, 907 душъ мущинъ и 792 женщины. Если цифры эти окажутся несомнительными, то мы получимъ слѣдующіе выводы:

1) За перепускъ своего скота на земли постороннихъ владѣльцевъ, Туркмены платятъ 850 р. 24 к. сер., что̀ составляетъ по 2 р. 92 к. сер. съ семьи, или по 94 к. сер. съ души мужескаго пола—расходъ, какъ видно, весьма не тяжелый.

2) Изъ общей сложности скота, на каждое Туркменское семейство приходится по двѣ коровы, по пяти козъ и по шести овецъ и, наконецъ, по семи лошадей и по семи верблюдовъ на каждыя четыре семьи. Впрочемъ, извѣстно, что 85 Туркменскихъ семействъ рѣшительно не имѣютъ никакого скотоводства, пускаются въ музуры, въ носильщики, въ крючники, весельщики и занимаются по городамъ иными черными работами, мелочнымъ барышничествомъ и, изрѣдка, разведеніемъ бахчей, поступая за это въ половники къ Татарамъ, а иногда и изъ оброка въ 9, 10 и до 15 р. сер., смотря по степени отдаленія участка отъ города.

Въ прежнее время, Туркмены большею частію занимались торговлею; но въ-слѣдствіе неудавшихся спекуляцій, они впали въ долги, которыхъ на нихъ и считается болѣе 5,000 р. сер., подлежащихъ взысканію.

Туркмены — роста средняго, сложенія крѣпкаго. Лица ихъ, отъ смѣшенія съ Калмыками, утратили правильность очертаній: они скуласты; загаръ лица еще больше усиливаетъ темный цвѣтъ его кожи. Бороды у нихъ короткія, волосы черные; глаза черные, открытые и быстрые.

Въ отношеніи суда и расправы, Астраханскіе-Туркмены вѣрны своимъ патріархальнымъ началамъ и управляются по числу родовъ и главнѣйшихъ ихъ отдѣленій, шестью старшинами, которые судятъ своихъ сородичей въ малыхъ винахъ — по согласію общества, въ большихъ — по Корану, а за повтореніе проступка — строже и чувствительнѣе. Старшины эти никакихъ исключительныхъ политическихъ правъ предъ другими не имѣютъ, кромѣ права на почтеніе и уваженіе ихъ сѣдинъ, опытности и мудрыхъ рѣшеній; но поборами не пользуются никакими.

Туркмены, во все время пребыванія въ Россіи, съ честію поддерживаютъ репутацію народа кроткаго и правдиваго; по тщательно собраннымъ за послѣднія десять лѣтъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, о Туркменахъ не возникало никакихъ дѣлъ ни по преступленіямъ, ни даже по проступкамъ.

Всѣ Туркмены—Сунниты; мечетей у нихъ нѣтъ, но муллы, какъ и вездѣ, есть; правиламъ вѣры они наставляются у муллъ Киргизовъ Внутренней-Орды; грамотность между Туркменами развита весьма мало.

Мущины волосы брѣютъ; на головахъ носятъ Астраханскіе-Туркмены остроконечные «тюбетеи», а Кавказскіе—тюбетеи полушаріемъ изъ пестрыхъ шелковыхъ матерій. Шапки у нихъ высокія, мерлушчатыя, съ раструбомъ наверху и съ небольшимъ темнымъ, а иногда цвѣтнымъ суконнымъ выпускомъ; зимою шапки замѣняются Киргизскими малахаями.

На ноги сверхъ *чулгау*, или онучь, Туркмены надѣваютъ конёвьи ичиги безъ подошвъ; а на нихъ—остроконечные башмаки съ савровыми задками.

Кульмякъ, или рубаха, у нихъ, какъ у всѣхъ коренныхъ степняковъ, отличается отъ обыкновенной длинной Татарской рубахи тѣмъ: 1) что она коротка и едва доходитъ за три пальца ниже пояса; 2) она шьется на-манеръ халата, съ полами, которыя и запахиваются одна на другую; 3) бываетъ исключительно бѣлаго цвѣта и 4) изрѣдка длинные и отложные воротнички ея обшиваются по краямъ разноцвѣтными шелками.

Поверхъ рубахи надѣваютъ Туркмены полукафтанья—нанковыя, китайчатыя, шелковыя, а зимой и суконныя; полукафтанья эти не прикрываютъ груди, а стягиваются только почти у пояса маленькими шелковыми круглыми пу-

говками. На полукафтанье надѣвается простой Хивинскій бумажный халатъ, стягиваемый кушакомъ, за который непремѣнно затыкается съ правой стороны носовой платокъ; сверхъ него надѣвается другой халатъ, получше перваго, въ торжественные случаи—полушелковый. Въ зимнее время надѣваютъ: богатые—суконный *чапанъ*, подбитый мѣхомъ, а люди обыкновеннаго достатка—бараній полушубокъ домашней работы.

Воинскій нарядъ Туркменовъ совершенно вывелся у нихъ изъ употребленія; его составляли, въ старые годы, слѣдующія принадлежности: 1) *тулга́*—желѣзный или стальной шишакъ, схожій съ Башкирскимъ, безъ забрала и съ мягкими козырькомъ, задкомъ и наушниками; 2) *чарайна́* — металлическій нагрудникъ; 3) *саутъ*—обыкновенная кольчуга съ короткими рукавами; 4) *клышъ* — сабля; 5) *са́лдакъ* — сайдакъ, то-есть лукъ и колчанъ со стрѣлами, и 6) *найза́* — длинное копье съ четырехграннымъ желѣзомъ на обоихъ концахъ, съ одного—острое, съ другаго—тупое.

Женскій полъ у Туркменовъ пользуется тою же свободою обращенія, какою отличаются женщины у Киргизовъ и Калмыковъ: онѣ не прячутся отъ мущинъ, не скрываютъ лицъ подъ чадрами и не уклоняются отъ разговоровъ и даже отъ шутокъ съ посторонними.

Нарядъ женщинъ, кромѣ широкихъ синихъ или красныхъ шальваръ, онучь и маг-

кихъ безъ подошвъ сапоговъ, состоитъ изъ простой полушелковой, краснаго или желтаго цвѣта, рубахи (*куйльякъ*) и бумажнаго Хивинскаго халата, полы котораго стачиваются иногда вмѣстѣ. Халатъ этотъ у пожилыхъ женщинъ, но не у дѣвицъ или у молодыхъ бабъ, обвязывается бѣлымъ кушакомъ изъ грубаго бумажнаго полотна.

Волосы убираются различно. Дѣвицы поверхъ платья выпускаютъ три длинныя плетеныя косы, украшенныя разными блестящими привѣсками; молодыя бабы, не имѣвшія еще дѣтей, а иногда и такія, у которыхъ есть одинъ ребенокъ, но которыя за красоту свою не принуждены заниматься исключительно только однимъ хозяйствомъ, распускаютъ, по примѣру Калмычекъ, двѣ косы не на спину, а напередъ, черезъ плечи, по одной косѣ на сторону; у женщинъ, отжившихъ время заботиться только о нарядахъ, волосы не заплетаются, а просто распускаются подъ «тастаромъ».

Тастаръ есть бѣлое кисейное покрывало, которое надѣвается на голову и, окутывая шею и верхнюю половину стана, спускается сзади почти до самаго подола.

Сверхъ «тастара», женщины носятъ на головѣ *селаучь*: это небольшой закругленный со всѣхъ сторонъ лоскутъ краснаго сукна, вышитый разноцвѣтными шелками подъ прихотливые узоры, отороченный желтымъ или синимъ сукномъ, или полоскою мѣха и, посред-

ствомъ подшитыхъ къ нему цвѣтныхъ тесемокъ, подвязываемый у подбородка.

Сверхъ «селауча» надѣвается *буркъ* или *бюркъ*, «шапка». Шапка эта миніатюрная, круглая, обшитая выдровымъ мѣхомъ съ такими же наушниками, которые, глядя по погодѣ, могутъ быть подвязаны къ задку. Шапка эта, какъ и «селаучь», дѣлается изъ краснаго сукна и украшается различными узорами изъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ снурковъ.

Дѣвицы этихъ двухъ головныхъ уборовъ не надѣваютъ, а вмѣсто ихъ употребляютъ калпаки, или легкіе бѣлые, изъ самой тонкой и чистой кошмы, или обыкновенные Татарскіе шелковые, которые носятся на такой же образецъ, какъ носятъ Испанцы свои длинныя сѣтки.

Въ послѣднее время, Туркменскія женщины переняли отъ Астраханскихъ Татарокъ обычай накрываться халатомъ, для чего и просовываютъ голову въ одинъ рукавъ; впрочемъ, лицъ своихъ отъ неправовѣрныхъ онѣ полой не застѣняютъ.

Въ зимнее время, Туркменки носятъ шубы, крытыя шелковой матеріей.

Носовой бумажный платокъ въ рукахъ есть необходимая принадлежность каждой, понимающей приличія, Туркменки.

Дѣвицамъ, или очень еще молодымъ женщинамъ, предоставляется придавать своей красотѣ блескъ разными средствами; но сурьмой и румянами натираются всѣ безъ исключенія.

Серьги въ ушахъ, въ одномъ или въ обоихъ, носятъ однѣ только дѣвицы; кольцо или серьгу въ ноздрѣ носятъ и дѣвицы и молодыя бабы, также какъ и браслеты, перстни и кольца.

Женскія рубахи совершенно походятъ на мужскія; но воротнички застегиваются мелкою серебряною монетою, привѣшиваемою къ вершинкѣ одной полы въ родѣ пуговицы. Носятъ также подъ халатами коротенькіе, схожіе съ мужскими, кафтанчики.

Въ-теченіе тридцатилѣтняго своего пребыванія въ Россіи, «Мангышлацкіе-Туркмены» до такой степени сблизились съ Кундровскими-Татарами, что теперь очень трудно найти различіе между ними во всемъ, чтò касается образа жизни, занятій, нравовъ и обычаевъ.

IX.

КИРГИЗЫ ВНУТРЕННЕЙ-ОРДЫ.

Киргизы, или—какъ они сами себя называютъ—*Каза́къ*, издавна, по-крайней-мѣрѣ по слухамъ, были извѣстны Русскому Правительству. Еще во времена Грознаго, у насъ знали про нихъ, и около 1570 года слышали, что у Кучума-Царя съ Казацкимъ-Царемъ война была; во время составленія Книги Большому Чертежу, писали, что Казацкая Кочевая Орда да Калмыки занимали стойбищами своими пространства между рѣками Кендерликомъ и Сары-су; во времена посольствъ къ Алтыну-Хану, Русскіе встрѣчались съ Киргизами въ верховьяхъ Енисея, Оби и Иртыша.

Киргизы стали подаваться оттуда далѣе и далѣе къ западу и, наконецъ, заняли своими кочевьями все пространство отъ верховьевъ Иртыша до восточныхъ береговъ Каспійскаго-Моря.

Киргизы раздѣлялись прежде на три отдѣльныя отрасли, *джюзъ*, «сотни». Одна изъ нихъ называлась *Улу́-джюзъ*, что̀ мы передѣлали въ «Большую-Орду», хотя собственно слово «орда» означаетъ только главную ставку предводителя племени; другая присвоила себѣ названіе *Урта̀-джюзъ*, что̀, по усвоеннымъ нами выраженіямъ, означаетъ «Среднюю-Орду»; третья именовалась *Кичи́-юзъ*—по нашему «Малая-Орда». Родоначальникомъ первой, по преданіямъ Киргизовъ, былъ Юйсюнъ, второй—Аргу́нъ, третьей—Альчѝнъ; всѣ трое были сыновья Алача̀-хана, перваго предводителя всѣхъ Каза̀ковъ, то-есть Киргизовъ.

Орды эти, въ прежнія времена, управлялись своими ханами. Ханъ Малой-Орды, съ подвѣдомственными ему родами, занималъ степи, лежащія по лѣвому берегу рѣки Урала, достигая въ своихъ перекочевкахъ Аральска-го̀-Моря, части владѣній Бухары и Хивы и прибрежій Каспія.

Съ давнихъ временъ, Киргизы заискивали покровительства могущественнаго Русскаго Государя; съ давнихъ временъ Правительство наше подчиняло отрасли Киргизовъ своему вліянію; но полное обладаніе Киргизами совершилось не ранѣе, какъ въ первой поло-

винѣ прошлаго столѣтія, когда сынъ Абулгазы-Султана, внукъ султана Аджи, по имени Абулхаиръ, принялъ Русское подданство и, властію нашего Правительства, возведенъ въ санъ хана Малой-Орды, Орды Зауральской. Тогда же объ этомъ присоединеніи дано знать правительствамъ сосѣдственныхъ Россіи державъ и утверждены границы Россіи до моря Аральскаго и до рѣки Сыръ-Дарьи въ оффиціальномъ атласѣ, изданномъ въ то время трудами Петербургскихъ академиковъ.

Абулхаиръ, бывшій прежде того нѣсколько времени Хивинскимъ ханомъ, управлялъ Киргизами мирно и спокойно; но послѣ именно въ 1749 году, въ-слѣдствіе раздоровъ, онъ былъ убитъ, по словамъ однихъ — Баракомъ, султаномъ Каракалпацкимъ, а по словамъ другихъ разскащиковъ — Сарымбетомъ, батыремъ Аргынскаго рода.

Бывшій прежде, короткое время, Каракалпацкимъ ханомъ, сынъ Абулхаира, Нурали, возведенъ былъ, послѣ смерти отца своего, въ званіе хана Малой Киргизской-Орды. Онъ управлялъ Ордою лѣтъ сорокъ; но потомъ, заслуживъ поведеніемъ своимъ негодованіе главнаго Оренбургскаго начальника Барона Игельштрёма, взятъ былъ въ Уфу, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ и умеръ.

По смерти Нурали, достоинство хана перешло къ брату его Эрали, управлявшему Киргизами около трехъ лѣтъ. У Нурали было много сыновей; но какъ въ достоинство

хановъ, въ прежнія времена, избирались одни султаны, то-есть «благорожденные», «бѣлая-кость», «потомки Чингиса», и избирались сначала не безъ подкуповъ, разумѣется, и не безъ интригъ, а потомъ право возведенія въ ханство принадлежало только волѣ и милостямъ Русскаго Государя, то одинъ изъ сыновей Нурали, Пиръ-Гали и не могъ питать законныхъ надеждъ на ханское званіе. Онъ предводительствовалъ года два-три Туркменскимъ народомъ и, въ званіи Туркменскаго хана, умеръ около 1805 года.

По смерти Эралй, ханскимъ званіемъ пожалованъ былъ другой сынъ Нуралй, Ишймъ; онъ правилъ Киргизами, въ зависимости отъ Оренбургскаго Начальства, только четыре года, и умеръ.

Но потомки Абулхайра съ нимъ еще не изчезли: въ живыхъ оставались сынъ Абулхаира, Айчувàкъ, и племянники его, дѣти Нуралй—Каратàй, Букей, Урмàнъ и Шигàй.

По смерти Ишима, Баронъ Игельштрёмъ хотѣлъ ходатайствовать о возведеніи въ ханское званіе Букéя Нураліева, по достоинствамъ своимъ болѣе соотвѣтствовавшаго ожиданіямъ Правительства; но Каратай, какъ старшій братъ, считалъ себя обиженнымъ, полагая, что ему слѣдуетъ быть ханомъ. Правительство милостиво взирало на преданность къ себѣ Букея; народъ былъ весьма сильно привязанъ къ этому султану, умѣвшему и передъ нимъ выказать свои доблести; но Каратая не любилъ никто

за его горячій нравъ и надменность. Каратай, вознамѣрившись, во что бы ни стало, препятствовать возвышенію младшаго брата, воспользовался дальностью своего пребыванія, заманилъ къ себѣ Букея и не выпускалъ никуда.

Такимъ образомъ, ханская вакансія досталась, въ 1798 году, престарѣлому и дряхлѣвшему уже Айчуваку, но слабосилію, старости и глухотѣ сложившему, въ послѣдствіи времени, это званіе въ пользу сына своего, Джантюря.

Всѣ эти обстоятельства сами собой указываютъ, что интриги между «султаньёмъ», какъ Русскій народъ называетъ всю породу султановъ, должны были волновать и самихъ Киргизовъ. Султаны, въ тѣ времена, имѣли огромное вліяніе на народъ, заискивали себѣ его расположеніе, льстили его наклонностямъ и дѣлались любимцами, зная, что чѣмъ обширнѣе будетъ ихъ вліяніе, чѣмъ болѣе пріобрѣтутъ они себѣ преданныхъ семействъ — тѣмъ и вещественное ихъ благосостояніе, ихъ матеріальное богатство, будутъ огромнѣе. И дѣйствительно, въ концѣ прошлаго столѣтія, степь раздиралась раздорами; убійства, а непремѣннымъ слѣдствіемъ того, и баранты, или отгоны скота за куну, за кровь, были безпрестанныя; мятежи и полный хаосъ царствовали между родичами.

Не задолго до того, именно въ началѣ семидесятыхъ годовъ, Калмыки бѣжали съ Волги въ Китай: степь, ими прежде переполненная,

теперь опросталась. Султанъ **Букей**, отличавшійся необыкновеннымъ умомъ и смѣтливостью, сталъ наводить справки о Заволжскихъ степяхъ и, въ-слѣдствіе разныхъ дружескихъ совѣтовъ и внушеній, рѣшился отдѣлиться отъ своей Орды самостоятельною отраслью и откочевать отъ нея подальше, на привольные луга Ахтубы, слава которыхъ разносилась между кочевыми племенами еще съ очень отдаленныхъ временъ. **Букей** сталъ хлопотать, просить,—и получивъ въ мартѣ 1801 года Всемилостивѣйшее разрѣшеніе грамматою Императора Павла Петровича, съ осени же, какъ обыкновенно водится, предпринялъ перекочевку за Уралъ и утвердился въ такъ-называемыхъ «Нарынъ-Пескахъ».

Мы уже замѣтили, что родоначальникомъ Киргизовъ Малой-Орды считается **Альчѝнъ**; отъ этого Альчѝна происходятъ и всѣ три отрасли Киргизовъ этой Орды. Отъ старшаго сына, котораго звали **Алѝмъ**, произошли поколѣнія Киргизовъ, по-Русски называемыхъ **Алимулѝнцами**, вмѣсто Алѝмцовъ (впрочемъ, собирательнымъ именемъ «Алимъ», Хивинцы называютъ преимущественно два рода Зауральскихъ Алимулинцовъ, именно роды Дюртъ-Карà и Чиклѝ). У средняго, котораго звали **Кыдыръ-Ходжà** и у котораго было очень много сыновей, произошла отрасль **Байулѝнцевъ**, «**Байулъ**» (*бай*, по-Тюркски, «богатый», а *улъ* значитъ, говорятъ, «сынъ»). У меньшаго Альчинова сына, **Каракатыша**, было семь сы-

новей, сдѣлавшихся, въ свою очередь, родоначальниками, и потому племя его именуется «Семиродскимъ», по-Киргизски *Джиди-уругъ*. Каждое изъ этихъ поколѣній раздѣлялось на нѣсколько родовъ, имѣвшихъ собственную свою тамгу и уранъ, или условный воинскій кликъ: но здѣсь мы объ этомъ не распространяемся, предоставляя себѣ подробное разъясненіе всего въ другомъ трудѣ. Каждый родъ Киргизскій раздѣляется на отдѣленія, а тѣ—на новыя подотдѣленія, состоящія уже изъ самыхъ близкихъ родственныхъ семей.

Эта родственная, кровная связь, между семьями подотдѣленій и цѣлаго рода развитая, искони поддерживается однородцами и особенно одноотдѣленцами: здѣсь уже частный произволъ уступаетъ мѣсто волѣ общества и лице главы семейства, какъ гражданина, совершенно уничтожается передъ идеею рода, какъ лица юридическаго.

Стало-быть, намъ будетъ понятно, почему за султаномъ Букеемъ, изъ Зауральской-Степи, послѣдовали въ степь Заволжскую осколки всѣхъ отраслей Киргизовъ Малой-Орды. Отъ нея отдѣлились:

1. Алимулинской отрасли Малой-Орды незначительныя части рода Кити;

2. Байулинской отрасли частя родовъ: Бершъ, Байбакты, Алача̀, Черкѐшъ, Исенъ-темиръ, Кызылкуртъ, Та̀на, Джаппа̀съ, Ада̀и, Маска̀ръ, Тазларъ и Ыссыкъ.

3. Семиродской отрасли части родовъ Табынъ, Тамà и Кердерй.

4. Родъ Ногàй, который, сколько заподлинно извѣстно, составился въ 1745–1747 годахъ, когда назначенныя, по подозрѣнію, къ переселенію на рѣку Сакмаръ къ кр. Озерной 25 семей Кундровскихъ-Татаръ (50 человѣкъ взрослыхъ мущинъ, а всего 138 душъ), бѣжали къ Киргизамъ за Уралъ. Поймать ихъ велѣно было Абулхаирову сыну, Нуралй; но тотъ сего не исполнилъ. Кундровцы примкнули къ Киргизамъ, сплотились съ ними, расплодились—и теперь это самый людный родъ между Букеевскими-Киргизами.

5. Родъ Тюлèнгютовъ, прежде составлявшихъ когорту, дворъ и прислугу хановъ и султановъ, образовался въ-послѣдствіи времени.

Кромѣ того, при Букеѣ находилось нѣсколько десятковъ кибитокъ (семей) ходжèй и султановъ безъ значенія.

Эта, вновь такимъ-образомъ сформировавшаяся Орда, въ отличіе отъ ордъ Зауральской и Сибирской, именуется—«Внутреннею», а иногда, по имени виновника ея образованія—«Букеевскою». Переселеніе Киргизовъ на новыя мѣста началось къ концу 1801 года и подкочевка новыхъ семей кончилась въ 1803 году, хотя продолжалась и послѣ, небольшими партіями.

Букей Нураліевъ долго управлялъ своими Киргизами въ качествѣ простаго султана, не

облеченнаго никакимъ высшимъ званіемъ, и только въ 1812 году Монаршими щедротами возведенъ въ достоинство хана.

Букей умеръ въ 1815 году; послѣ него, простымъ правителемъ Орды былъ братъ его, Шигай, а въ 1824 году, въ-слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, званіемъ хана Внутренней-Орды облеченъ былъ сынъ Букея, Джангеръ, умершій въ 1845 году и заключившій собою недлинный рядъ хановъ Заволжскихъ Киргизовъ, которые теперь управляются особымъ учрежденіемъ и, въ-слѣдствіе условій мѣстности, а также продолжительнаго подготовленія къ новой жизни и усвоенія себѣ началъ общаго въ Имперіи Управленія, могутъ быть совершенно сравнены, въ этомъ отношеніи, съ прочими кочевыми племенами Низовой-Стороны.

Руководствуясь частію собственными записками покойнаго Джангера, а частію устными разсказами знающихъ людей, мы можемъ еще прибавить слѣдующее.

Число кибитокъ въ Ордѣ въ 1803 году достигло до 7,500, говоритъ Джангеръ. Съ 1801 по 1803 годъ изъ Киргизовъ Малой-Орды, преданныхъ Букею, какъ старшему и важнѣйшему изъ дѣтей Нурали-хана, эти 7,500 кибитокъ составляли только часть: весьма многіе султаны, старшины и Киргизы, принадлежавшіе къ тѣмъ же родамъ, изъ которыхъ составилась и Орда-Внутренняя, и къ нѣкоторымъ другимъ — оставались за Ураломъ, сохраняя прежнюю преданность, связь, пріязнь

и согласіе, непрерывавшіяся между Доуральскими и Зауральскими Киргизами. Въ-слѣдствіе этой преданности и (это вѣрнѣе всего) открывшихся во Внутренней-Ордѣ выгодъ быта, безопасности и спокойствія, хозяйства и обилія удобныхъ для скотоводства мѣстъ, Зауральскіе Киргизы ежегодно, съ 1803 по 1828 годъ, переходили изъ-за рѣки Урала въ Нарынъ-Пески, для зимовокъ и для продовольствія табуновъ и стадъ подножнымъ кормомъ.

Эти такъ-называемые «перепуски» обратились въ обыкновеніе и не обращали на себя особенной съ чьей-либо стороны зоркости, пока смуты и разныя злоупотребленія не указали на настоящій ихъ смыслъ въ отношеніи къ людямъ, могущимъ, по своему положенію, вредно дѣйствовать на миръ и тишину въ народѣ. Зауральскіе Киргизы приходили на зимовки во Внутреннюю-Орду и, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, оставались тамъ иногда совсѣмъ, на вѣчное пребываніе; а когда нѣкоторые и уходили снова за Уралъ на обыкновенныя, лѣтнія свои кочевья, то вмѣстѣ съ ними скрывались, убѣгали за Уралъ, и лица, преслѣдуемыя закономъ за зловредныя дѣянія. Въ-слѣдствіе разныхъ подобнаго рода событій, перепускъ скота и свободный переходъ Зауральскихъ Киргизовъ во Внутреннюю-Орду, въ 1828 году, Высочайше воспрещенъ.

Изъ этого уже видно, сколь огромное пространство степей усѣяли, такъ сказать, закрѣ-

вить за собою Букеевскіе-Киргизы; но последствія открыли, что степи эти, пожалованныя высшею властію цѣлому народу для его благосостоянія, обратились какъ бы въ личную собственность самого хана. Онъ не дѣлилъ землю, какъ должно между Киргизами водиться, между родами поровну, а самъ жаловалъ ее (изъ-за матеріальнаго ли вознагражденія, или за особенныя послуги — неизвѣстно) Киргизскимъ родамъ, своимъ приближеннымъ и родственникамъ и султанамъ, по собственному своему благоусмотрѣнію. Такимъ образомъ, лучшими землями и въ бо̀льшемъ количествѣ, онъ или лично самъ пользовался, или наградилъ своихъ приближенныхъ, или надѣлилъ родъ Ногай, къ которому, несмотря на его не-Киргизское происхожденіе, ханъ весьма благоволилъ, или переуступилъ неравномѣрно другимъ родамъ: и въ-слѣдствіе такихъ-то распоряженій открылось, что нѣкоторые роды до такой степени стѣснены были въ поземельныхъ угодьяхъ, что бѣднымъ Киргизамъ рѣшительно негдѣ стало пасти свои стада и они начали искать убѣжища и пріюта у сосѣднихъ владѣльцевъ.

Умолчавъ объ этой основной причинѣ, ханъ Джангеръ писалъ, однакожь, въ своихъ запискахъ, слѣдующія весьма любопытныя вещи.

Отъ шести до семи тысячь кибитокъ, со скотомъ отъ шести-сотъ до семи-сотъ тысячь головъ, не имѣютъ мѣста на земляхъ, Ордѣ

назначенныхъ, и зимуютъ на прибрежьѣ Каспійскаго-Моря, въ дачахъ наслѣдниковъ Князя Юсупова и Безбородки, гдѣ низменности, покрытыя камышомъ, и бугры, покрытые довольно хорошими травами, представляютъ единственныя мѣста для убѣжища имъ самимъ и для сохраненія и продовольствія скота. Съ 1801 года, Киргизы имѣли тамъ свои зимовки на всемъ протяженіи прибрежья, какъ на пространствѣ никѣмъ не заселенномъ, не занятомъ никакимъ хозяйственнымъ заведеніемъ и никому не нужномъ; но съ 1834 года, послѣ возникшихъ со стороны мѣстныхъ владѣльцевъ требованій объ удаленіи оттуда Киргизовъ, мѣста эти, столь же, какъ и прежде, свободныя, отдаются Киргизамъ, во-первыхъ — по контрактамъ съ ханомъ за ежегодную оброчную плату, а во-вторыхъ — по особымъ, со стороны управляющихъ тѣми имѣніями, условіямъ, у одного — за извѣстную сумму денегъ, у другаго — за накошеніе ста-тысячь сноповъ камыша, свозъ его на ватаги и за возку туда же владѣльческаго сѣна. Ежегодно, по неимѣнію мѣста въ Ордѣ, отъ пятидесяти до ста тысячь лошадей «тебенюетъ» (пасется зимой на подножномъ корму) на чужихъ земляхъ Царевскаго и Новоузенскаго уѣзда и, кромѣ того, множество скота ищетъ зимняго пристанища и корма на земляхъ Уральскаго Казачьяго Войска, съ платою по полтинѣ мѣди съ лошади, по двугривенному съ верблюда и по гривнѣ съ барана..

Всѣ эти обстоятельства, скрываемыя годами, приведены были наконецъ въ извѣстность, и мѣры къ прочному благосостоянію народа приняты были несомнѣнныя.

Уничтоженіе ханской власти тѣмъ болѣе обѣщаетъ выгодъ народу, что въ прежніе годы ханы эти, въ тишинѣ своей дали, забывая милости къ нимъ Русскаго Правительства, желавшаго мира и успокоенія, нарушали внутреннюю тишину—то несвоевременными нововведеніями того, что народу рано еще было усвоивать, то большимъ укорененіемъ старыхъ золъ, нетерпимыхъ въ благоустроенныхъ обществахъ.

Подъ эту послѣднюю категорію надо подвести учрежденіе сбора, извѣстнаго подъ названіемъ «зекета» или «закята». Самъ Джангеръ говоритъ въ своихъ запискахъ, что «зекетъ есть принадлежность ханскаго достоинства повсюду, гдѣ только Киргизскій народъ имѣетъ хановъ». Но каждый, сколько нибудь знакомый съ нашимъ Востокомъ, знаетъ, что сборъ этотъ—неважный, кажется, по количеству (онъ составляетъ $2^1/_2$ процента натурою, или деньгами, съ движимаго имущества)—чрезвычайно важенъ по идеѣ. Зекетъ выражаетъ собою—«подать»; лицо, получающее зекетъ на свое имя, считается верховнымъ повелителемъ въ отношеніи къ тѣмъ, кто зекетъ этотъ платитъ: стало быть, Джангеръ, въ глазахъ своихъ Киргизовъ, считался не подданнымъ, не простымъ правителемъ, и

владѣтельною особою. Туже мысль выражаетъ и утвержденіе имъ, отъ своего же лица муллъ въ ихъ должностяхъ, тогда какъ на этотъ предметъ Правительство наше установило особую власть — мухаммеданскаго муфтія. Но всѣ эти упущенія, относащіяся къ давнопрошедшему времени, заблаговременно были прекращены, и теперь Правительство руководитъ судьбами Киргизскаго народа и ведетъ его, по пути мира, тишины и спокойствія, къ прочному благоденствію.

Несмотря на кочевой бытъ Киргизовъ, у нихъ уже давно сдѣланы начатки къ осѣдлости. Поводомъ къ этому было слѣдующее обстоятельство.

Въ 1824 году, Джангеръ вступилъ въ брачное сожитіе съ дѣвицею мухаммеданскаго исповѣданія, но возросшею въ образованномъ обществѣ. Это была Фатьма̀, дочь тогдашняго Оренбургскаго муфтія. Молодые супруги весело проводили лѣтніе мѣсяцы въ кибиткѣ, подъ чистымъ степнымъ небомъ; но зима, которую Фатьма провела близь Ходжетай, деревни Кундровскихъ-Татаръ, и опять-таки въ кибиткѣ, едвали показалась ханьшѣ, привыкшей, въ отцовскомъ домѣ, ко всѣмъ удобствамъ порядочныхъ квартиръ, сколько-нибудь сносною. Въ 1825 году, Джангеръ уѣхалъ въ Петербургъ одинъ и выхлопоталъ себѣ, отъ Монаршихъ щедротъ, весьма значительное пособіе, и на это-то пособіе Джангеръ и

поставилъ себѣ въ Нарынъ-Пескахъ сначала небольшой домикъ, а потомъ, выбравъ другое, удобнѣйшее мѣсто, нѣсколько восточнѣе прежняго, выстроилъ уже большой деревянный домъ. Примѣру хана послѣдовали приближенные къ нему богачи и султаны, и эта-то купа домовъ (въ точномъ значеніи слова «Ордà») и получила названіе «Ставки» или «Ханской-Ставки»; а такъ какъ теперь хановъ нѣтъ, и между тѣмъ новые дома почти ежегодно пристраиваютъ, то селеніе это нынѣ просто называется «селеніе», или «сельцо Ставка». На Волгѣ есть сельцо «Тюменевка», такимъ-же образомъ выстроенное Калмыцкимъ Хошоутовскимъ владѣльцемъ Княземъ Тюменевымъ, на принадлежащей ему въ собственность землѣ; но Джангерову ставку «Джангеровкой» называть уже не приходится, во-первыхъ потому, что селеніе это, выстроенное на государственной землѣ, составляетъ достояніе Государственныхъ Имуществъ, а во-вторыхъ и потому, что названіе «ставки» чрезвычайно выразительно указываетъ на сосредоточеніе здѣсь главнаго мѣстнаго управленія, мѣсто общаго съѣзда всѣхъ родоправителей для отчетности.

Какъ обитатели большихъ городовъ зиму проводятъ на постоянныхъ своихъ квартирахъ, а на лѣто переселяются въ деревни, или на дачи, точно такъ и кочевыя племена имѣютъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, два главныя мѣстопребыванія — лѣтнее и зимнее. И у Джангера, поэтому, были двѣ вы-

строенныя домами, ставки: одна — зимняя, про которую мы уже упомянули, а другая — лѣтняя, на рѣкѣ Торгунѣ, выстроенная около 1841 года. Но такъ какъ кочевнику гораздо отраднѣе, удобнѣе и здоровѣе проводить лѣто въ кибиткѣ, нежели въ стѣнахъ закупоренннаго зданія, то, весьма естественно, на рѣкѣ Торгунѣ Киргизы не спѣшили обстраиваться домами. Тамъ, говорятъ, не болѣе десяти домовъ, выстроенныхъ безъ печей и на скорую руку, между-тѣмъ какъ въ главной ставкѣ насчитываютъ до сотни — и хорошо выстроенныхъ — домовъ и мазанокъ; кромѣ того, есть очень хорошая мечеть, множество лавокъ и кладовыхъ, а не вдалекѣ оттуда и помѣстительный каравансарай съ 360 помѣщеніями для торговцевъ товарами.

Ханъ Джангеръ, въ запискахъ своихъ, говоритъ такимъ-образомъ:

«Примѣръ, который я подалъ къ домообзаведенію, и мои личныя убѣжденія побудили родоначальниковъ и нѣкоторыхъ старшинъ къ постепенному устройству, на зимовкахъ, домовъ и землянокъ съ нѣкоторыми хозяйственными принадлежностями. При дальнѣйшихъ внушеніяхъ и убѣжденіяхъ очевидностію въ удобствѣ и пользѣ этого, Киргизы начали мало-по-малу устроивать землянки. Стремленіе къ такимъ постройкамъ, при почти всегдашнихъ зимнихъ холодахъ, развилось столь быстро, особенно въ Нарынъ-Пескахъ и по Малому-Узеню, что я самъ изумленъ былъ

многочисленностью землянокъ: число ихъ далеко заходитъ за тысячу. Каждый зажиточный Киргизъ думаетъ и старается, несмотря на трудность доставки и на дороговизну лѣса, сдѣлать себѣ землянку. Всѣ эти жилья въ Ордѣ можно раздѣлить на зимовыя ставки родоначальниковъ и зимовки старшинъ и простыхъ Киргизовъ. Первыя находятся на зимовыхъ мѣстахъ, занимаемыхъ родоначальниками, и состоятъ изъ небольшаго дома для самого родоначальника, и двухъ-трехъ землянокъ для другихъ помѣщеній и самыхъ необходимыхъ небольшихъ хозяйственныхъ построекъ. Вторыя расположены на участкахъ, назначенныхъ мною отдѣленіямъ родовъ для зимняго ихъ кочевья: эти зимовки состоятъ изъ глины и небольшихъ домовъ. На зимовки, султаны, старшины и Киргизы прикочевываютъ съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ; кто имѣетъ дома или землянки—живетъ въ нихъ, а у кого ихъ нѣтъ, тотъ по прежнему живетъ въ кибиткѣ, до наступленія теплаго весенняго времени. Съ этой поры всѣ выходятъ со скотомъ на лѣтнія пастбища, въ степь, и кочуютъ опять до осени, до холодовъ.»

Въ селеніи Ставка живетъ много наѣзжихъ промышленниковъ изъ Казаковъ, Русскихъ мѣщанъ и купцовъ или ихъ прикащиковъ, и изъ Татаръ разныхъ наименованій. Торгъ здѣсь бываетъ постоянный, хотя и мелочной; но особенно значительныя операціи происходятъ здѣсь во второй половинѣ мая, во время на-

рочно учрежденной, съ 1832 года, «весенней ярманки», называющейся такъ въ отличіе отъ ярманки «осенней», тоже бывающей въ Ставкѣ.

Киргизы торгуютъ произведеніями своего скотоводства, живымъ скотомъ и издѣліями, отъ скота получаемыми, — въ Ставкѣ круглый годъ, а временами при Елтонскомъ-Озерѣ, подъ самою Астраханью, по Уральской-Линіи, отъ Кулагинской-крѣпости до Гурьева-городка; они гоняютъ скотъ и въ Самарскую, и въ Оренбургскую губерніи и частью за Волгу; мелкое торгашество живымъ скотомъ почти круглый годъ производится и въ самыхъ кочевьяхъ: поэтому, сказать что-нибудь похожее на правду, касательно общей совокупности всѣхъ этихъ сдѣлокъ, рѣшительно не возможно, а потому мы и ограничиваемся лишь приблизительными къ истинѣ свѣдѣніями объ однихъ только ярманочныхъ оборотахъ.

На весеннюю ярманку стекается множество народа: кромѣ Татаръ и Русскихъ торговцевъ, сюда наѣзжаютъ Уральцы, Донцы, Калмыки, Армяне и Хивинцы. Въ 1845 году, этихъ пріѣзжихъ было въ Ставкѣ до тысячи человѣкъ; въ 1847—болѣе полутора тысячь, а въ 1851 — болѣе двухъ тысячь человѣкъ.

Разныхъ товаровъ, также хлѣба и живаго скота, продано было: въ 1837 году—на 235,000 р. сер.; въ 1845 — на 266,000 р. сер.; въ 1851 — болѣе-чѣмъ на милліонъ р. сер.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на привозъ хлѣба разныхъ сортовъ, какъ-то:

муки, пшена и крупъ, не считая овса, привозимаго осенью. Продано его было:

годы.		четверти.		рубли сер.	за четверть.
въ 1845,	весной			на 4,800	
— 1846,	весной	1,794	. .	— 4,664	(по 2 р. 60 к.)
		пудъ.			за пудъ.
	осенью	21,671	. .	— 5,634	(— . — 26 —)
— 1847,	весной	10,676	. .	— 3,736	(— . — 35 —)
	осенью	14,355	. .	— 4,120	(— . — 28 —)
— 1848,	весной	4,000	. .	— 1,800	(— . — 45 —)
	осенью	7,915	. .	— 4,749	(— . — 60 —)
— 1849,	весной	8,100	. .	— 4,455	(— . — 55 —)
	осенью	10,700	. .	— 4,815	(— . — 45 —)
— 1850,	весной	8,272	. .	— 4,136	(— . — 50 —)
	осенью	6,520	. .	— 3,912	(— . — 60 —)
— 1851,	весной	8,128	. .	— 4,877	(— . — 60 —)

Точно такъ же, какъ цѣны на хлѣбъ, возвысилась цѣна и на овесъ: въ 1847 году показана она въ 20 к. сер. за пудъ; въ 1849—въ 40 к. сер., а въ 1850 — въ 50 к. сер.

Кибиточныхъ жердей, въ 1845 году, продано на 2,000 р. сер., а въ 1846—1851 ихъ навезено болѣе 150,000 штукъ, съ небольшимъ на 4,000 р. сер., причемъ цѣны за одинъ годъ поставлены въ 10 р. сер., а за другой—только по 2 р. сер. за тысячу.

Что касается до живаго скота, то на ярманки его было пригнано головъ:

	1837		1847		1850	1851
	весной	осенью	весной	осенью	осенью	весной
лошадей .	492	404	697	426	750	647
рогат. скота	2,150	2,301	9,737	2,360	7,100	11,874
барановъ .	66,335	25,275	40,187	1,967	7,100	83,311
верблюдовъ	49		468			680

Цѣны на живой скотъ, въ 1851 году, были такія:

верблюдъ	отъ 15	и не дороже	25	р.	сер.
конь	. — 20	—	60	—	—
пара быковъ	.		50	—	—
корова	. — 6	—	15	—	—
бараны	. — 2	—	3	—	—

Цѣны на прочіе товары стояли:

ржаная мука 3 р. 50 к. с. } за куль въ 7 пудовъ.
пшеничная — 5 — . — — }
чай кирпичный 1 р. и 1 р. 43 к. за кирпичъ.
желѣзо . . 2 р. сер. за пудъ.
верблюжье сукно 75 и 90 к. сер. за аршинъ.
холстъ самый грубый 6 к. сер.
нанка . 13 — 15 к. сер.
ситецъ . 15 — 25 — —
плисъ . . . 23 — —

Киргизы Внутренней-Орды, рознясь отъ Зауральскихъ Киргизовъ тѣмъ, что, будучи почти отовсюду окружены Русскими, болѣе ознакомились съ нашею гражданственностью и утратили диковатость и буйную воинственность своихъ зарѣчныхъ соплеменниковъ, по наружному виду мало отъ нихъ отличаются.

Киргизы, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, въ-слѣдствіе брачныхъ сожительствъ съ сосѣдями своими, Калмыками, усвоили своему поличью Калмыцкій типъ, скуловатость и узковатость глазъ. Будучи мухаммеданами, они брѣютъ себѣ головы, отпуская бороду и усы.

Все, что намъ приводилось въ предшествовавшихъ очеркахъ говорить про наряды единовѣрцевъ ихъ, кочующихъ по степямъ лѣва-

го берега Волги, почти все это, въ равной степени, можетъ быть отнесено и къ Киргизамъ, съ весьма немногими изъятіями.

Киргизы одѣваются въ длинныя ниже колѣнъ рубахи, въ шальвары, и поверхъ всего этого носятъ халаты, одинъ или два, а иногда и три, а также и бешметы. Непремѣнные же аттрибуты каждаго Киргиза составляютъ — тюбетей, калпакъ и калта.

Настоящій киргизскій «тюбетей» есть твердая конусообразная шапка изъ краснаго сукна, обшитая по краю мѣхомъ, бобромъ или выдрой; околышъ этотъ выпускается повыше въ тѣхъ мѣстахъ, которыя приходятся надъ ухомъ. Иногда такіе тюбетеи вышиваются серебряною или золотою канителью; иногда, вмѣсто краснаго сукна, они дѣлаются изъ парчи, или изъ глазета. Люди, которымъ достатки не дозволяютъ такой роскоши, носятъ обыкновенные Татарскіе тюбетеи.

Калпакъ дѣлается изъ самаго тонкаго бѣлаго войлока, которымъ Букеевскія рукодѣльницы славятся во всей Зауральской и Сибирской степи. Кошма эта очень нѣжна и на ощупь весьма похожа на полсти, изъ которыхъ, въ старые годы, выдѣлывались у насъ пуховыя шляпы. Калпакъ шьется изъ двухъ полотнищъ войлока, выкроеннаго такимъ образомъ, что кромѣ закругленныхъ задка и передка, по сторонамъ его выдаются углами два треуха, служащія продолженіемъ полей и приходящіяся у самыхъ висковъ. Шапка эта

надѣваются на твердый тюбетей, и лунообразныя ея поля, смотря по степени силы солнечныхъ лучей, болѣе или менѣе надвигаются на брови. У султановъ, эти бѣлые калпаки также вышиваются золотомъ; богатые люди носятъ и бархатные, обшитые позументами калпаки. По дороговизнѣ тонкой бѣлой кошмы, бѣднѣйшіе Киргизы довольствуются и грубой кошмой, но все-таки бѣлаго цвѣта. Зимой, разумѣется, калпаковъ не носятъ: тогда въ дѣло идетъ уже просторный Киргизскій «малахай».

Калта есть кожаная сумка, которая непремѣнно у каждаго Киргиза привѣшена къ поясу на лѣвой сторонѣ: здѣсь хоронитъ онъ кремень, трутъ, табакъ и огниво, если вмѣсто его не служитъ особенная стальная оторочка калты. Рядомъ съ нею привѣшенъ и домашней работы ножъ на длинномъ черешкѣ, запрятанный въ твердыя кожаныя ножны.

Дѣвицы заплетаютъ волосы отъ висковъ въ мелкія косички и распускаютъ ихъ на-передъ, а сзади выпускаютъ одну косу, украсивъ ее разными блестящими привѣсками и, кромѣ того, повязываютъ голову краснымъ платкомъ, на-манеръ чалмы. Въ богатыхъ семействахъ, дочери носятъ конусообразныя шапки, отороченныя мѣхомъ.

Обыкновенный головной нарядъ у женщинъ составляютъ два большіе бѣлые платка: одинъ, спускаясь съ головы, закутываетъ шею и плечи Киргизки и скрываетъ ея волосы отъ постороннихъ взглядовъ, а другой навертывается по-

го берега Волги, почти все это, въ равной степени, можетъ быть отнесено и къ Киргизамъ, съ весьма немногими изъятіями.

Киргизы одѣваются въ длинныя ниже колѣнъ рубахи, въ шальвары, и поверхъ всего этого носятъ халаты, одинъ или два, а иногда и три, а также и бешметы. Непремѣнные же аттрибуты каждаго Киргиза составляютъ — тюбетей, калпакъ и калта.

Настоящій киргизскій «тюбетей» есть твердая конусообразная шапка изъ краснаго сукна, обшитая по краю мѣхомъ, бобромъ или выдрой; околышъ этотъ выпускается повыше въ тѣхъ мѣстахъ, которыя приходятся надъ ухомъ. Иногда такіе тюбетеи вышиваются серебряною или золотою канителью; иногда, вмѣсто краснаго сукна, они дѣлаются изъ парчи, или изъ глазета. Люди, которымъ достатки не дозволяютъ такой роскоши, носятъ обыкновенные Татарскіе тюбетеи.

Калпакъ дѣлается изъ самаго тонкаго бѣлаго войлока, которымъ Букеевскія рукодѣльницы славятся во всей Зауральской и Сибирской степи. Кошма эта очень нѣжна и на ощупь весьма похожа на полсти, изъ которыхъ, въ старые годы, выдѣлывались у насъ пуховыя шляпы. Калпакъ шьется изъ двухъ полотнищъ войлока, выкроеннаго такимъ образомъ, что кромѣ закругленныхъ задка и передка, по сторонамъ его выдаются углами два треуха, служащія продолженіемъ полей и приходящіяся у самыхъ висковъ. Шапка эта

надѣваются на твердый тюбетей, и лунообразныя ея поля, смотря по степени силы солнечныхъ лучей, болѣе или менѣе надвигаются на брови. У султановъ, эти бѣлые калпаки также вышиваются золотомъ; богатые люди носятъ и бархатные, обшитые позументами калпаки. По дороговизнѣ тонкой бѣлой кошмы, бѣднѣйшіе Киргизы довольствуются и грубой кошмой, но все-таки бѣлаго цвѣта. Зимой, разумѣется, калпаковъ не носятъ: тогда въ дѣло идетъ уже просторный Киргизскій «малахаи».

Калтà есть кожаная сумка, которая непремѣнно у каждаго Киргиза привѣшена къ поясу на лѣвой сторонѣ: здѣсь хоронитъ онъ кремень, трутъ, табакъ и огниво, если вмѣсто его не служитъ особенная стальная оторочка калты. Рядомъ съ нею привѣшенъ и домашней работы ножъ на длинномъ черешкѣ, запрятанный въ твердыя кожаныя ножны.

Дѣвицы заплетаютъ волосы отъ висковъ въ мелкія косички и распускаютъ ихъ на-передъ, а сзади выпускаютъ одну косу, украсивъ ее разными блестящими привѣсками и, кромѣ того, повязываютъ голову краснымъ платкомъ, на-манеръ чалмы. Въ богатыхъ семействахъ, дочери носятъ конусообразныя шапки, отороченныя мѣхомъ.

Обыкновенный головной нарядъ у женщинъ составляютъ два большіе бѣлые платка: одинъ, опускаясь съ головы, закутываетъ шею и плечи Киргизки и скрываетъ ея волосы отъ постороннихъ взглядовъ, а другой навертывается по-

верхъ перваго на голову и представляетъ родъ высокой шапки, сваливающейся нѣсколько на сторону, отъ грубости и тяжести матеріи сравнительно съ высотою наряда. Въ торжественныхъ случаяхъ, женщины надѣваютъ твердый калпакъ, въ формѣ усѣченнаго конуса. Онъ обшивается глазетомъ и фольгой, украшается золотыми и серебряными монетами и самоцвѣтными камнями и блещетъ разными, въ нѣсколько ярусовъ, свѣтящимися привѣсками. Къ верхней части пришивается кусокъ кисеи или тонкаго каленкора, и это покрывало спускается сзади вдоль спины, а частію падаетъ и на плечи.

Шея, руки и грудь увѣшены звонкими перстнями и ожерельями, прòнизками (стеклярусомъ), бусами, жемчугомъ и монетами. Когда знатная барыня важно выступаетъ по степи, или расхаживаетъ по кибиткѣ, то отъ твердой и увѣсистой ея поступи, шествіе ея издалека можно заслышать: разныя привѣски, металлическія бляхи и цѣпочки звонко и дружно вторятъ мѣрной ея походкѣ.

Безъ торжественныхъ калпаковъ, Киргизка свободна въ движеніяхъ и привѣтлива въ обращеніи съ мущинами. Зауральскія женщины, по патріархальности своихъ добродѣтелей, очень свободны въ сношеніяхъ своихъ съ нашимъ поломъ; но чѣмъ ближе мухаммеданинъ-кочевникъ свыкается съ осѣдлостію, тѣмъ скорѣе онъ, такъ сказать, отатариваетея: женщины дичатся мущинъ и скрываютъ лицо

свое подъ фатой или халатомъ, хотя принужденное стѣсненіе имъ и самимъ не нравится.

Женскій полъ во Внутренней-Ордѣ не дошелъ еще до той степени затворничества, которому обречены Татарки, и потому, въ домашнемъ быту, онѣ очень развязны и радушны; но, въ семейномъ быту, Киргизку и нельзя заподозрить въ той удалости, какая проявляется только во время перекочевокъ и въ рѣдкихъ случаяхъ, при народныхъ играхъ. Надо взглянуть на дѣвицу, когда она, взгромоздившись верхомъ, по нашему, на лихаго коня, мчится по степи, подзадоривая бѣгуна легкимъ подогрѣваніемъ ногайкой, мастерски управляетъ его бѣгомъ и при внезапныхъ оборотахъ дивитъ зрителя привычнымъ своимъ безстрашіемъ, легкостью и ловкостью.

Киргизы, какъ и всякое кочевое племя, существуютъ настоящею своею жизнью только до тѣхъ поръ, пока у нихъ обширно еще скотоводство, обширны еще пастбища. Безъ скота и при малоземельѣ, кочевка невозможна, а жить надо: для этого, номадъ прощается съ прежнимъ бытомъ, принимается за соху и борону, и перерождается, подъ вліяніемъ окружающихъ его обстоятельствъ, въ осѣдлаго труженика, въ мирнаго гражданина.

X.

КАЛМЫКИ.

Калмыки прикочевали на Волгу изъ-за Алтая, откуда двинулись они чрезъ глубь Киргизскихъ-Степей—сперва къ вершинамъ Тобола, потомъ къ рѣкѣ Ембѣ, потомъ перешли рѣку Уралъ и, уже въ XVII столѣтіи, показались на луговой Волгѣ, на Ногайской-Сторонѣ, а впослѣдствіи времени заняли оба берега Волги и разсыпались по степямъ, отъ рѣкъ Узеней и Нарынъ-Песковъ до хребтовъ Ергенѐ и до рѣки Кумы.

Калмыки сами себя называютъ *Елю̀тъ*; они, въ прежнія времена, составляли, вмѣстѣ съ другими отраслями Монголовъ—Ойратство,

или, какъ Калмыки сами называютъ — *Дербюнъ-Ойрютъ*, слово-въ-слово—«Четырехъ-союзіе», или политическую связь четырехъ племенъ, именно Дзюнгàровъ, Тергéтовъ или Торгоутовъ, Хошоу́товъ и Хóитовъ.

Первоначально, къ намъ, въ Россію, прикочевали Тергеты, въ составъ которыхъ, въ-слѣдствіе различныхъ сдѣлокъ и брачныхъ связей и свойства главныхъ предводителей народа между собою, вошли частички и другихъ племенъ. Отрасли этихъ племенъ, остававшіяся на первоначальныхъ мѣстахъ своихъ кочевокъ, и сами, въ-послѣдствіи времени, переходили изъ дальнихъ краевъ на тучныя пажити Волжскихъ-Низовьевъ.

Занимая эти Низовья болѣе столѣтія, Калмыки стали, частями, другъ-отъ-друга отдѣляться: одни—потому, что уходили обратно къ Алтаю и за Алтай; другіе—отъ того, что находили себѣ выгоднѣйшія пристанища болѣе къ западу, за Волгой; третьи, наконецъ, потому, что религіозныя убѣжденія принуждали ихъ отдѣляться отъ своихъ сородичей и перемѣнять прежній свой бытъ и прежнюю вѣру на вѣру Христіанскую и на новый образъ жизни.

За отчисленіемъ отъ общей массы совокупно-кочевавшихъ по низовьямъ Волги Калмыковъ, тѣхъ изъ нихъ, которые перешли на другія мѣста въ Россіи же, или внѣ Россіи, на Волгѣ осталась смѣсь племенъ, составлявшихъ прежнее Ойратство и теперь перемѣ-

шанныхъ такимъ-образомъ, что между Хошоутами мы находимъ и племя Хоитовъ, между Хоитами — Дзюнгаръ, между Торгоутами — и Хошоутовъ и Дзюнгарцевъ. Смѣсь эта усилилась преимущественно въ 1772 году, когда, послѣ откочеванія изъ предѣловъ Россіи Калмыцкаго Хана Убуши, съ многочисленными семьями подвластнаго ему народа, Калмыки розданы были ихъ Тайшамъ не поплеменно, а въ томъ составѣ, въ какомъ они, съобща, вмѣстѣ съ другими своими единовѣрцами, занимали извѣстный участокъ Волжскихъ степей.

Въ настоящее время, у Волжскихъ Калмыковъ — девять главныхъ отдѣльныхъ группъ народа, образующихъ, каждая, отдѣльное цѣлое и именующихся *улусами*. Улусы эти суть:

1. Багацохуровскій. Онъ состоитъ преимущественно изъ Калмыковъ Торгоутскаго поколѣнія.

2. Икицохуровскій. Главную его часть составляютъ Торгоуты; но въ немъ есть осколки и Хошоутовъ и Дзюнгарцевъ.

3. Малодербетевскій и

4. Большедербетевскій: оба, по большей части, состоятъ изъ Калмыковъ Дзюнгарскаго племени.

5. Хошоутовскій. Существенную его часть составляютъ Калмыки Хошоутовскаго племени; но въ нихъ есть и отрасли племенъ Хоитовъ и Дзюнгарцевъ.

6. Яндыковскій.

7. Еркете́невскій.

8. Харахýсовскій и

9. Ергене́-Цагáнъ-Кичúковскій или, сокращенно, Ерденіевскій.

Всѣ эти четыре послѣдніе улуса, въ существенномъ своемъ составѣ, принадлежатъ къ племени Терге́тъ.

Большая часть Волжскихъ Калмыковъ составляютъ собственность Казны и, именуясь улусами «казенными», управляются, назначенными отъ Короны, Правителями, которые управляютъ Калмыками на общихъ законахъ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Астраханской Палаты Государственныхъ Имуществъ. Другіе же улусы, каковы на-примѣръ Дербетевскій, Хошоутовскій и Харахусовскій, считаются принадлежащими, по праву наслѣдства, «благорожденнымъ», «бѣлокостнымъ» кореннымъ Калмыцкимъ владѣтелямъ, которые именуются «Нойóнами» и «Владѣльцами»: они, точно такъ же какъ и коронные «Правители», непосредственно зависятъ отъ той же Палаты Государственныхъ Имуществъ.

Есть еще нѣсколько мелкихъ, малочисленныхъ по народонаселенію, улусовъ: въ системѣ управленія, они за отдѣльное цѣлое не считаются, а подъ названіемъ «подвѣдомственныхъ мелкопомѣстнымъ Владѣльцамъ» — причисляются къ другимъ, обширнѣйшимъ улусамъ, Хошоутовскому и Икицохуровскому.

Точно такимъ-же образомъ, въ видахъ управленія, надзора и распорядка за улусами

Харахусовскимъ и Ергене-Цаганъ-Кичиковскимъ (Ерденіевскимъ), оба они соединены въ-одно, подъ сложнымъ наименованіемъ Харахусо-Ерденіевскаго улуса.

Съ тою же благонамѣренною цѣлію наблюденія и попеченія за обѣднѣвшими и, для отъисканія домообзаводства и работъ на рыболовныхъ промыслахъ, за удалившимися въ глушь Прикаспійскаго-Края, на сѣверо-западное прибрежье Каспія, въ такъ-называемые «Мочаги», и за ищущими тамъ пріюта Калмыками, учрежденъ родъ отдѣльной Управы, и всѣ Калмыки, постоянно тамъ пребывающіе, составляютъ особую, независимую отъ прочихъ, группу такъ-называемыхъ «Мочáжныхъ Калмыковъ». Въ эту группу стекается народъ изо всѣхъ Калмыцкихъ кочевьевъ; тамъ мы найдемъ представителей всѣхъ отраслей улусовъ и владѣльческихъ и казенныхъ, кромѣ Малодербетевскаго, Большедербетевскаго и Хошоутовскаго.

У Калмыковъ, съ древнихъ временъ, существуетъ сборъ, именующійся *албанъ*, на нужды народа, или какъ Калмыки выражаются *нутугинъ гарудъ*, то-есть на нужды *нутука*; «нутукомъ» же называлась земля, состоявшая подъ кочевьемъ цѣлаго поколѣнія. Правители такихъ поколѣній, именовавшіеся прежде *Тайшами*, а въ-послѣдствіи времени просто *Нойонами*, обратили *албанъ* въ денежный сборъ и не на нужды народа, а на собственныя надобности. Болѣе-и-болѣе пользуясь пред-

ставлявшимися обстоятельствами, они *албанъ* этотъ увеличивали произвольно; но, съ 1825 года, законодательство наше положило предѣлъ такому произволу, и взысканіе *албана*, въ смыслѣ оброка, ограничено 25 руб. асс. Нынѣ цифра эта остается неизмѣнною (7 руб. 14 коп. сер.); въ казенныхъ улусахъ, *албанъ* этотъ вносится въ Казну, а въ улусахъ владѣльческихъ—въ доходъ Нойона, Владѣльца.

Самый интересный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно трудный предметъ для наблюденій изслѣдователя, составляетъ добросовѣстное дознаніе настоящихъ мѣстъ кочевья, системы перекочевокъ и распредѣленія земель у кочеваго народа. Мы часто слышимъ и въ разговорахъ, а иногда читаемъ и въ серьёзныхъ книгахъ, что «номады кочуютъ сегодня — «тамъ, завтра — здѣсь, бродятъ по степи безъ «толку и сами не знаютъ, куда судьба заведетъ «ихъ завтра». Въ этихъ фразахъ нѣтъ ни одного слова правды.

Что можетъ быть для человѣка драгоцѣннѣе, какъ не земля, на которой онъ живетъ и безъ которой онъ существовать не можетъ? Положимъ, что номады—полудикари, или почти-что просто дикари; но неужели можно допустить мысль, чтобы они вовсе не дорожили тою дарованной имъ отъ Правительства землей, на которой пасутся ихъ стада и отъ тучности и щедрости которой зависитъ все благосостояніе кочевниковъ? Слова, что «нынче здѣсь «кочуютъ такія-то племена, а на будущій годъ,

«можетъ-быть, здѣсь будутъ кочевать другія», что «въ этой перекочевкѣ никто не доберется «толку» — слова эти не заслуживаютъ ни малѣйшей вѣры. Нужна только добрая воля, нужно только сердечное желаніе узнать истину, и въ Калмыцкой перекочевкѣ, въ перекочевкѣ Киргизовъ и другихъ народовъ мы найдемъ строгую послѣдовательность, строгую систему, которая докажетъ, что порядокъ и гармонія господствуютъ и здѣсь, какъ и во всемъ мірѣ.

Начнемъ съ зимы. Зимой, наши кочевники по-большей-части «сидятъ» на одномъ мѣстѣ: они разставляютъ кибитку и обносятъ ее хорошимъ загономъ, который, въ одно время, и защищаетъ стада и предохраняетъ утлое жилье кочевника отъ бурь и непогодъ зимою. Мелкій скотъ бережется около кибитки, ѣстъ заблаговременно-заготовленное для него сѣно, или пасется тутъ же вблизи, на подножномъ корму, что̀ по-просту называется «тебенюетъ». Но тебенёвка эта, для рогатаго скота и для барановъ, бываетъ только въ-продолженіе дня: на̀-ночь скотъ собирается въ загоны. Однѣ лошади тебенюютъ день и ночь на отгонныхъ поляхъ, болѣе-или-менѣе въ дальнемъ разстояніи отъ кибитокъ кочевниковъ.

Но если земля такъ тучна, и пастбища такъ богаты, что ни сѣна запасать не надо, ни гололедицы опасаться нельзя, и если корму весьма-и-весьма для скота достаточно, въ такомъ случаѣ и кочевники, зимой, не сидятъ

на одномъ мѣстѣ, а—кочуютъ. Что это значитъ, мы объяснимъ сейчасъ же, взявъ для примѣра семьи, на зиму укрывающіяся въ постоянныя «зимовки». . . . . . .

. . . . Весной, когда сойдетъ снѣгъ, когда только-лишь проглянетъ молоденькая травка, кочевники «снимаются», покидаютъ свои зимовки, сбираютъ кибитки и какъ ихъ, такъ и весь домашній скарбъ, вьючатъ на верблюдовъ, а гдѣ они перевелись—на воловъ, а нето и на лошадей. Они трогаются съ мѣста и идутъ въ путь, по направленію, изстари избранному и долгими годами усвоенному привычкой. . . . .

Сдѣлавши версты три, верстъ пять и даже десять впередъ, Татарскій *аулъ*, или Калмыцкій *хотòнъ* (то и другое означаетъ группу нѣсколькихъ, близкихъ по родству или по единству интересовъ, семей)—останавливается. Въ ту же минуту, мужчины, признавшіе такое мѣсто удобнымъ для ставки (разумѣется, если на немъ видится достаточное количество кормовыхъ травъ и колодцевъ съ запасами воды)—принимаются за свое дѣло и распредѣляютъ скотъ на пастбища: табунамъ лошадей отводятъ одно мѣсто, барановъ ведутъ въ другую сторону, а если рогатаго скота много — то и его отгоняютъ на отдѣльный лугъ. . . . .

. . . Пока эти распоряженія совершаются, женщины разбиваютъ кибитки, разставляютъ въ нихъ домашній свой скарбъ и готовятъ мужьямъ пищу, хлопочутъ по хозяйству и, въ опре-

дѣленное время, доятъ кобылицъ, коровъ и овецъ, для которыхъ мужья подчищаютъ колодцы и наполняютъ водою водопойныя корыта. Въ остальное время занимаются другими отраслями кочеваго домоводства, шьютъ платья, чинятъ кибитки, готовятъ обувь, валяютъ войлоки, заготовляютъ на-прокъ разные запасы.

Черезъ недѣлю, иногда больше, а иногда и меньше времени, когда скотъ вытравитъ и уничтожитъ всю траву, произраставшую по окрестностямъ, *аулъ* или *хотонъ* снимается съ одного урочища и переходитъ на другое, опять верстахъ въ пяти, въ семи, дальше или ближе отъ перваго. И такъ они проводятъ дни за днями, недѣли за недѣлями, и мѣсяцы за мѣсяцами.

Къ исходу лѣта, они достигаютъ крайней оконечности того пути, которому изъ года въ годъ постоянно слѣдуютъ, и въ августѣ, а иногда и въ началѣ сентября, обращаются назадъ, иногда по тому же самому направленію пути, иногда по другому, причемъ описываютъ уже новую дугу. Но если они и останавливаются при тѣхъ же колодцахъ, при которыхъ въ передній путь поили скотъ свой, то пастбища ему выбираютъ уже не на прежнихъ клочкахъ земли, гдѣ выбитая однажды мѣстность уже не богата кормовыми травами, а на урочищахъ, могущихъ доставить стадамъ и табунамъ обильную пищу. И такимъ-образомъ, къ концу осени, всѣ кочевники достигаютъ

постоянныхъ своихъ зимовокъ, куда доставляютъ и запасы сѣна, во время передняго пути заблаговременно исподоволь изготовленнаго.

Ту линію дороги, по которой слѣдовали одни роды, другіе роды перекрещиваютъ линіями своихъ путей, въ различныхъ направленіяхъ; но, на обычныхъ привалахъ одного рода, другой не будетъ останавливаться: во-первыхъ потому, что родъ, которому данная мѣстность принадлежитъ de jure primi occupantis, по праву освященныхъ временемъ привычекъ и обычаевъ пользованія, самъ первый займетъ собственную свою мѣстность; во-вторыхъ — этимъ самымъ, законнымъ, овладѣніемъ постоянныхъ своихъ урочищъ каждый родъ самъ истравитъ всѣ пастбищныя окрестъ-лежащія мѣста и, естественнымъ путемъ, сдѣлаетъ ихъ неспособными для занятія чужеродцами; а въ третьихъ, наконецъ, и сами чужеродцы, въ простотѣ своихъ патріархальныхъ нравовъ, не посмѣютъ и подумать овладѣть тѣмъ, что, по издавна освященному временемъ обычаю, принадлежитъ не имъ самимъ, а есть для нихъ — чужое, не-мое.

Въ-слѣдствіе этихъ-то трехъ главныхъ, основныхъ причинъ, какъ всѣ степныя пространства чрезвычайно - расчетливо распредѣлены вообще между улусами, такъ и въ самыхъ улусныхъ кочевьяхъ, всѣ мѣстности распредѣлены между родами и отдѣлами родовъ. И такъ, кто знакомъ съ жизнію кочевниковъ,

кто сроднился съ ихъ нравами, кто хорошо изучилъ ихъ кочевныя мѣста, всегда съумѣетъ отвѣтить, гдѣ именно, въ данное время, не только улусъ, а родъ, и даже отдѣльная, замѣчательнѣйшая по числу лицъ, часть рода кочуетъ.

Конечно, все, здѣсь нами изложенное въ видѣ общаго правила, имѣетъ, какъ и всякое общее правило, свои исключенія: противъ этого сказать нечего, потому-что исключенія эти весьма естественны и бываютъ вынуждены какими-нибудь особенными обстоятельствами, болѣе-или-менѣе уважительными.

Сдѣлавъ такое объясненіе дѣла, мы постараемся, на основаніи произведенныхъ нами на мѣстѣ устныхъ распросовъ, распутать довольно запутанный узелъ касательно распредѣленія степей, лежащихъ по обоимъ берегамъ Волги, вплоть до рѣки Кумы и Егорлыка, между обитающими на нихъ улусами Калмыковъ и сословіями другихъ кочевниковъ, сосѣднихъ съ Калмыками. Хотя трудъ нашъ будетъ и первымъ еще опытомъ, мы надѣемся однакожь, что указанія наши будутъ весьма близки къ истинѣ.

Начнемъ съ рѣки Кумы.

Оводъ и комары, которые водятся на рѣкѣ Кумѣ, буквально, въ страшномъ обиліи, служатъ естественнымъ и непреодолимымъ препятствіемъ къ тому, чтобъ наши кочевники когда-нибудь рѣшились провести съ своими стадами здѣсь лѣтнее время.

Народъ прибываетъ сюда никакъ не ранѣе октября мѣсяца, а иногда даже и въ ноябрѣ. Калмыки проводятъ здѣсь время только зимой; и то по самымъ берегамъ Кумы, начиная отъ извѣстнаго селенія Владиміровки, принадлежащаго помѣщику Реброву и почти до впаденія Кумы въ море. На этомъ пространствѣ зимуютъ Калмыки улусовъ Малодербетевскаго, Большедербетевскаго, большая часть Икицохуровскаго и небольшіе отдѣлы другихъ улусовъ.

Невдалекѣ отъ селенія Владиміровки, возлѣ нарѣзка, принадлежащаго станицѣ (не казачей, а крестьянской) Урожайной, находящейся въ четырехъ верстахъ отъ такъ-называемаго Крымскаго-Брода, бываетъ постоянная зимняя ставка отдѣльной части Малодербетевскаго улуса. Ниже Крымскаго-Брода, на стрѣлкѣ, образуемой рѣками Кумой и Гуйдукомъ, слѣдовательно ниже такъ-называемой *Джиланъ-Кишу*, или «Змѣиной-Переправы», бываетъ постоянная зимняя ставка Икицохуровскаго улуса. Ниже этого мѣста, кочевокъ не бываетъ, потому-что здѣшніе сыпучіе пески вовсе негодны для пастьбы скота. Только въ самыхъ устьяхъ Кумы и въ прилежащихъ къ нимъ мочагàхъ, верстъ на двадцать на сѣверъ отъ Кумы, бываетъ постоянная зимняя ставка Эркетеневскаго улуса. Слово «ставка» мы принимаемъ въ смыслѣ центральнаго улуснаго стойбища: изъ этого должно быть понятно, что улусныя кочевья раскинуты окрестъ ставки въ болѣе-или-менѣе дальнихъ разстояніяхъ.

Въ мочагàхъ, какъ мы уже прежде замѣтили, лѣто и зиму живутъ бѣднѣйшіе, неимѣющіе средствъ кочевать по степи, по недостатку наличнаго скота и по разнымъ случайностямъ, сходцы почти изъ всѣхъ улусовъ. Здѣсь же, въ мочагàхъ, поюжнѣе селенія Зинзили́, обитаемаго переселившимися сюда въ старые годы Казанскими Татарами, невдалекѣ отъ одной Русской крестьянской станицы, бываютъ постоянныя зимнія ставки улусовъ Харахусовскаго и Яндыковскаго; а если отмѣрить отсюда верстъ 70 къ западу и верстъ по 50 къ сѣверу и къ югу, то мы получимъ участокъ, составляющій зимнее и лѣтнее кочевье цѣлаго Яндыковскаго улуса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зимнее кочевья улусовъ Еркетеневскаго и Харахусовскаго, которыхъ незначительные осколки остаются здѣсь и на лѣто, на изстари занятыхъ урочищахъ; но главная масса Еркетеневцевъ на лѣто откочевываетъ еще западнѣе, а Харахусовцы поднимаются гораздо сѣвернѣе и нѣкоторыми своими частями достигаютъ до города Чернаго-Яра. Тутъ же, въ мочагàхъ и въ прилегающихъ къ нимъ съ сѣвера и съ сѣверо-запада пространствахъ, кочуютъ часть Юртовскихъ-Татаръ, небольшая часть Туркменовъ и Татары Бухарскаго Двора.

Къ сѣверу отъ пространства, занятаго зимними кочевьями Яндыковъ, Еркетеневцевъ и Харахусовцевъ, почти вплоть до города Енотаевска, часть степи праваго берега Волги со-

ставляетъ зимнее кочевье Хошоутовскаго улуса. Главная зимняя его ставка находится на другой сторонѣ Волги, въ сельцѣ Тюменевкѣ, принадлежащемъ, на вотчинномъ правѣ, Владѣльцу того улуса Князю Тюменеву. Противъ этого мѣста, въ Заволжской-Степи, по лѣвому берегу Ахтубы, есть отдѣльный нарѣзокъ земли, составляющей лѣтнее кочевье Хошоутовскаго улуса, а сѣвернѣе его есть еще новый нарѣзокъ, прилегающій къ горѣ Большая-Богдо; но здѣсь, вообще по неудобству для пастбища, потому-что тутъ и травы скудны и топки и воды вовсе нѣтъ, никто не кочуетъ: изрѣдка только заходятъ нѣкоторые отдѣлы родовъ Хошоутовскаго же улуса.

Этотъ послѣдній участокъ лежитъ выше лѣтняго кочевья Хошоутовъ, а ниже этого лѣтняго Хошоутовскаго кочевья, по остальному протяженію Ахтубы, вплоть до города Краснаго-Яра, выклинивается, въ видѣ треугольника, западною своею стороною примыкающаго къ Хошоутовскому лѣтнему кочевью, еще участокъ, составляющій принадлежность Кундровскихъ-Татаръ: на этомъ участкѣ, какъ намъ извѣстно уже изъ предшествовавшихъ «Очерковъ», кочуютъ, кромѣ этихъ Татаръ, еще Туркмены Астраханскаго Вѣдомства, Каракалпаки и часть Юртовскихъ-Татаръ.

Если съ луговой стороны Волги мы перенесемся опять на нагорную, то, близь города Чернаго-Яра, встрѣтимъ отрѣзокъ степи, занятый лѣтними кочевьями улусовъ Икидоку-

ровскаго и Харахусовскаго: мѣста лѣтней ставки мы здѣсь не отмѣчаемъ, потому-что лѣтомъ она бываетъ не постоянная. Бѣднѣйшіе Калмыки этихъ двухъ улусовъ, на зиму, укрываются въ перелѣскахъ, или, вѣрнѣе сказать, въ рощицахъ, по займищамъ рѣки Волги. Но, такъ какъ всѣ берега Волги и ея притоковъ заняты нарѣзками, принадлежащими селеніямъ Русскихъ, крестьянъ и Казаковъ, то сіи послѣдніе пользуются правомъ запашки Калмыцкихъ земель на пятьнадцать верстъ вглубь степи, начиная отъ границъ своихъ селеній. Болѣе состоятельные Калмыки на зиму удаляются на указанныя уже нами прежде зимовки: Икицохуры—на Куму, Харахусовцы—на западъ отъ Хошоутовскаго зимняго кочевья, гдѣ и проводятъ холодные мѣсяцы года, вмѣстѣ съ Еркетеневцами.

Часть степи, восточною своею стороною примыкающая къ пространству, лежащему между городами Чернымъ-Яромъ и Енотаевскомъ, составляетъ лѣтнее и зимнее кочевье Багацохуровскаго улуса, главная зимняя ставка котораго бываетъ на Волгѣ, между казачьими станицами Копановкой и Вѣтлянинской.

На длинной и узкой, но постепенно расширяющейся полосѣ, тянущейся отъ села Райгородка на югъ къ рѣкѣ Кумѣ и раздѣляющей поименованныя нами кочевья Харахусовъ, Икицохуровъ, Багацохуровъ и Хошоутовъ, отъ западныхъ границъ Астраханскихъ степей, граничащихъ съ Землею Войска-Донскаго,—зиму и

лѣто бродятъ разноулусники, самобѣднѣйшіе сходцы какъ изъ казенныхъ, такъ и изъ владѣльческихъ улусовъ. Остальная же часть степи между этими разноулусниками и Донскими предѣлами, вплоть до самаго Маныча, есть зимнее и лѣтнее кочевье Малодербетевскаго улуса; участокъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что черезъ него проходитъ такъ-называемый «коммерческій трактъ», все болѣе-и-болѣе заселяемый станицами государственныхъ крестьянъ; близь одной изъ нихъ, именно Тундутовой, постоянно бываетъ зимняя ставка Калмыковъ этого улуса.

По этой коммерческой дорогѣ, направляющейся изъ посада Дубовки, черезъ Царицынъ, въ Ставропольскую губернію на Кавказъ, и ведущей черезъ возвышенности Ергенè, кочуютъ исключительно одни Калмыки-Малодербетевцы; зажиточнѣйшіе изъ нихъ занимаютъ мѣста по рѣчкамъ Амтà, Загестà, Джурукъ, при оврагахъ Кресты, близь родниковъ Кицымъ-Булукъ и преимущественно близь урочища Амтануръ, не вдалекѣ отъ станицы Пріютной, гдѣ зимою, какъ говоритъ и самое названіе станицы, бываетъ почти всегдашній «пріютъ» для Калмыцкаго скота: травы здѣсь чрезвычайно высоки и сочны. Причины, объясняющія постоянное и огромное стеченіе скота именно въ этомъ мѣстѣ, заключается не столько въ хорошихъ кормахъ, сколько въ томъ, что у рѣки Маныча, протекающаго здѣсь частію солонцеватою, а частію песчаною мѣст-

ностью, снѣгъ не держится: поэтому, и въ самыя лютыя зимы, какъ бы ни были обильны снѣга, скотъ здѣсь меньше подвергается опасности падежа.

По этому случаю, не лишне замѣтить, что упоминаемая дорога, ведущая изъ Царицына, черезъ Сарепту, на Кавказъ, идетъ по западному берегу озера Барманцàка, далѣе чрезъ устья рѣчекъ Альматы̀, при которой бываетъ зимняя ставка Малодербетевцевъ, Ялматы̀, Амта-Зельмèнь, потомъ чрезъ вершины овраговъ Аршà-Зельмèнь, Ковкрю̀въ, черезъ рѣчки Якшибàй, Амту̀ и Загесту̀. Затѣмъ, пройдя еще четыре версты Калмыцкими землями, она своpачиваетъ въ предѣлы Земли Донскаго Казачьяго Войска, идетъ тамъ на протяженіи сорока верстъ, потомъ снова выходитъ на улусную землю и направляется черезъ рѣчку Джуру̀къ, овраги Кресты̀, родники Кицымъ-Булу̀къ, ерикъ Ноинъ-Шарè и рѣчку Мàнычъ и далѣе, по лѣвому берегу Калау̀са. О вліяніи новыхъ заселенныхъ мѣстъ на зажиточность кочевавшихъ здѣсь Калмыковъ, на благосостояніе фурщиковъ и чумаковъ, на провозныя цѣны, и слѣдовательно и на торговлю — говорить здѣсь не мѣсто.

По этому коммерческому тракту везутъ на Кавказъ хлѣбъ, лѣсъ, спиртъ, желѣзо, артиллерійскія орудія и снаряды. Близь зимней ставки Малодербетевцевъ, отъ этого пути отдѣляется влѣво другой трактъ, именуемый Томскою-дорогой, потому-что при Цыціановѣ

ее проложилъ Томскій пѣхотный полкъ. Она идетъ мимо бассейна рѣки Сарпы, состоящаго изъ озеръ и плёсовъ, и направляется въ Пятигорскій уѣздъ. По этой дорогѣ, въ коммерческомъ отношеніи замѣчательной тѣмъ, что по ней Калмыки гоняютъ барановъ въ Царицынъ (лошадей гонятъ не по этой дорогѣ, а прямо степью, по извѣстнымъ всякому кочевнику урочищамъ), кочуютъ тоже разноулусники, и Дербетовцы, и Яндыковцы, и Икицохуры.

По обѣимъ сторонамъ рѣчки Калауса кочуютъ Ногайцы, извѣстные подъ названіемъ Калаусо-Джембулуковцевъ: скотъ свой они перегоняютъ съ мѣста на мѣсто, а аулы располагаютъ на постоянныхъ мѣстахъ.

По этой же рѣчкѣ Калаусъ, но ближе къ впаденію ея въ рѣку Маннычъ, и по самому Манычу, кочуютъ Туркмены Кавказскаго Вѣдомства. Они, по льду, приходятъ сюда съ Кумы не надолго, и съ конца мая бываютъ здѣсь не далѣе, какъ до іюля мѣсяца; потомъ двигаются къ рѣкѣ Егорлыку и къ Большому-Лиману; достигнувъ до Цаганъ-Нура, или Бѣлаго-Озера, поворачиваютъ назадъ, и къ октябрю мѣсяцу, являются на свои мѣста, на правый берегъ Кумы, ниже Зиланъ или Джиланъ-Кишу, гдѣ, слѣдующею весной, переправляются черезъ рѣку, по-прежнему, по льду.

Кромѣ этихъ Туркменъ, между правымъ берегомъ Кумы и станицами полковъ Горска-

то, Моздокскаго и Гребенскаго, (Кавказскаго Линѣйнаго Казачьяго Войска) кочуютъ еще Аджикулакъ - Джембулуковскіе Ногайцы (полукочевые) и Кара-Ногайцы. Калаусо-Джембулуковцы и Туркмены прочно занимаютъ, по Калаусу, мѣста, предназначенныя къ заселенію государственными крестьянами.

Южнѣе Калаусо-Джембулуковцевъ, въ урочищѣ Айгуръ, неподалеку отъ селенія Медвѣдскаго, между селеніями—Петровскимъ, Ставропольскаго уѣзда, и Медвѣдскимъ — Пятигорскаго, кочуютъ Шеретовскіе-Татары, или отатаренные въ Крыму Калмыки, выведенные изъ Крыма Суворовымъ. Объ этихъ племенахъ мы не распространялись потому, что они не входятъ въ семью народовъ, занимающихъ степи, прилегающія къ Низовьямъ Волги.

Лѣтомъ на Манычѣ, а зимой на Кумѣ, пасетъ значительные табуны скота, преимущественно лошадей, Кизлярскій купецъ Гамбаровъ, изъ платимаго, кому слѣдуетъ, оброка. По разливу Маныча, именуемому «Большой-Лиманъ», все солонцы, и тутъ никто не кочуетъ. Добыча соли здѣсь предоставлена, какъ извѣстно, Донскому Казачьему Войску, которое и имѣетъ тутъ Соляную Контору.

Часть степи, прилегающая съ одной стороны къ рѣкѣ Егорлыку, съ другой къ Большому-Лиману, съ третьей къ Калаусу (частію въ Ставропольскомъ, а частію въ Пятигорскомъ

уѣздахъ), составляетъ зимнее и лѣтнее кочевье Больше-Дербетевскаго улуса, котораго постоянная зимняя ставка находится у самаго Егорлыка.

Въ Калмыцкомъ народѣ мы встрѣчаемъ три сословія, признанныя нашимъ законодательствомъ, съ предоставленіемъ имъ различныхъ правъ состоянія. Первые суть—Нойоны, пользующіеся правами дворянства; вторые—Зайсанги, пользующіеся, смотря по различію присвоенныхъ имъ степеней въ управленіи, правами почетнаго гражданства, личнаго или потомственнаго; третьи, наконецъ, суть простые, «черные», «чернокостные», «неблагорожденные» Калмыки, пользующіеся одинаковыми правами со всѣми сельскими обитателями. Есть еще четвертое сословіе—духовенство. Калмыцкіе духовные, по правиламъ исповѣдуемаго ими Буддизма, лишены права вступленія въ бракъ. Храмы Калмыцкіе называются *хурулами*, а самое духовенство раздѣляется на три степени: *гелюнговъ* или жрецовъ первой степени, *гецюлей* или второстепенныхъ жрецовъ и *манжиковъ* или учениковъ вѣры. Нойоны, зайсанги и духовные вносятся въ народныя переписи подушно, а «черные» Калмыки—посемейно, или покибиточно; обыкновенно, кибитку среднимъ числомъ можно, почти навѣрное, принимать въ три души мужескаго и въ три души женскаго пола.

Сдѣлавъ такія оговорки, мы можемъ уже представить слѣдующія, сообщенныя намъ, им

фиціальнымъ путемъ, статистическія данныя за 1850 годъ:

Названія улусовъ.	Военнопленныхъ (воощик нойоновъ) мужеск. пола.	женск. пола.	Зайсанговъ. мужеск. пола.	женск. пола.
Багацохуровскій . .	4	4	143	114
Еркетеневскій. . . .	.	.	105	56
Яндыковскій	.	.	113	78
Икицохуровскій . .	20	16	201	138
Хошоутовскій. . .	4	11	44	41
Малодербетевскій .	1	2	636	458
Большедербетевскій	8	12	64	80
Харахусо-Ерденіевскій	1	1	190	125
итого .	38	46	1,496	1,083

Названія улусовъ.	Простонародье. число семей.	Число храмовъ. большихъ.	малыхъ.	Духовенства всѣхъ разрядовъ. число душъ.
Багацохуровскій . .	1,299	3	5	206
Еркетеневскій . .	1,655	3	5	215
Яндыковскій . . .	2,000	6	10	411
Икицохуровскій . .	1,194			
Хошоутовскій . .	1,833	3	5	189
Малодербетевскій .	5,043	9	15	667
Большедербетевскій.	786	3	3	170
Харахусо - Ерденіевскій	1,059	3	4	146
У мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ . . .	199	(вмѣстѣ съ другими улусами).		
итого	15,068	30	47	2,004

Скота, въ 1851 году, считалось въ Калмыцкихъ улусахъ:

	Верблюды.		Лошади.		Рогатый скотъ.		Бараны.		Козы.	
	Вообще въ улусѣ.	Только у простонародья.	Вообще въ улусѣ.	Только у простонародья.	Вообще въ улусѣ.	Только у простонародья.	Вообще въ улусѣ.	Только у простонародья.	Вообще въ улусѣ.	Только у простонародья.
агацохуры	258	178	3,200	1,700	4,050	3,050	28,650	24,200	2,015	1,670
ркетеневцы	3,169	2,974	3,203	2,563	13,094	10,972	132,427	109,898	8,101	3,126
ндыки . .	406	359	2,320	2,009	4,063	3,759	7,658	5,929	982	878
кицохуры .	4,100	3,690	5,200	4,246	7,500	6,853	103,000	96,055	3,400	2,990
ошоуты . .	542	443	7,363	5,724	3,293	2,469	18,322	14,647	275	275
алые-Дербеты . .	7,539	6,269	37,252	27,400	61,607	52,250	157,557	126,022	5,257	5,232
ольшіе-Дербеты . .	613	593	5,237	4,568	14,418	13,474	46,465	44,280	1,339	1,323
арахусо-Ерденіевцы .	3,926	3,598	5,805	5,296	10,898	10,300	67,737	63,217	1,822	1,815
очажные-Калмыки .	35		397		5,460		9,150		785	
его около	20,000		70,000		125,000		570,000		24,000	

Въ предшествовавшемъ 1850 году Калмыки продали скота:

		верблюдовъ.	лошадей.	рогатаго скота.	барановъ.	козъ.
въ Багацохуровскомъ улусѣ		.	110	229	1,700	.
— Еркетеневскомъ	—	79	277	6,303	38,081	11
— Яндыковскомъ	—	.	125	450	1,420	.
— Икицохуровскомъ	—	120	150	1,100	15,001	.
— Хошоутовскомъ	—	45	437	391	3,559	174
— Малодербетевскомъ	—	.	578	13,900	52,590	.
— Большедербетевскомъ	—	.	147	957	790	.

	верблюдовъ.	лошадей.	рогатаго скота.	барановъ.	козъ.
въ Харахусовскомъ улусѣ .	22	120	410	4,200	17
— Мочагахъ.		14	305	700	30
продано разнобулусниками подъ Астраханью	11	35	271	2,007	189
итого	286	1,993	24,316	121,037	421

Билетовъ и свидѣтельствъ на болѣе-или-менѣе продолжительныя отлучки изъ хотоновъ на разныя заработки и на черныя работы на рыбопромышленныхъ заведеніяхъ, въ 1850 году, было выдано:

	билетовъ.	свидѣтельствъ.
по управленію Багацохуровскаго улуса .	978	465
Еркетеневскаго — .	76	603
Яндыковскаго — .	2,214	39
Икицохуровскаго — .	108	220
Хошоутовскаго — .	1,069	186
Малодербетевскаго — .	1,481	3,238
Большедербетевскаго — .	131	225
Харахусо - Ерденіевскаго . . . . . . — .	617	845
Мочажными Калмыками .	1,979	11
По особому управленію, находящемуся подъ Астраханью, на такъ-называемомъ Калмыцкомъ-Базарѣ	3,541	.
итого.	12,194	5,829

Калмыки подбриваютъ волосы вокругъ всей головы, пальца на два и на три, начиная ото лба и далѣе кругомъ, до затылка; остальные волосы они расчесываютъ на обѣ стороны и

подсѣкаютъ по-казачьи. Бороду Калмыки брѣютъ; усы оставляютъ, но никогда не закручиваютъ. Старики запускаютъ волосы, и сзади заплетаютъ ихъ въ косу. Почти у каждаго Калмыка въ лѣвомъ ухѣ виситъ серьга, на рукѣ—перстень или кольцо.

Шапка Калмыцкая бываетъ изъ желтаго сукна, съ круглой тульей и съ четырехугольнымъ верхомъ, украшеннымъ красною кистью; околыши у шапокъ — бараньи.

Женщины носятъ такія же шапки, но иногда и глазетовыя, и парчевыя, опущенныя дорогимъ мѣхомъ. Волосы они раздѣляютъ на двѣ части, а заплетаютъ ихъ въ двѣ косы, выпускаемыя на передъ черезъ плечи, въ черныхъ и длинныхъ плисовыхъ чахлахъ.

У настоящихъ степняковъ-Калмыковъ, шапки бываютъ стоячія, въ родѣ уланскихъ; щеголи подбриваютъ себѣ волосы почти-что на ладонь ширины, а щеголихи притираются румянами и къ коротенькимъ косичкамъ подвязываютъ фальшивыя косы, изъ конскихъ волосъ.

Рубахи у Калмыковъ обоего пола бываютъ очень коротенькія, распашныя и длиной только до пояса шальваръ, которыя носятся и мущинами, и женщинами. Мущины одѣваются въ казакины, или бешметы, сшитые изъ синей нанки, и опоясываются ременнымъ поясомъ; въ сырую погоду, осенью, носятъ ергаки, изъ выдѣланныхъ конскихъ шкуръ, а зимой бараньи тулупы и разныхъ мѣховъ шубы, крытыя,

смотря по достатку, болѣе-или-менѣе цѣнными матеріями.

Женщины одѣваются въ ситцевые или шелковые *бешметы*, опоясываются шелковымъ поясомъ; носятъ также и *терлики*, просторныя платья съ стоячимъ воротникомъ, поверхъ котораго выпускаются длинные воротнички бѣлой рубахи. Терлики обшиваются позументами и шелковыми лентами, а дѣлаются изъ нанки, ситца, шелка, глазета, парчи или и бархата. Для верховой ѣзды, нѣкоторыя надѣваютъ *цегдыкъ*, тотъ же терликъ, но безъ рукавовъ, а съ распашными спереди и сзади полами.

Носовые платки—необходимость щеголей обоихъ половъ, точно такъ же, какъ и кольца; но дѣвицы носятъ ихъ на мизинцахъ, а замужнія женщины на безъимянныхъ пальцахъ. Дѣвицы косъ на передъ не выпускаютъ, а существеннѣйшее отличіе ихъ отъ замужнихъ состоитъ въ томъ, что онѣ носятъ родъ корсетовъ, начиная стягивать грудь съ тѣхъ самыхъ поръ, когда формы начнутъ округляться: условія Калмыцкой скромности требуютъ, чтобъ у дѣвицы на груди никакихъ возвышенностей замѣтно не было.

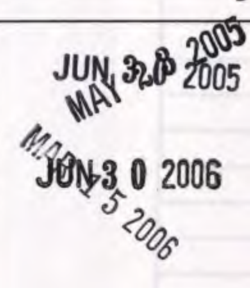
Калмыки обоего пола пристрастны къ куренію табака: коротенькая трубка-самодѣльщина необходима для каждаго. Калмыки, употребляя въ пищу тѣже самыя кушанья, которыми питаются и сосѣдственныя съ ними мухаммеданскія племена, большіе охотники

и до водки, которой Буддизмъ не запрещаетъ и которая самыми простыми пріемами гонится изъ кобыльяго молока. Водка эта, по-Калмыцки *арза̀*, въ-теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ потребляется въ замѣчательномъ количествѣ; зимой, Калмыки пьютъ наше хлѣбное вино. Кромѣ кобыльяго молока, *арзу̀* гонятъ также изъ овечьяго и даже изъ коровьяго молока. Конѝну Калмыки ѣдятъ всѣ, кромѣ духовенства: мясо это, точно также какъ и всѣ хмѣльные напитки, въ жертву бурханамъ приносимы быть не могутъ. Калмыки ѣдятъ и дикихъ кабановъ; большіе охотники до свинины, хотя, по кочевому образу жизни, имъ и невозможно разводить свиней; употребляютъ въ пищу и простыхъ степныхъ звѣрковъ; палую лошадь также никто не откажется употребить въ пищу, если окажется, что она пала въ-слѣдствіе такъ-называемой сибирской язвы: болѣзнь эту, по правиламъ ученія Будды, степные Калмыцкіе врачи изъ жрецовъ лечить не дерзаютъ.

Примѣрныя границы кочевьевъ.
Чарызка для прогоновъ къ рѣкѣ калмыцкаго скота.
Главная ставка.
Чарызки подъ селенія и станицы.
Селенія Юртовскихъ-Татаръ.
Селенія и станицы казачьи и крестьянскія.
Внутренняя-Киргизская-Орда.
Кочевье Кундровскихъ-Татаръ; тутъ же Астраханскіе-
[illegible]

JUN 30 2005
MAY 20 2005
JUN 30 2006
MAR 15 2006

